

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published four times a year
2016, № 4 (17)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Science”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”,
The State Committee of the Republic of Sakha (Yakutia) on innovative policy and science**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in History (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor in chief, PhD, Professor in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtseva, Zh.V.*, executive secretary, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov, E.P.*, PhD in History, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, PhD, Professor in Philology, (NEFU named after M.K. Ammosov); *Vinokurova D.M.*, PhD in Sociology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Gabyшева L.L.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Dmitrieva E.N.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Ignatieva V.B.*, PhD in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, PhD, Professor in Art (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, PhD, Professor in Philosophy (YSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov); *Popova N.I.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, PhD in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, PhD in History (NEFU named after M.K. Ammosov); *Fedorov V.I.*, PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, PhD, Professor in Philology (NEFU named after M.K. Ammosov).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2016, № 4 (17)

Учредители (соучредители):

**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»,
Государственный комитет Республики Саха (Якутия)
по инновационной политике и науке**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцева Ж.В.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н., доцент (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНИЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council

Alexeev A.N., PhD, Professor in History (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, PhD, Professor in Philology, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argunova-Lou T.I.*, Dr., Professor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, PhD, Professor in Ethnology (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, PhD, Professor in Philology (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, PhD, Professor in Philology, Professor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, PhD, Professor in History, Corresponding Member of RAS (IHA, UB RAS (Ekaterinburg); *Derevyanko A.P.*, PhD, Professor in History, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, PhD, Professor in Philology (TrabsbaikalSU, Chita); *Karoly L.*, Professor in Philology, Dr. (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, PhD, Professor in Geology-Mineralogy (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nasilov D.M.*, PhD, Professor in Philology (ICAA MSU, Moscow); *Nevskaya I.A.*, PhD, Professor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, PhD, Professor in Philology (RSPU named after A. Herzen, St. Petersburg); *Takakura H.*, Professor in Anthropology, Dr. (University Tohoku, Japan); *Shipitsyn Yu.A.*, PhD in Engineering (MVETP RS(Y)); *Shirobokova N.N.*, PhD, Professor in Philology (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, PhD, Professor in History (IH SB RAS, Novosibirsk).

Responsible for issue *E.P. Antonov*

Editors: *N.I. Degtyareva, E.F. Molotkov*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Насилов Д.М.*, д. ф. н., проф. (ИСАиА при МГУ, г. Москва); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Шипицын Ю.А.*, к. т. н. (МПОиРК РС(Я)); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Е.П. Антонов*

Редакторы: *Н.И. Дегтярева, Е.Ф. Молотков*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Никитина С.Е.</i> В.В. Никифоров о земском самоуправлении в Якутской области (к 150-летию Василия Васильевича Никифорова)	10
<i>Васильев В.Е.</i> Генезис шаманских инструментов народа саха в свете образа матери-зверя у тюрков, монголов и тунгусов	18
<i>Акерев Т.А.</i> Найманы в XII–XIV вв. (аспекты происхождения и этнополитических связей)	27
<i>Антонов Е.П.</i> Вклад С.В. Обручева в геологическое и географическое изучение Якутии	35
<i>Санникова Я.М.</i> К изучению регионального аспекта развития традиционного хозяйства народов Севера в контексте аграрной политики государства	41

Социологические науки

<i>Игнатьева В.Б.</i> Чурапча на девяти холмах: топография и нарративы коллективной памяти	48
<i>Томаска А.Г.</i> Место памяти и идентичность молодежи Мирнинского района Республики Саха (Якутия)... ..	52
<i>Романова Л.Н.</i> «Воспоминания» А.Я. Уваровского как место памяти	55
<i>Романова Е.Н.</i> Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность)	59
<i>Иванова Н.И.</i> «Места памяти» в социолингвистической интерпретации (к постановке проблемы)	65

Филологические науки

<i>Ыбырайым А.О.</i> Из истории изучения форм слова в тюркском языкознании	69
<i>Ефремов Н.Н.</i> Средства выражения эвиденциальности в якутском языке: формы изъявительного наклонения глагола (в сопоставлении с хакасским языком)	75
<i>Иванова И.Б.</i> Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке	80
<i>Винокурова Н.И.</i> Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке	85
<i>Кузьмина А.А.</i> Название деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект)	99
<i>Шарина С.И.</i> Деепричастия в нижнеколымском говоре эвенского языка	106
<i>Самсонова Т.П.</i> Сюжетно-композиционные особенности произведений Исая Никифорова	111
<i>Покатилова Н.В.</i> Малые жанры в повествовательной системе фольклора	116

Научная жизнь

<i>Ушницкий В.В.</i> Этнографические этюды (один день из полевой экспедиция в Синыцзян)	122
---	-----

Рецензия

<i>Петров А.А.</i> Рецензия на книгу О.Г. Сидорова «Платон Ойунский»	128
--	-----

Наши юбиляры

<i>Оконешников Е.И.</i> Михаил Петрович Алексеев-Дапсы (к 80-летию со дня рождения)	132
---	-----

<i>Антонов Е.П.</i> Наталия Ивановна Бурнашева (к 60-летию со дня рождения)	134
---	-----

Сведения об авторах	136
---------------------------	-----

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	139
---	-----

CONTENTS

Historical sciences

<i>Nikitina S.E.</i> V.V. Nikiforov about territorial self-government in the Yakut region (the 150th anniversary of Vasyly Vasilyevich Nikiforov)	10
<i>Vasilyev V.E.</i> The Genesis of the shamanic tools of the Sakha people in the image of the mother-beast among the Turks, Mongols and Tungus	18
<i>Akerov T.A.</i> Naimans in XII – XIV centuries (Origin aspects and ethno-political associations)	27
<i>Antonov E.P.</i> The contribution of S.V. Obruchev in the geological and geographical study of Yakutia	35
<i>Sannikova Ya.M.</i> To study the regional dimension of the traditional economy of Northern Peoples in the context of the agrarian policy of the state	41

Sociological sciences

<i>Ignatyeva V.B.</i> Churapcha on nine hills: the topography and narratives of collective memory	48
<i>Tomaska A.G.</i> Place of memory and identity of the youth of the Mirny District of the Sakha Republic (Yakutia)	52
<i>Romanova L.N.</i> “The memories” of A.Ya. Uvarovskiy as the place for memory (posing of problems)	55
<i>Romanova E.N.</i> Images of the nation's past and future in the perception of the Yakut emigration: (memory, oblivion, identity)	59
<i>Ivanova N.I.</i> “The places of memory” in sociolinguistic interpretation (to statement of a problem)	65

Philological sciences

<i>Ybyrayem A.O.</i> From the history of the study of word forms in Turkic linguistics	69
<i>Efremov N.N.</i> Means of expression of evidentiality in the Yakut language: the forms of the indicative mood of the verb (in comparison to the Khakass language)	75
<i>Ivanova I.B.</i> Linguistic means of expression measures of volume and weight in the Yakut language	80
<i>Vinokurova N.I.</i> Glossing as a method of representing texts written in the Yakut language	85
<i>Kuzmina A.A.</i> The names of the trees and shrubs in the Yakut language (comparative aspect)	99
<i>Sharina S.I.</i> Adverbial-participial in Nizhnekolymskiy dialect of the Even language	106
<i>Samsonova T.P.</i> Plot and compositional features of the works of Isai Nikiforov	111
<i>Pokatilova N.V.</i> Small genres in a narrative system of folklore	116

Scientific life

<i>Ushnitsky V.V.</i> Ethnographic etudes (one day from a field expedition in Xinjiang)	122
---	-----

Reviews

<i>Petrov A.A.</i> Review on the book of O.G. Sidorov “Plato Oyunsky”	128
---	-----

Anniversaries

<i>Okoneshnikov E.I.</i> Mikhail Petrovich Alekseev–Dapsy (the 80th anniversary)	132
--	-----

<i>Antonov E.P.</i> N.I. Burnasheva (the 60th anniversary)	134
--	-----

Information about authors	137
---------------------------------	-----

The manuscripts rules	139
-----------------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.56)

С.Е. Никитина

В.В. Никифоров о земском самоуправлении в Якутской области

(к 150-летию Василия Васильевича Никифорова)

В статье рассматриваются взгляды Василия Васильевича Никифорова, одного из ведущих лидеров национальной интеллигенции. Будучи улусным головой, мировым судьей, частным поверенным, он профессионально отстаивал идеи демократизации местного управления и самоуправления инородцев; введение земского самоуправления в Якутской области. Научный интерес к данной теме связан с изучением эволюции взглядов В.В. Никифорова, а также его усилий по модернизации системы управления и самоуправления в Якутии в эпоху социальных потрясений начала XX в. Обнаруженные архивные документы по преобразованию управления и самоуправления так называемой реформой В.Н. Скрыпицына; позиция В.В. Никифорова в вопросах требования демократизации управления и участия местного самоуправления в развитии края в период первой российской революции; руководство В.В. Никифоровым земским самоуправлением в Якутии позволяют исследовать его общественно-правовую деятельность. Представляется важным привлечение внимания научной общественности к трудам В.В. Никифорова как к историческому памятнику правовых взглядов передовой национальной интеллигенции из провинции.

Ключевые слова: реформа В.Н. Скрыпицына, унификация управления, земство, инородческое управление, классная система землепользования, уравнительное распределение земли.

Функционирование «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., когда вне сферы земского самоуправления оставались Архангельская губерния, Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, прибалтийские губернии, Финляндия и Польша, вызывало попытки реформировать земство и со стороны правительства, и со стороны либеральной общественности. В конце XIX в. отдельные общественные деятели неоднократно выдвигали предложения о необходимости продолжения реформ в России, направленных на демократизацию властных и публично-правовых

институтов, организацию народного представительства в органах местного самоуправления, а также расширение земства и на остальной территории Российской империи.

Интерес представляют взгляды Василия Васильевича Никифорова, одного из ярких представителей просвещенной национальной интеллигенции Якутской области рубежа XIX–XX вв., на реформирование местного самоуправления в Якутии в пользу земства при его профессиональной правовой компетенции, широкой социальной эрудиции, управленческом опыте работы в ино-

родческом и городском самоуправлении, активном участии в общественно-политических событиях революционной эпохи, организационной деятельности по реализации земского самоуправления в регионе. Его перу принадлежит несколько документов, известных историкам, – свидетельств правовой мысли якутов о земском самоуправлении рубежа XIX–XX вв.

В конце XIX в. была предпринята попытка местных органов управления Якутской областью провести преобразования по землеустройству местного населения. В якутскую историографию она вошла как реформа губернатора В.Н. Скрыпицына. Предполагалось перевести якутское население, у которого в соответствии с податным обложением сложились специфические системы землепользования (соболоино-лисыя, позднее классная), на уравнительное землепользование по принципу крестьянской общины и возложить податное обложение на каждого поровну. В историографии Якутии такая реформа уравнительного землеустройства в инородческом обществе представлялась крайне смелым инициативным проектом деятельного якутского губернатора В.Н. Скрыпицына. Изучение истории российской государственности показывает, что эта реформа была частью усилий российского правительства, направленных на унификацию системы управления.

Перевод на уравнительное землепользование, предложенный губернатором В.Н. Скрыпицыным, вызвал «отчаянное сопротивление инородцев» [История..., 1957, с. 315–317]. Это свидетельствовало о заметном руководящем начале в процессе самоорганизации общества у коренного населения Якутии, появлении национальной элиты, ставящей определенные задачи и реализующей их при должной организации сил и условий осуществления. Первым оппонентом реализации правительственных замыслов в Якутии В.Н. Скрыпицыным выступил В.В. Никифоров.

Реформа якутского губернатора В.Н. Скрыпицына являлась правительственным проектом введения института крестьянских начальников и постепенного перехода «кочевых инородцев» в крестьянское сословие. Рассмотрим осуществление государственной реформы управления сибирскими и дальневосточными окраинами в Якутской области. Со второй половины XIX в. происходят качественные изменения в правительственной политике по отношению к Сибири. Присоединение Южного Казахстана и Средней Азии, закре-

пление за Россией Забайкалья, Приамурья и Приморья привели к стабилизации положения на южной границе, что вызвало принципиальное изменение политики самодержавия по унификации управления северо-восточными территориями. Курс на унификацию управления выделялся в управлении ими по образцу русских поселенцев, в переводе инородцев на оседлость, приобщении к православию, западному образу жизни.

Великие реформы Александра II способствовали постановке определенных задач перед государственными чиновниками по решению административных преобразований на национальных окраинах Северо-Востока России. Государственный совет принял постановление от 18 января 1866 г. о планах распространения «Крестьянского положения» на население Сибири. При Министерстве государственных имуществ в 1873 г. была образована специальная комиссия по разработке планов устройства и управления коренными народами Сибири в связи с пересмотром форм и принципов их податного обложения [Мартынов, 1964, с. 30–31]. Комиссия, которую возглавил барон Медем, занималась практической реализацией в сибирских губерниях положений об административном и поземельном устройстве по образцу государственных крестьян Европейской России.

В отношении «бродячих» комиссия не предложила ничего нового, признав «возможным оставить их при настоящем порядке» управления и податного обложения. В отношении «кочевого» населения проектировалась замена ясака и других уплачиваемых ими сборов «оброчной на землю податью». С этой целью предусматривалось проведение землеустройства «кочевых» и «оседлых» по тем же правилам, по которым осуществлялось устройство русских крестьян с выделением душевых равных земельных наделов. Это в свою очередь требовало точного определения границ угодий, находившихся во владении местного населения. Именно в разработке проектов поземельной реформы комиссия видела свою первоочередную задачу, так как от этого зависело дальнейшее административное устройство коренного населения Сибири [Российский государственный исторический архив. Ф. 385. Л. 474 – далее РГИА]. Комиссия осознавала масштабность и сложность осуществления межевых работ по времени и затратам, поэтому определила сроки по реформе землеустройства и подат-

ных преобразований не ранее чем через 10 лет. На практике для реформы по земельному устройству коренных народов понадобилось несколько десятилетий; осуществление частичного переустройства податной и административной реформ было отложено на конец 1890-х гг.

Административная реформа в России, направленная на преобразования местного управления, получила продолжение и в период контрреформ Александра III. В октябре 1881 г. была создана Государственная комиссия для составления проекта местного управления в Сибири. Магистральной идеей работы данной комиссии была мысль о том, что, признавая опыт западных государств в этом вопросе, следует руководствоваться самостоятельными основами русской государственной жизни и «сознанием настоятельной необходимости строго последовательного, с духом наших сообразного развития нашего законодательства» [Никитина, 2011, с. 53]. По итогам обсуждения был поставлен вопрос о необходимости разработки проектов по судебной, административной и финансовой реформам управления населением Сибири, предложено ввести институт крестьянских начальников по подобию земского самоуправления.

По разработанному Государственным советом Мнению от 27 апреля 1882 г. в Иркутской губернии были образованы сельские волости. Формирование сельского и волостного управления происходило с соблюдением правил, регламентированных «Инструкцией для руководства управления и судам отдельных сельских обществ в Восточной Сибири» от 24 августа 1883 г. Законом от 1 марта 1883 г. вводился институт чиновников по крестьянским делам и окружные по крестьянским делам присутствия. Закон от 13 июня 1893 г. предоставил им право на попечение о хозяйственном благоустройстве крестьян по предметам ведения сельских и волостных сходов, а также на устройство переселенцев.

Законодательная деятельность XIX в. по формированию административной системы России завершилась изданием в 1892 г. «Общего учреждения губернского». Оно устанавливало порядок, по которому каждая часть империи управлялась по Общему или же по Особенному учреждению. Сибирь управлялась по Особенному учреждению. Под такое управление попадали Иркутское генерал-губернаторство, состоящее из Иркутской и Енисейской губерний и Якутской

области. Реформа нашла юридическое оформление в законодательном акте, зафиксировавшем административное преобразование Сибири, – «Учреждение Сибирское» от 1892 г. Теперь губернии и области делились на округа (уезды), а округа – на волости и инородные управы. Но все фактически было реализовано после проведения судебной реформы в Сибири законом от 2 июня 1898 г. [Игнатьева, 1993, с. 65–66].

Порядок землеустройства «кочевых» и «оседлых» был оформлен законами от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г., которые вошли в особый раздел «Положений о сельском состоянии». Предусматривалось, что, получив поземельное устройство, «кочевые» инородцы при выдаче им отводных земель будут перечислены в разряд «оседлых». Отвод должен был сопровождаться обложением крестьянскими окладами в соответствии с законом от 19 января 1898 г. «О замене взимания в Сибири подушных сборов государственною поземельною и оброчною податями» и ст. 7 и 8 закона от 4 июня 1898 г. «Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», и введением общественного мирского крестьянского самоуправления [РГИА. Ф. 1291. Л. 187 об.]. Согласно разработанной Инструкции «О порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами», опубликованной в 1899 г., установление уравнительного распределения земли предполагало раздел сенокосных угодий на все имеющиеся души. Земельная ведомость о количестве и качестве имеющихся угодий должна была составляться раз в пять лет. Сумма необходимых денежных платежей делилась на число паев в наслеге. Данная мера была направлена на предупреждение сложившейся системы недоимок по инородческим податям и повинностям, власти предполагали, что это помогло бы приостановить «обнищание» населения [История..., 1957, с. 316].

В предписании иркутского генерал-губернатора якутскому губернатору В.Н. Скрыпицыну, полученном в 1896 г., предлагалось предусмотреть при реформе «уравнение кочевых инородцев с оседлыми в отношении подведомственности тех и других общему судебному порядку по

отношении к крестьянскому сельскому управлению», так как это «имеет весьма важное значение в устранении обособленности инородческого населения, которая искусственно поддерживается существующим разделением его на разряды» [НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Л. 10 об.].

Со второй половины XIX в. местное население стало активно заниматься новым для себя видом деятельности – земледелием. Земледелие в Якутскую область привнесли русские крестьяне – государственные крестьяне, которых специально расселили по рр. Лене и Олекме; Амге и Вилую для сельскохозяйственного производства, при этом им отводились лучшие участки, отчуждаемые у инородцев, занимавших так называемые «казенные земли». В итоге в крае возникло земледелие, постепенно становившееся главным занятием местных жителей. Определились основные земледельческие территории – Амгинская слобода Якутского округа и Олекминский округ. В стремлении закрепить земельные угодья в свое пользование было подано прошение олекминских якутов о причислении их к разряду оседлых, однако введение у них волостного управления от 8 февраля 1891 г. не решило земельного вопроса. Позднее «крестьянское управление и волостной суд, будучи чуждыми для инородцев», стали основанием для их обратного перевода в 1899 г. в «кочевой разряд», фактической же причиной послужила невозможность оформления их владения на землю [Попов, 2005, т. 1, с. 208].

МВД Российской империи предписало иркутскому генерал-губернатору от 21 августа 1899 г. разработать предложения по пересмотру узаконений об инородцах и преобразованию управления инородцами в местностях, на которые распространялось действие временного «Положения о крестьянских начальниках». При этом особо указывалось, что по новому проекту необходимо приблизить устройство инородцев к общему типу устройства и управления крестьян, подчинить инородцев крестьянским начальникам, способствовать ускорению естественного процесса их обрусения.

В 1899 г. якутскому губернатору В.Н. Скрыпичу был направлен проект «О преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами губерний Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской», составленный делопроизводителем земского отдела, надворным советником И.И. Крафтом [Павлов, Никитина, 2011, с. 34].

Было рекомендовано обсудить проект с окружающими исправниками, близко знакомыми с бытом и хозяйственным устройством местного населения. Необходимость проведения реформы объяснялась тем, что «существующие порядки устарели, задерживают естественный процесс обрусения, их умственного, нравственного и экономического преуспеяния и не обеспечивают государственных интересов вследствие неисправного поступления в некоторых местностях податных платежей, зависящего не от тяжести податного обложения, а от несовершенства взимания платежей».

В соответствии с предписанием иркутского генерал-губернатора от 11 сентября 1899 г. органы управления Якутской областью разработали проект нового Положения об инородцах Якутской области и 5 апреля 1900 г. приняли решение представить проект и весь материал к нему иркутскому генерал-губернатору. При этом они предложили ликвидировать понятие «кочующие инородцы» и считать их отныне «оседлыми», к ним отнести также большую часть бродячих инородцев Якутии, тунгусов Якутского и Вилуйского округов и распространить на них всех действие «Положения о русских крестьянах и институтах крестьянских начальников»; установить уравнильное распределение земли внутри инородческого общества; ввести систему обложения государственной оброчной и поземельной податью; ввиду обширности территории организовать вместо волостных судов сельские суды.

Для обоснования необходимости реформы и возможных проектов реализации Якутское областное правление поручило провести «исследование быта крестьян и оседлых инородцев» чиновнику особых поручений Г.Л. Кондакову и сотруднику статистического комитета И.И. Майнову. Результатом проведенного исследования был вывод «о необходимости изменения поземельного и судебного устройства, ибо существующий порядок приводил к обезземеливанию малоимущих, а сосредоточение судебной власти в руках старост – к многочисленным злоупотреблениям» [НА РС (Я). Ф.12. Оп. 6. Д. 603. Л. 6].

Заседания общего присутствия Якутского областного управления, обсудившие проект о распространении на якутских инородцев действия Положения о русских крестьянах и о введении в Якутии 15 участков крестьянских начальников, прошли с 23 февраля по 5 апреля 1900 г. в Якутске. На этих заседаниях из якутов присутствова-

ли в качестве приглашенных В.В. Никифоров и глава Восточно-Кангаласского улуса И.Т. Соловьев. В.В. Никифоров представил областному управлению Записку, где протестовал против незаконного перевода якутов из разряда «кочевых инородцев» на положение русских крестьян и распространения на них института крестьянских начальников [Никитина, 1997, с. 144].

В.В. Никифоров согласился с тем, что некоторые пункты Устава 1822 г. устарели: смешение административной и судебной власти; большое количество инстанций; неопределенность пределов подсудности. Но эти недостатки не могли служить основанием для того, чтобы «к инородцам возможно было применить совершенно чуждые для них юридические нормы, каковым является крестьянское положение». В.В. Никифоров убедительно продемонстрировал односторонность проведения реформы, так как ключевым моментом перевода инородцев в «оседлое положение» был вопрос о земле. Он сослался на закон от 28 марта 1885 г., где было сформулировано «переход кочевых инородцев в оседлые с приобретением ими земель на праве собственности по примеру государственных крестьян с правом выкупа земли». Как заметил В.В. Никифоров, «при таком устройстве землевладения инородцев устранилась бы сама собою необходимость особого устройства землепользования... Предлагаемая система уравнительного землепользования чужда пониманию якута, так как не может согласовываться с их потребностями. Ибо при скотоводческом ведении хозяйственного быта важна не наличная душа, а число скота» [НА РС (Я). Ф.12. Оп. 1. Д. 19704. Л. 127].

Относительно преобразования местного управления В.В. Никифоров заметил, что «перевод административного устройства улусов и наслогов для удобства “ассимиляции” на волости и сельские общества по меньшей мере странен как принудительная полицейская мера. Не будет ли такое нововведение вредным для поставленной задачи – обрусения инородцев».

В подтверждение слов В.В. Никифорова необходимо привести цитату современных исследователей, что «русификаторская политика в национальных районах во второй половине и, особенно, в конце XIX в. приобретала все более грубые формы», но «несмотря на это там все же сохранялись местные традиции и обычаи, религия, развивалась культура, а национальные элиты были

интегрированы в состав российского дворянства. Допускалось и преподавание в школах на родном языке (наряду с русским)... Однако развитие буржуазных отношений и рост экономического потенциала национальных регионов, резкая интенсификация процессов этнической консолидации, самоидентификации, рост рядов национальной интеллигенции создавали ситуацию, которая уже не укладывалась в заданные самодержавием рамки межэтнической иерархии и вела к неизбежным конфликтам с имперской администрацией» [Моделли..., 2004, с. 129].

В.В. Никифоров указал на правовые коллизии невозможности проведения реформы. Согласно ст. 4 и 26 «Положения об инородцах» 1892 г., перевод из «кочевых» в «оседлые» мог быть осуществлен только по результатам очередной ревизии и только по желанию самих перечисляемых. Но, во-первых, прекращение общих переписей (последняя X ревизия 1858 г.) не предоставляло возможности для выражения такого желания; во-вторых, они не могли выразить такого желания, так как это вызвало бы рост податного обложения. Основным препятствием введения института крестьянских начальников в Якутской области было то, что хлебопашество не являлось для местного населения массовым занятием.

Именно в заботе «о развитии общественного самосознания» Василием Васильевичем впервые был поднят вопрос о введении в Якутии земского самоуправления. В.В. Никифоров предложил «ввести еще третью инстанцию управления, вроде земских учреждений, которая объединила бы более крупную единицу управления. В таком объединяющем учреждении инородческое управление не может не нуждаться». Они бы заменили окружные полицейские управления, которые, будучи организованными на чисто бюрократических началах, не могли уделять достаточно «внимания и попечения вопросам развития народного хозяйства, образования и здравоохранения».

Эти материалы В.В. Никифорова автором данной статьи в 1997 г. были впервые введены в научный оборот публикацией документа «Записка по поводу пересмотра Положения об инородцах применительно к инородцам Якутской области», являющегося наброском его выступления [НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19704. Л. 328–334]. Позднее машинопись этого текста была обнаружена в РГИА [РГИА. Ф. 1291].

В настоящее время у читателей имеется возможность увидеть более полную версию той позиции В.В. Никифорова в документе 1900 г., «Записка по поводу пересмотра Положения об инородцах касательно якутов Якутской области инородца-якута Василия Васильевича Никифорова», опубликованном в книге первого президента РС (Я) М.Е. Николаева. После заседания В.В. Никифоров написал более полный вариант Записки: «Нет, я даже допускаю, как уже выражал на заседании..., но раз Совет не принял этого моего заявления, то...свои возражения, согласно указанию г. иркутского генерал-губернатора, я разделил на 4 пункта, а именно: 1) относительно прав состояния, 2) относительно Управления, 3) относительно землепользования, 4) относительно суда...». Как видим, это те же доводы В.В. Никифорова по тем же позициям, но более аргументированные, объемные и дополненные пунктом о суде: «Что же касается замены второй инстанции инородческого суда крестьянскими начальниками..., то я с такой заменой согласиться не могу... институт этот, чуждый пониманию местных условий и обычаев, внесет разлад в общественный строй инородцев» [Николаев, 2003, с. 289].

25 ноября 1903 г. МВД Российской империи вынуждено было уведомить иркутского генерал-губернатора о том, что ввиду необходимости соблюдения бережливости при расходовании финансов введение крестьянских учреждений в Якутской области не может быть осуществлено в ближайшем будущем.

В апреле 1905 г. был обнародован императорский рескрипт, обещавший введение земств в Сибири. 23 апреля 1905 г. было получено предписание иркутского генерал-губернатора графа П.И. Кутайсова якутскому губернатору В.Н. Булатову о привлечении «широкого участия всех местных культурных сил к обсуждению реформы земского самоуправления» в Якутской области: «Не встречая препятствий к разрешению представителям инородческого населения особого совещания в Якутске по вопросу о земстве, без участия членов администрации, признано необходимым, чтобы созданное Вами совещание с остальными наличными выборными и представителями казенных ведомств приступило теперь же к разработке Положения о земстве. Объявите об этом поверенному Никифорову».

В.В. Никифоров принял самое активное участие в разработке «Проекта основных начал о

земских учреждениях в Якутской области», который имеет основательную правовую аргументацию. Были использованы проекты бурятского и томского обществ [Ковлеков, 1996, с. 42]. В проекте нашли отражение идеи сибирского областничества: «Составляя нераздельную часть России, участвуя наравне с другими частями России в общей системе государственного управления на началах народного представительства, Сибирь, как по своим историко-географическим, этнографическим и общественно-экономическим условиям, так и по чисто местным торгово-промышленным и сельскохозяйственным интересам, представляет обособленную область... нуждается в организации областного самоуправления..., самостоятельно решающего все местные нужды и вопросы хозяйственные, социально-экономические, просветительные» [Сибирь..., 2007, с. 329]. В проекте В.В. Никифорова содержится 96 статей, куда вошли все жизненно важные вопросы области: надзор за законностью земских мероприятий; отчетность и ответственность местных исполнительных органов; избирательное право и порядок выборов; степень власти земских учреждений и их доходы; права и обязанности инородческих улусных земских учреждений, улусных управ, наслежных обществ, улусных судов и полиции.

Под руководством В.В. Никифорова вышел отдельной брошюрой доклад о задачах земства в Якутской области по экономическому, социальному и культурному развитию. Предусматривались мероприятия по модернизации земледельческой агрокультуры; по улучшению породы якутского скота; по снабжению населения современными сельскохозяйственными орудиями труда, промыслового лова; по организации сбыта пушнины; по разработке недровых богатств: каменного угля и железной руды; по упорядочению податей и повинностей; по расширению сети учреждений здравоохранения и народного образования; об отмене ссылки и др. [Ковлеков, 1996, с. 10].

На волне революционных событий 1905–1907 гг. созданный по инициативе В.В. Никифорова «Союз якутов» включил в свою программу решение ключевого вопроса развития местного управления и самоуправления – задачу «признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также во владении казны в виде оброчных статей, монастырей, церквей и ссыльных поселенцев по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью самих ино-

родцев». По инициативе В.В. Никифорова «Союз якутов» также включил в программу задачу широкой пропаганды идей земства среди якутского населения. Важным в плане развития демократизации местного самоуправления представляется пункт программы «Союза инородцев» об отмене полицейской опеки над инородческими общественными учреждениями.

С 25 августа по 1 сентября 1912 г. в Якутске состоялся инородческий съезд с целью избрания депутации для участия в юбилейных торжествах по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. По инициативе В.В. Никифорова было получено разрешение на созыв инородческого съезда, официально посвященного подготовке 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых. В работе съезда приняли участие представители от восьми улусов Якутского округа, от Олекминского и Вилюйского округов. Съезд обсудил насущные вопросы: о бедственном положении большинства населения, голоде, возникшем вследствие засухи; о росте задолженности по продовольственной ссуде, государственной подати, земской и внутринаследным повинностям; в связи с работами экспедиций переселенческого комитета один из важнейших вопросов – о землеустройстве; об учреждении стипендий из общественного фонда, разрешенного губернатором И.И. Крафтом к созданию из средств путем обложения населения; об изыскании средств для организации мастерских кустарной промышленности; об учреждении этнографического отдела при Обществе изучения Сибири; об улучшении жилищ инородцев; о призрении кумаланов. Круг обсужденных проблем показывает, что В.В. Никифоровым впервые апробировался практический опыт начал земского самоуправления по решению управленческих задач социальной сферы, несмотря на рамки губернаторского надзора. Материалы съезда, подробные отчеты о ходе работы Якутского областного инородческого съезда, составленные его председателем В.В. Никифоровым, выходили на страницах областных периодических изданий «Якутская окраина», «Саха саната» («Якутская речь»), позднее были изданы отдельной брошюрой [Якутская окраина, 1912].

Также огромный исследовательский интерес вызывает работа якутской делегации в составе В.В. Никифорова, П.Н. Сокольников, Д.И. Слепцова в г. Санкт-Петербурге. В.В. Никифоровым

были подготовлены и делегацией представлены 14 докладных записок и прошений в различные министерства и ведомства: об отмене ссылки в Якутскую область; о причислении олекминских якутов к инородческому кочевому разряду; о землеустройстве инородцев; о сложении недоимок; об учреждении мелкого кредита; о строительстве железной дороги Тулун – Усть-Кут и др. По распоряжению В.В. Никифорова с докладных были сняты копии и сданы на хранение в архив, часть опубликована на страницах газет «Якутская окраина», «Якутские вопросы» [Якутская окраина, 1913]. Так, якутской делегацией была адресована министру внутренних дел Российской империи Н.А. Маклакову докладная записка о необходимости введения земства в Якутской области. В докладной была приведена статистика «непрактичности казенного ведения дела», например, по ветеринарии: т.к. «скот лечат преимущественно русские и городские врачи, то сельские якуты, оплачивающие расходы по ветеринарной части, вовсе мало пользуются услугами ветеринарной службы, чины коей живут в городах. Медицина далеко не отвечает потребностям сельского населения. Народных школ мало и скудно они обставлены. Агрономическая помощь селу почти не оказывается» [НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 6. Д. 74. Л. 55].

Долгожданные чаяния о земстве были удовлетворены постановлением Временного Правительства от 17 июня 1917 г. «О введении губернских, уездных и волостных земских учреждений в Сибири». В Якутской области 5 июля 1917 г. постановлением Исполнительного бюро ЯКОБ была образована комиссия по организации выборов в земские учреждения. Выборы в волостные и уездные органы земского самоуправления (январь 1918 г. – январь 1920 г.) завершились к концу 1917 г. 30 января 1918 г. состоялось организационное заседание Первого Якутского областного земского собрания. Председателем областной земской управы был избран В.В. Никифоров. Земское собрание работало в течение 45 дней, обсудило 119 вопросов [НА РС (Я). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1].

Таким образом, Василий Васильевич Никифоров, будучи профессионально подготовленным общественным лидером якутской интеллигенции своего времени, принимал непосредственное участие в разработке проектов, положений и других подготовительных материалов по земскому самоуправлению, был инициатором и организатором введения земского самоуправления в Якут-

ской области. Все эти документы, принадлежащие перу В.В. Никифорова, имеют высокую научную ценность, так как представляют исторический памятник передовой общественной и правовой мысли о наиболее действенной форме местного самоуправления Российской империи. В связи с этим назрела необходимость комплексной и полной их публикации.

Литература и источники

Игнатьева М.Н. Судебная реформа в Сибири. – Якутск, 1993. – 156 с.
История Якутской АССР. – Т. 2. – М., 1957. – 420 с.
Ковлеков С.И. В.В. Никифоров и съезд якутов 1912 г. – Якутск, 1996. – 88 с.
Мартынов Е.М. Вопросы управления местным населением в документах Якутского Областного Правления // Якутский архив. – Якутск, 1964. – Вып. 2.
Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. д.и.н. В.В. Шелохаев. – М., 2004. – 607 с.
НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 19704; Оп. 6. Д. 74; Д. 603; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1.
Никитина С.Е. Заметки В.В. Никифорова по поводу распространения «Крестьянского положения на оседлых инородцев Якутской области. 1899 г.» // В.В. Никифоров (Кулумнур) – человек и личность. – Якутск, 1997. – С. 143–152.

Никитина С.Е. О распространении на Якутскую область института крестьянских начальников: реформа губернатора В.Н. Скрипицына? // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: матер. VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). – Новосибирск, 2011. – С. 51–56.

Николаев М.Е. Возвращенные имена. – Якутск, 2003. – С. 280–290.

Павлов А.А., Никитина С.Е. Губернатор в сибирской провинции: к 150-летию губернатора И.И. Крафта // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 33–36.

Попов Г.А. Сочинения. – Т. 1: История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии / сост. и отв. ред. Л.Н. Жукова, Е.П. Антонов. – Якутск, 2005. – 277 с.

Протоколы Якутского областного инородческого съезда, проходившего в г. Якутске с 25 августа по 2 сентября 1912 г. – Якутск: Тип. газ. «Якутская окраина», 1912. – 58 с.

РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2; Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М., 2007. – 368 с.

Саха саната: газета – 1912. – № 2. – С. 22–24, № 3. – С. 36–41.

Якутские вопросы: газета. – 1916. – 30 июля, 6, 12, 20 авг., 3 сент.

Якутская окраина. – 1912. – 29 авг., 1, 2, 6, 11, 13, 18, 20 сент.; 1913. – 29, 30 мая, 1, 6, 7, 12, 14 июня.

S.E. Nikitina

V.V. Nikiforov about territorial self-government in the Yakut region (the 150th anniversary of Vasily Vasilyevich Nikiforov)

The article deal with the views of Vasily Vasilyevich Nikiforov, he is one of the leaders of the national intelligentsia. Vasily Nikiforov, as ulus head, magistrate, a private attorney, professionally championed the idea of democratization of local administration and self-government foreigners, the introduction of territorial self-government in the Yakutsk region. Scientific interest in this topic is related the study of the evolution of V.V. Nikiforov's views, as well as his efforts to modernize management system and self-government in Yakutia in the era of social upheaval of the early XX century. The found archive documents to transform government and self-government of so-called reform of V.N. Skripitsyn; the position of V.V. Nikiforov requirements in matters of democratic governance and participation of local government in the development of the region during the First Russian revolution; the leadership of V.V. Nikiforov territorial self-government in Yakutia allow to investigate its socio-legal activities. It is important to attract the attention of the scientific community to the works of V.V. Nikiforov as a historical monument to the legal opinions advanced national intelligentsia in the province.

Keywords: V.V. Nikiforov, V.N. Skripitsyn's reform, management unification, local government, territorial self-government.

В.Е. Васильев

Генезис шаманских инструментов народа саха в свете образа матери-зверя у тюрков, монголов и тунгусов*

На широкой полосе Евразии идея сакральности богинь-матерей, порождающих всё живое на земле, была известна с эпохи палеолита и неолита. Именно с той поры берёт начало сибирское шаманство, в основе которого лежали представления о круговороте душ промысловых птиц, зверей и почитаемых людей, схожим образом хоронимых внутри сырой пещеры или в лоне дупла дерева, что отчётливо видно в медвежьем обряде, истоки которого восходят к древнейшим памятникам Евразии. До этнографического прошлого в Сибири существовал обычай сооружения саркофагов и воздушных погребений на столбах. В шаманстве фетиши, связанные с предками и тотемами, применяются до сих пор. Они в пережиточной форме встречаются в церемониях праздников и практике городских шаманов. При этом культовыми атрибутами выступают бубны и иные инструменты, восходящие к прототипам, таким, как охотничьи луки и мешки. В архаические времена они служили в качестве родовых святынь и позднее превратились в музыкальные инструменты.

Ключевые слова: шаманизм, тотемизм, культ матери-зверя, промысловая охота, шаманские атрибуты, лук, бубен, кобыз, хуур.

Многолетний опыт изучения шаманизма приводит нас к убеждению в том, что все ранние формы религии у народов Сибири следует рассматривать в их органической целостности, так как отдельно взятый культ выглядит ущемлённым и не раскрывает всю полноту древних мировоззрений. И только комплексный охват религиозного мышления народов Сибири позволит отказаться от методологии, по которой шаманизм – это ментальность этносов, не способных создавать свою религию. Кардинальное различие двух систем мышления заключается в том, что аборигенам были чужды понятия наживы, а основой их чувств служили любовь к родной земле и память предков, образы которых отражались в различных формах фетишизма, тотемизма и шаманизма. Вся шаманская атрибутика в той или иной мере отражала модель мира, а фетиши, как и иконы, служили вместилищами духов и богов.

Ярким примером культа предков является предание о родоначальнике саха Эллэе, который посадил слепого отца в мешок *хааһах* и, приторочив к седлу, бежал с ним на север. Легенды гласят о том, что старику было 300 лет, а также что они прошли пустыню длиною в 300 вёрст [Ксенофонтов, 1977, с. 29–30]. Слияние времени и пространства указывает на то, что в старце во-

плотились девять предков Эллэя. Интересно то, что в течение трёх столетий могилы шаманов обновлялись трижды. И если учесть, что на новой родине Эллэй считался первым светлым шаманом, то его дорожная сума с костями пращура получает новое звучание и даёт основание видеть в ней прототип шаманского бубна.

Расширяя этот тезис, мы обратимся к языку бурят-монголов, в лексике которых якутские слова *хааһах* ‘мешок’ и *кэһэх* ‘колчан’ имеют близкие параллели: *хэсэ*, *хэц* ‘бубен’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2002б, с. 229; далее – БАМРС]. Причисление колчана к святым атрибутам правомерно, так как амулеты в виде лука и стрелы встречались на костюмах шаманов. В этом свете заслуживает внимания воспоминание целительницы А.К. Чирковой [2006, с. 37] о своём отце – абыйском шамане Константине Ивановиче. В детстве он по ночам исчезал и играл с детьми духов. Они, посадив его на спину, улетали вдаль, а при последней встрече подарили ему игрушку в виде круга. Об этом же вкратце писал П.Н. Ильяхов [1993, с. 6–7], но в личной беседе со мной он уточнил детали: его отец был помощником К.И. Чиркова и рассказывал, что будущий шаман тайком уходил в заброшенный дом и там учился камлать, используя вместо бубна лук со стрелой.

*Статья написана в рамках проекта «История Якутии» (т. 1).

Таким образом, появляется возможность связать раму бубна с тетивой *кирис*, превратившейся в струну скрипки. На эту мысль наталкивает информация Р.К. Маака: «Все якуты уверяли меня, что у шаманов кроме инструмента, называвшегося тюнгорь, по которому они били колотушкой (былаях) и при посредстве которого спускались в подземное царство, был ещё другой – дюгорь. В якутских сказках говорится, что шаман бил в этот последний металлическою лопаткою, перебирая в то же время пальцами натянутые на нём струны». В примечании учёный пояснял, что монгольские шаманы бубны использовали как боевые луки [Маак, 1994, с. 294]. Упоминание металлической лопатки косвенно указывает на то, что второй бубен мог быть медным или железным.

Скорее всего, речь шла о скрипке *кырымпа*. Хотя, по записям Г.Ф. Миллера, Одинокый Элэй сначала смастерил примитивный лук с тетивой из тальника. Миллер снабдил свои записи примечанием: миф об Эр Элэе рассказывают шаманы, а из простых смертных – лишь те, кого посвятили в это шаманы [Элерт, 1999, с. 173–174]. Из этого следует, что мифы о предках составляли сакральную часть шаманских легенд. По мнению авторитетных сибиреведов, именно шаманы выступали хранителями эпических традиций. Так, во всех тунгусских языках камлание и предание передаются одним и тем же словом. В старину пение эпоса сопровождалось звуками сибирского бубна, среднеазиатского *кобыза* и русского баяна [Мороз, 1977, с. 71].

Тальниковый лук схематично напоминает «ущербный бубен» саха, разделённый на две части тетивой, соединяющей раму с рукояткой *быарык*. Саха называют день лунного календаря, когда диск месяца виден ровно наполовину, *айа кирсэ* («тетива лука»). Лук имел обрядовое значение и потому, что в сотворении мира участвовали птицы. Отголоском мифа служили сказания эвенков об охоте на боровую и водную дичь с помощью лука и стрел, сделанных из костей птиц [Васильев, 1969, с. 216]. Костяные стрелы были связаны с обрядом «оживления» зверей. На это намекает легенда о том, что Элэй умер от рака желудка (*ас барбат*), поэтому он питался бульоном из боровой дичи, «отказавшись от молока, конины и говядины» [Ксенофонов, 1921–1932, л. 4 об.]. По одной версии, Элэй, обладая «первым луком и мешком», прикрывал свою наготу пухом птиц, а

по другой – держал в руках чайку, но при этом наводил страх на Омогоя, как ногай Едигей вызывал ужас у хана Тохтамыша. Для выяснения малоизвестного сюжета обратимся к «Эллэаде». После семи лет странствия по кочевьям тунгусов Эр Элэй вернулся домой и нашёл сына, которого во время его отсутствия прозвали Кыын Эллэм («Ножны-Эллэй») [Ксенофонов, 1977, с. 44–45].

На наш взгляд, эта легенда отражает неординарную сущность героя и подчёркивает его высокий ранг. Так, в монгольском языке мы обнаруживаем слова: *гун* ‘неодетый’, ‘голый’; ‘без ноши’, ‘налегке’; ‘одинокый’ и *гун* ‘титул князя, нойона’ [БАМРС, 2001, с. 461, 474]. Первый термин характеризует Элэя как «Одинокого мужа», а второй раскрывает, почему он вызывал трепет у Омогоя. В «Чувашско-русском словаре» [1961, с. 505; далее – ЧРС] существует слово *хун* ‘хан’, ‘ханский’; ‘князь’, ‘княжеский’. Следует полагать, что отшельник Элэй вернул себе титул хана или нойона, но позже сказители могли заменить титул *хун* фонетически близким *кыын* ‘ножны’.

Струнные инструменты, имеющие полый корпус, у тюркских народов называются *кобуз*. По предположению специалистов, термины *кобуз* и *хуур* типологически и этимологически являются однокоренными. Выгнутая шейка казахского *кыл кобыза* и монгольского *хуура* может быть рудиментом формы кумысного ковша [Есипова, 2012, с. 72, 75]. Соглашаясь с этим, добавим, что у саха существует понятие *хомноох иһит* ‘чаша с глубоким дном’. Такое название подходит для обозначения бурдюка *симиир* и ковша *удьаа хомуос* для черпания кумыса, у которого выемка в полый части напоминает полость *кобыза* и состоит из двух чашевидных углублений. Аналогия будет более очевидной, если вспомним, что Омогой баай вручал Элэй баатыру кумыс, в котором плавали конские волосы, символизирующие души *кут*.

Ковш *хомуос* в соединении с волосами *кыл* показывает близость с *кобызам*. В казахской песне «Аксак кулан» («Хромая ослица») пелось о том, что в знак скорби по случаю гибели Джучи музыканты внутрь домбры помещали кусочки свинца. Схожий мотив сохраняет *кобыз*, украшаемый парными подвесками, видимо, символизирующими души *кут*. В эпосе эвенков герой рождается из капельки олова-свинца. Олово – священный металл, и из него эвенки делали амулеты-сердечки [Варламова, 2004, с. 44]. В поздних песнях ка-

захов осёл заменяется сайгаком *киик*, который восходит к образу козы *kijik* [Казахско-русский словарь, 1936, с. 131; далее – КРС].

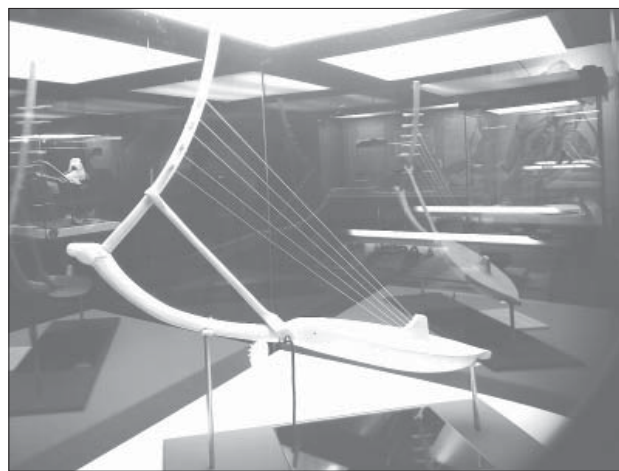
У тувинцев-тоджинцев существует легенда «Плач *игил*» о том, что первая скрипка была изготовлена из лиственницы, на которой висел череп коня. Однажды ночью дух жеребца явился к своему хозяину и велел сделать инструмент: обтянуть остоу кожей, снятой с его головы, а из волос хвоста натянуть две струны. С тех пор плач скрипки повествует о скорби пастуха [Саввинов, 2010, с. 106]. В казахском варианте Коркыт, по совету старца, должен был обтянуть *кобыз* кожей верблюдицы Желмая и украсить рогом тёмно-рыжего козла *кийик*. Казахи смазывали *кобыз* кровью из селезёнки, ассоциируя её с кровью человека. Саха тоже декорировали кумысные сосуды парными подвесками и красили в бордовый цвет отваром коры лиственницы. Ритуальный смысл носил и варган. Так, кобьяйские саха в день смерти человека *дьааһык кизһэ* играли на варгане *хамыс*, но в дни охоты и пира на нём не играли [Саввин, 1938, л. 56]. И это даёт повод связать *кобыз* с ритуальными плачами древних тюрков.

В свете этого приводим этимологические параллели, близкие к *кобузу*: як. *хобо* ‘бубенец’, *хомох* ‘пещера’ (устар.); бур. *хаба* ‘волшебная сила’; др.-тюрк. *кова* ‘ведро, бадья’, *ковы* ‘полый, дуплистый’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 461; далее – ДТС]; тур., турк. *коба* ‘пещера, дупло, нора’; турк., тув. *кова* / *хува* ‘ведро, кувшин, бокал’, калм. *хова* ‘кожаный мешок для черпания воды’ [Этимологический словарь тюркских языков..., 2000, с. 5, 12, 13; далее – ЭСТЯ], каз. *кавба* ‘колодезное ведро из лошадиной шкуры’ [КРС, 1936, с. 183], монг. *ховоо* ‘колодезная бадья’, возможно, от него образовались монгольские термины *ховд* ‘ящик для хранения стрел’, *ховс* ‘двухлетний кабан’; ‘гипноз’ – *илбэ ховс* [БАМРС, 2002б, с. 89–90]. Интересно, что слово *ховс* является синонимом як. *илбис* ‘экстаз, одержимость воинским духом’.

Монгольское слово *ховс* также соответствует як. *хобуһун* ‘колдовство’ и намекает на то, что каганы могли воплощаться в кабанов. Киданьские цари действительно почитали кабанью голову, носили ритуальный костюм из свиной шкуры и именовались «Гахай» («Свинья») [Галданова, 1987, с. 50]. К этому добавим то, что тюркский правитель Кабула проходил посвящение внутри

пещеры [Кычанов, 1997, с. 254]. Идея рождения ханов из чрева земли прослеживается в монг. *овоо* и каз. *оба* ‘курган’, ‘шалаш из кучи камней и хвороста’. Шалаш как модель кургана прозрачно указывает на культ предков. По данным бурят, ритуальную пищу для духов гор готовили женщины, а сооружение *овоо* являлось одним из атрибутов культа родовых предков [Абаева, 1992, с. 86]. Этот обычай монголы могли перенять у тюрков, так как курган по-монгольски звучит и как *kirgis үүр*, что дословно обозначает «гнездо киргиза» [Бурдуков, 1935, с. 131].

В 2014 г. автор этих строк увидел в Государственном историческом музее Улан-Батора музыкальный инструмент, найденный во время раскопок на Алтае. В аннотации экспоната написано, что смычковый инструмент *йайалыг* с рунами вдоль грифа и на спинке корпуса принадлежал тюрку Чура, который был известен в народе под именем Йайа обул. Овальный корпус скрипки был изготовлен из цельной берёзы, а изогнутый гриф – из тальника, обёрнут берестой и украшен головой лошади с острой мордой. Вся компози-

Реставрированный музыкальный инструмент *йайалыг*, принадлежавший тюрку Чура, известному в народе как Йайа обул. Государственный музей Монголии, г. Улан-Батор. Фото автора. 2014 г.

ция напоминает лебедя или лодку, плывущую по небу. Такой инструмент монголы называют *морин хуур* ‘лошадь-скрипка’. Дырка для палочки на голове коня, к которой привязывали струны, говорит о том, что это рогатое существо с острым клювом олицетворяло оленя-коня-птицу.

В эпосе огузов первый *кобуз* изготовил Коркут-ата, который появился на свет в рубашке: ког-

да Коркут родился, то его мать и все люди вместо ребёнка увидели бесформенный «мешок» и перепугались. По словам Чокана Валиханова, Хорхуту суждено было прожить всего 40 лет, и он считался первым шаманом казахов. По подсказке шайтанов, он выдолбил *кобыз* из сухого дерева, сломанного кабаном, обшил деку шкурой верблюда Желмай и натянул струны из волос хвоста жеребца [Жирмунский, 1974, с. 551–553].

Рождение Коркута в «мешке» наводит на мысль о том, что скрипки тюрков восходят к культу богини Умай. В свете этого интересен фольклор бурят, у которых божества плодородия были двуполыми, а их женский орган сравнивали с большим мешком [Дампилова, 2012, с. 184–186]. Любопытно то, что в казахском эпосе появляется кабан. Это позволяет предположить, что *кобыз* был создан в Монголии или на Алтае. Имя верблюда Желмай можно разделить на две части: *жел* и *май*. При этом первая часть восходит к культу пёстрого орла (*ала дьабыл тойон*) – покровителя шаманов. Это возвращает нас к мифу об элзевом *ыһыахе*, когда боги с неба спустили орла, и тот заклекотал, сидя на коновязи *сэргэ*. Сам Элзэй-Айы спустился с вершины горы и превратился в «первого табунщика» Омогоя.

Как нам кажется, Желмай происходит от казахского слова *жабал* ‘пятно’, ‘пятнистый’, которое встречается в монгольском языке: *загал* ‘серый’, *загалай* ‘стервятник’, ‘чёрный орёл’, ‘белохвостый орёл’, *загалмай* ‘крест’ [БАМРС, 2002а, с. 196]. Образ тотемной птицы *загалмай* подробно изучил бурятский фольклорист Д.С. Дугаров [1991, с. 62–65], который выяснил, что у уйгуров, киргизов, башкиров, калмыков и ойратов *жабалмай* / *загал* обозначает понятия «ястреб», «сокол-чеглок», «хищная птица», «олень-марал» и «лебедь». Вторую часть имени *-май* автор связывал с тюркским *умай* ‘чрево’. В целом этот культ восходит к образу оленя, почитаемого скифскими племенами.

Продолжая развивать гипотезу уважаемого профессора, обратим внимание на рукоятку якутского бубна, выполненную в форме косоугольного креста, точно повторяющего красный крест *загалмай* – символ солнца-оленя у монголов. Вот почему саха называли бубен *кулан ат* ‘дикая лошадь’, а рукоять – *кулан быарык*. Иногда в центре крестовины встречается квадратное или ромбовидное отверстие, вероятно,

связанное с образом того же солнца и огня. Очаг в центре юрты отражает культ Умай, имя которой можно сопоставить с глаголами саха *умай*– ‘гореть’, *ымай*– ‘улыбаться’, связанными с обрядами плодородия.

Наделение крестовины *быарык* эпитетом «кулан» подсказывает, что его место раньше занимал олень. Ещё в 1920-е гг. Г.В. Ксенофонов высказал замечательную мысль о том, что у саков и орхонцев равноконечный крест являлся символом бога солнца Сах и души жреца [Ксенофонов, 1992, с. 119–120]. В ромбике рукояти бубна он, вероятно, увидел графический знак предка, а в насечках – изображение его одежды. Об этом говорит и то, что крестовину украшали подвесками, повторяя символику шаманского плаща. Солярный знак напоминает игрушку духов в виде блестящего диска. Значит, Константин Чирков получил копию рукояти бубна, оторвав одно из двух колец, висевших на одежде ребёнка-духа. Здесь угадывается следующая мысль: подарив копию диска солнца, духи оставили себе оригинал. Эта версия находит подтверждение в экспонате Вилуйского краеведческого музея: на правом плече плаща шамана, рядом с железным крылом висит подвеска в виде буквы «Г». Судя по двум петлям и насечкам, она была половиной крестовины бубна. Это говорит о том, что образ матери-зверя раздваивается, и крест легко превращается в «галочку».

Скифские параллели сохранились на севере Якутии: после воспитания матери-души шамана духи показывают ему мать-зверя, пробегающую вдаль. И тому видится, что зверь украшен всеми цветами земли, узорами трав и деревьев, пёстрыми перьями и пухом птиц и зверей. Шаман связан с ним нитью *айыы ситимэ*. Поэтому к верёвке плаща привязывали голову ястреба и шкуру серой белки [Комиссия по изучению Якутской АССР..., л. 578, 623]. Белка, олень и ястреб составляют эпический образ бурой земли, наделённой эпитетом *дьабыл*.

В рассказе абыйского шамана И.А. Суздалова-Сапалаа говорится о том, что бубен светлого шамана имел четыре шишки, служившие «рогами и ушами» матери-зверя, и был обтянут выделанной шкурой белого жеребца [Ойуун..., 1993, с. 12]. Другой вид бубна описал А.А. Саввин [1938–1939, л. 10–11]: бубен у него бывает обтянутым конской кожей шерстью наружу. «Когда

бьют в бубен белого шамана, то он издаёт слабый, глухой звук», а бубен «чёрного» шамана, обтянутый «кожей без шерсти от рогатого скота», издаёт громкий звук. Аналогичные сведения приводила Г.М. Василевич [1969, с. 254–255], сообщая о том, что у тунгусов бубен, изготовленный из «пузыря» оленьей или лосиной шкуры, олицетворял голову оленя-матки, потому «шпеньки» на раме назывались ушами, клыками, сосками духа. Опытные тунгусские шаманы, сразившие много врагов, нашивали на плечи «крылья» из рогов оленя или лапы беркута.

В свете «скифских» источников о птице *загалмай* можно привести легенду о том, что отцом Элэя был некий «татаар Арсаах» [Ксенофонов, 1977, с. 34]. Имя этого предка разделяется на составные части: *аар* ‘святой, чистый’ и *сак* ‘скиф’. Кстати, поздний казахский вариант имени *Желмая*, в котором *жел* означает ветер, возник в исламской среде. Религиоведы сопоставляют его с тюрк. *йелви* ‘колдовство’, *йелвичи* ‘шаман’ и пишут о том, что различие между *камом* и *йелвичи*, видимо, заключалось в существовании «белых» и «чёрных» шаманов [Потапов, 1991, с. 232–233]. Однако участие кабана в изобретении *кобыза* с лебединой шеей и наличие клыка зверя на ободке бубна объединяют в единое целое духов, связанных со стихиями земли, воды и воздуха.

Образ «мешка» встречается у тунгусов: шаманы были «с начала мира», и тот, кто полностью рождался в рубашке, становился большим шаманом, а кто «не полностью – совсем маленькими шаманами и шаманками» [Линденау, 1983, с. 93]. Рождение Коркута в оболочке *умай* и его смерть можно интерпретировать так: *Желмай* олицетворяла саван, и неслучайно казахи седло верблюда называют *ком*. Сюжет сидения Коркута на попоне над водою Сыр-Дарьи даёт понять, что его душа ушла в подводный мир, а тело сожгли на камышах. Прикрепление рогов оленя к плечам шамана показывает, что его дух был «без головы». У монголов существовал обычай хранения голов предков-шаманов в мешках *ута*. И потому термин *ута* сравним с эвенкийским *хутэ*, маньчжурским *утэ* ‘ребёнок’ [Булатова, 1997, с. 62]. Мешок с зародышем *кут* даёт возможность сравнить якутские термины *кудан* ‘брюхо’ (устар.), *куут* ‘рыбий пузырь’, *кутуяа* ‘желудок’, *кутукам* ‘мой любимый ребёнок’ с монг. *кодододо* ‘желудок’ [Бурдуков, 1935, с. 93] и с каз. *кодык* ‘ослё-

нок’ [КРС, с. 185]. Тотемное происхождение имело и эпическое древо *Кудук мас*. Также эвенки предка-медведя называли *кути*.

Сюжет рождения Коркута предполагает, что он изначально был связан с женским началом. На это указывает генетическая связь тюркского *кам* ‘шаман’ с чув. *хамла* – ‘жеребиться’, *хаман* ‘здоровье’, ‘кожаный мешок’ (устар.), *хампа* ‘пузырь’; *хам* ‘плод, зародыш’ (у лошади) [ЧРС, с. 481, 489]. Все эти термины близкородственны с тунгусо-маньчжурскими *саман*, *хаман*, *аман* ‘шаман’, а также с именем *Хаам Айыыһыт* [Васильев, 2000, с. 11, 16]. В материалах В.М. ИONOBA [1940, л. 5] мы находим иное написание имени богини – *Хаам Айыы*, что доказывает единство женского шаманства с рождающим началом земли. Этот тезис нашёл живой отклик у бурятского учёного С.Ш. Чагдурова, который написал доклад о терминах родства, связанных с земным началом, в число которых добавил новые слова: бур.-монг. *замби* ‘земля’, халха-монг. *хумаг* ‘земля’; бур.-монг. *эмэ* ‘женщина’, *хамган* ‘жена’, халха-монг. *самган* ‘женщина’, бур. *хамай* ‘бабушка’ и др. [Чагдуров, 2000, с. 41]. В результате мы получаем дополнительное доказательство того, что корневые основы *кам*, *сам* восходят к первичным понятиям «мать», «плацента», «земля».

Сказание об отце шаманов Коркут-ате напоминает легенду шорцев о том, что первым шаманом был человек по имени Атыз, имевший жену, жившую внутри бубна [Дыренкова, 2012, с. 340–341]. А в мифах алтайцев первым шаманом на земле считался Абыс. В источниках его имя иногда звучит как *обыз* или *набыз* [Арзютов, 2009, с. 55–56]. Думаем, что *набыз* является ошибочным прочтением слова *набыз*, о чём говорит близость устаревших казахских слов *абыз* ‘жрец’, ‘благочестивый’, *авыз* ‘рот’, ‘вход’, ‘горлышко’ [КРС, с. 17, 36] с чув. *апас* ‘жрец’, ‘повитуха’ [ЧРС, с. 36], др.-тюрк. *аба* (= *ана*) ‘мать’ [ДТС, с. 1] и як. *ап* ‘волшебство’. У татар-мишарей повитухи *абыстай* до сих пор исполняют обряды родин и похорон [Лойко, 2011, с. 37–39]. По мнению В.Н. Басилова [1992, с. 272–274], в Средней Азии существует естественная связь между шаманами и бабками, и поэтому шаманы тесно связаны с культом матери Умай.

На первый взгляд, между терминами *аба* ‘мать’ и *ата* ‘отец’ есть существенная разница, но этот нюанс устраняется следующим замечани-

ем тюрколога Э.В. Севортяна [1974, с. 55–56]: семантическая основа термина родства *аба* основана на линии старшинства как мужчин, так и женщин. В наше время преобладают древнейшие понятия «мать», «тётя», «старшая сестра» и др. Эта мысль верна, так как у казахов термин *абысын-ажын* обозначает невесток по отношению друг к другу. На равнозначность двух начал опирается и казахская мифология, по которой солнце до полудня едет на голубом быке, а после полудня – на чёрном иноходце. Согласно легенде, у *баев* были «водяные жеребцы», которые ночью выходили из озера Тенгиз и покрывали кобылиц, а утром уходили под воду [Токтабай, 2004, с. 63, 68–69]. Таким образом, быки и лошади, кровь которых казахи ассоциируют с душой человека, в одинаковой степени были связаны с влагой неба и земли.

Установив символическое единство жреца с *кобызом*, мы замечаем отсутствие у саха слова *саба* ‘бурдюк’. Саха называют кожаный мех *көбүөр*. Это слово сопоставимо с монгольскими *кегүрге* ‘литавры’, *хөхүүр* ‘бурдюк’ (каз. *сірі саба*) [Монгол-казах толь, 1984, с. 618; далее – МКТ]. По мнению историков, кузнечный мех *кегүрге* из шкуры быка служил барабаном Чжамухи, Чингиса, Чжарчиудая и был символом культа кузнецов. При этом *кегүрге* означал мост или виадук для перехода в иной мир [Скрынникова, 1997, с. 114–115]. Связь меха с барабаном доказывается и сведениями саха: на третьем небе *кут* шамана *айыы* воспитывает святая девочка, поместив его в сосуд *сири* с кумысом [Саввин, 1940, л. 144]. Более того, монгольский термин *хээл* ‘плод, зародыш’ имеет праформы *хэгэл*, *хэгур*, от которых производятся слова: як. *киэли* ‘утроба матери’ и монг. *хуур* ‘скрипка’.

В этом контексте интересно сведение XIX в.: в местности Булун Сунтарского улуса жил шаман Дорофей, который во время камлания держал в руках берестяной сосуд *чабычах*, а вместо палочки брал ковшик *хомуос хамыйах*, которым снимают сливки [Кириллин, 2004, с. 41]. Здесь чаша и черпалка олицетворяют лоно земли и вымя кобылицы. Парная символика женского начала наблюдается и в *кобызе*, состоящем из головы *бас*, среднего круга *киелі* и нижней чаши *айак*. Слово *киелі* ‘святой’ [Русско-казахский словарь, 1954, с. 725] непосредственно связано с образом Абыз-Коркута, который сделал *кобыз* из кожи, снятой с паховой части верблюдицы.

Древний пласт тотемизма даёт основание предположить, что корни *кобыза* уходят в охотничье прошлое тюрко-монголов и тунгусо-маньчжуров. На это указывает сцена, вырезанная на задней стенке скрипки *йайалыг*: охотник с пятью собаками гонится за пятью оленями. Видимо, они символизируют пять месяцев весны и лета, которые в календаре кыргызов были обозначены названиями самцов косули, оленя, марала, горного барана и козла. Следующие пять месяцев осени и зимы носили числовые названия: *тогуздуң айы* (9-й месяц); *жетинин айы* (7-й месяц); *бештин айы* (5-й месяц); *үчтүн айы* (3-й месяц); *бирдин айы* (1-й месяц) [Байбосунов, 2009, с. 35]. Такой же обратный счёт зимних месяцев существовал у казахов Монголии [МКТ, с. 879].

Эта информация приводит к выводу о том, что тюрки выделяли 10 месяцев активной жизни и два-три месяца отдыха. С февраля по июнь они отмечали рождение парнокопытных и завершали сезон после появления потомства горных козлов, а с сентября по январь считали дни от зачатия и развития зародышей до отёла. Любопытно то, что по-казахски слово *кут* обозначает ‘счастье’ и ‘февраль’ [КРС, с. 193]. Значит, сезон «счастья» был связан с весенними ягнятами. Образы зверей нашли отражение и в мифах саха и тунгусов: на гнезде древа *Аар Кудук* душу шамана воспитывает восьминогий горный баран с копытами, обращёнными назад, или белый крылатый олень. И чем больше шаман сосёт молоко зверя, тем всё меньше и меньше он становится [Ксенофонов, 1992, с. 52, 63]. Этот обратный процесс приближал «рождение» шамана-зверя как символа Нового года.

В раннюю эпоху инструмент *хуур* воплощал оленя. В этой связи интересен рисунок шестого оленя на скрипке *йайалык*, начертанный позднее всех рисунков. Очевидно, это был дух самого певца Чура. Такая трактовка согласуется с мнением о том, что у народов Сибири среди тотемов чаще встречались реальные, полезные животные, чем вредные и «несъедобные» [Березницкий, 2012, с. 119]. Иначе говоря, духи предков хранили законы табу и обеспечивали потомкам удачу. Вероятно, *хуур* был заимствован монголами у тюрков, на что указывает его название, восходящее к др.-тюрк. *кубурсак* ‘желудок’ [ДТС, с. 464]. Термин *кубурсак* образует производные слова: каз. *курсак* ‘желудок’, монг. *хабурчаб*, *хуурцаг*

‘ящик, сундук’, бур. *хуурсаг* ‘гроб’, як. *куорчах* ‘гроб-колода’ [Калужинский, 1961, с. 7]. Сравнение терминов приводит к предположению о том, что долблённые гробы сначала использовали тюрки. У монголов слово *абыс* ‘гроб’ восходит к тюркским *абыс* / *хамыс*. То есть голоса предков исходили из чрева земли.

Из корневой основы *коб* > *коб* > *ков* ‘пустой, полый’ [ЭСТЯ, с. 18–19] выводятся термины, этимологически близкие к *кобузу*: *кабырчак* ‘ящик, сундук’, *кабучак* ‘дупло’, *кокурсак* ‘желудок’, *кап* ‘мех, бурдюк, мешок’; ‘оболочка околоплодного пузыря’ и др. [ДТС, с. 399, 457, 420, 421]. Семантика последа и гроба связана с циклом жизни и смерти. Почитание казахами Коркута закономерно, ибо их предок Кыпчак был найден внутри дупла на речном острове. Вспомним Элэя, плывшего по Лене верхом на коряге, которая отражалась в воде в виде лебедя или жеребца.

Отдельного рассмотрения требует название древнетюркской скрипки. Табличка музейного экспоната говорит о том, что у тюрков *хуур* носил название *йайалыг*. Там же приводится аннотация: профессор Т. Баттулга сопоставляет это слово с монг. *айалгуут* ‘мелодия’ и приходит к мнению о том, что имя *Йайа* *обул* следует понимать как ‘Сын мелодии’. Однако эта гипотеза вызывает сомнение. Ведь очевидно то, что добавление суффикса *-лыг* к корню *йайа* образует понятие ‘инструмент, имеющий *йайа*’. Исходя из того, что *кобыз* и *хуур* являлись атрибутами шамана, мы предполагаем, что слово *йайа* есть акающий вариант тюркских терминов *йейе*, *йийэ*, *ийе*, *ийэ*, *ие*, *еш*, *ез*, *иче*, *иччи* со значениями ‘владелец, хозяин’ [Севортян, 1974, с. 237–240]. В таком случае *йайалыг* – это предмет, наделённый духом.

В словаре древних тюрков существуют термины *ейэ*, *ийэ* ‘хозяин’, ‘господин’ (о боге) [ДТС, с. 167, 205]. Поэтому имя *Йайа* *обул* мы сравниваем с як. *Айыы уола* ‘сын Творца’. Первая часть имени соответствует алт. *јајаачы* ‘создатель’, узб. диал. *айа* ‘мать’ и як. *ийэ* ‘мать’, ‘матка’ (анат.). Всё это отчасти совпадает с гипотезой Г.И. Варламовой [2004, с. 39–40]: у тунгусо-маньчжурских народов слово *аи* является ядром понятий «помощь», «спасение», «добрый», «дух», «древний», «люди» и, возможно, восходит к ранней эпохе до сложения семьи алтайских языков.

Совпадение понятий «мать», «человек», «дух» имеет древнейшие корни. Как писала Г.М. Васи-

левич, этноним *саман* / *самай* с первичным значением «человек» встречается у тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских и тюркских народов. Автор считала, что генезис этнонима выходит за границы алтайского мира, но она не согласилась с гипотезой Б.О. Долгих, возводившего этноним к понятию «шаман» [Василевич, 1965, с. 145]. В этом контексте представляет интерес другое мнение о том, что и этноним *сах* мог быть синонимом понятия «люди» [Борисов, 1997, с. 124]. Схожую трактовку приводит и А.И. Гоголев [1993, с. 20]: тотемный олень лёг в основу самоназвания саков. Образ оленя восходит к мифу о том, что «раньше все звери были людьми», и показывает обоснованность идеи Б.О. Долгих о сакральных корнях «шаманских родов».

В старину огузские музыканты назывались *озанами* [Есипова, 2012, с. 74]. В свете сравнения терминов *йайа* и *айыы* мы можем увидеть в забытом слове *озан* искажённые монгольские *эзэн*, *эжэн* ‘дух-хозяин’, восходящие к монг. *эжэ*, тюрк. *эжэ*, *ичэ*, *изэ* ‘мать’, ‘бабушка’, ‘почтенная женщина’. По преданию уйгуров, Буку-текин родился из нароста Мирового древа, росшего на холме, около которого сливались две реки. Бог даровал будущему Огуз-хану воронов, знавших языки трёх миров [Екеев, 2012, с. 61]. Образ развилки рек, где появился принц-олёнок, ассоциируется с лоном земли и с рогами быка, несущего на макушку Мирового древа утреннее солнце. Здесь отражается путь души *кут* из глубины воды до зенита солнца и обратно на землю.

Имя Коркута заманчиво реконструировать как *Хуур-кут* – «Скрипка-счастье». Монгольский след сохранил и эпитет Дэдэ-Хорхута: *дэдэ* сравним с монг. *дегде* – ‘взлетать’, ‘подниматься’, *дегедү* ‘верхний’, ‘знать’, ‘предок, небожитель’; тув. *дееди* ‘высший’, ‘верховный’, *деевиш* ‘потолок, крыша, кровля’. Согласно Б.И. Татаринцеву [1984, с. 81, 84], этимология этих слов связана с шор. *тегей* ‘вершина гор’, ‘холм’, ‘макушка’, хак. *тигир* ‘небо’. К этим словам можно добавить тюркизм эвенков *аи тэгэл* ‘племя настоящих людей Среднего и Верхнего миров’ [Варламова, 2004, с. 39]. Исходя из того, что *сах* называли дальнюю страну *тэгэл дайды*, а обряд кумысопития – *айыы тэгил ысыаба*, можно предположить, что герои и божества тюрков жили высоко в горах.

Близость образов горы и неба объясняет, почему саки украшали коней рогами козлов и оле-

ней, а тюрки рисовали тамгу теке на стелах тегин-нов. Неслучайно скифская арфа, найденная на Алтае в 1947 г., считается предтечей *кобыза* [Басилов, 1991, с. 150]. Судя по рисунку, эта пазырыкская арфа, как и инструмент *йайалык*, имела на дне дырку в виде креста *загалмай*. В этом плане интересны тамги в виде изображений птицы, лука и креста, встречающихся на дне кубков *чо-роон*. Однако самый древний прототип арфы был обнаружен в пещере Ляско: маг в бизоньей шкуре играл на однострунной арфе. Он держал во рту конец лука, а правой рукой прикасался к тетиве [Ларичев, 2002, с. 116]. При этом роль смычка исполняло копыто быка, также как колотушкой бубна служила лапа медведя.

Тюркская и кыргызская знать носила почётные титулы *айаф* и *аже*, вероятно, сравнимые с якутским *айыы* [Антонов, 1971, с. 127–128]. Эти параллели дают ясно понять, почему аристократы Ашина держали в руках кубки *айак*, окрашенные в красный цвет. Архаичный след культа Неба сохранила легенда сагайцев, посвящавших Небу девушек: «Избранницу будто бы привязывали к плахе, закалывали ножом в сердце и во время моления Небу приподымали на руках, а потом сжигали» [Потапов, 1991, с. 268]. Это поразительно напоминает кровавые жертвы, приносимые в обрядах посвящения шаманов.

Таким образом, прототипами шаманских инструментов были предметы утилитарного порядка: ковши, мешки, сосуды и луки. С их помощью шаманы общались с духами природы, превращая их в фетиши. Всё это согласуется с тем, что Коркут и Эллэй были шаманами, стоявшими у истоков эпоса. Представления эвенков о том, что шаманы были «с начала мира», ярко свидетельствуют, что в зарождении шаманизма жреческие обряды были первичными. Поэтому контуры *кобыза* повторяют силуэт палеолитических «венер», позволяя увидеть в нём футляр для хранения статуэток предков. Выпуклая часть скрипки напоминает орнамент лиры *көбүөр*, являющийся знаком женского начала и древа жизни. Эти маркеры отражены и в кумысной утвари саха. Аналогичную символику носили и бубны. Воплощая единство небесной и подземной стихии воды, они выражали идею о зыбкости и прозрачности границ между мирами. И это позволяет установить мостик в понимании сущности шаманизма на просторах Евразии.

Литература и источники

Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии (эволюция верований и культов селенгинских бурят). – М.: Наука, 1992. – 143 с.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 176 с.

Арзютов Д.В. На границе миров (предчувствие смерти в культуре шорцев и северных алтайцев в контексте влияния народно-православной традиции) // Сибирский сборник – 1: погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 54–64.

Байбосунов А.А. Донаучные представления киргизов о природе и обществе. – Бишкек: Акыл, 2009. – 312 с.

Басилов В.Н. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент // Сов. этнография. – 1991. – № 4. – С. 140–154.

Басилов В.Н. Шаманизм народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – 328 с.

Березницкий С.В. Критерии отбора животных в категорию почитаемых (по материалам верований и ритуалов коренных народов Севера) // Труды Гос. музея истории религии. – Вып. 12. – СПб.: МедиаКомфорт, 2012. – С. 115–122.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I (А – Г) / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 532 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. II (Д – О) / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2002а. – 514 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV (Х – Я) / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2002б. – 510 с.

Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1997. – 160 с.

Булатова Н.Я. Мангры: история и язык // Культура народов Сибири. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1997. – С. 57–65.

Бурдуков А.В. Русско-монгольский словарь разговорного языка. – Л.: Изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1935. – 319 с.

Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2004. – 185 с.

Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–XIX в.). – Л.: Изд-во «Наука». Ленингр. отд-ние, 1969. – 304 с.

Василевич Г.В. Этноним саман–самай у народов Сибири // Сов. этнография. – 1965. – № 3. – С. 139–145.

Васильев В.Е. Древние истоки культа божеств айыы (по фольклорно-этнографическим материалам саха): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. – 20 с.

- Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. – 120 с.
- Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2012. – 263 с.
- Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.
- Древнетюркский словарь. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. – 676 с.
- Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.
- Екеев Н.В. К вопросу об этнических связях ойротов-чоросов с древними уйгурами // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: матер. Междунар. науч. конф. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – С. 58–64.
- Есипова М.В. Древнетюркский термин кобуз («музыкальный инструмент»): история и география распространения // Там же. – 2012. – С. 71–81.
- Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос: Избранные труды. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. – 727 с.
- Ильяхов П.Н. Из жизни великого шамана. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1993. – 80 с. (На як. яз.).
- Ионов В.М. Материалы по верованиям якутов. 1940 г. // Архив ИВР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2.
- Казахско-русский словарь / отв. ред. А.Б. Алибаев. – Кызыл-Орда: Казиздат, 1936. – 166 с.
- Калужинский Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 5–21.
- Кириллин Т.С. Эхо бубна. – Якутск: Бичик, 2004. – 112 с. (На як. яз.).
- Комиссия по изучению Якутской АССР. Этнографические материалы по Хатанго-Анабарскому отряду, собранные Слепцовым // СПФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1075. 695 л.
- Ксенофонов Г.В. Из материалов по «Эллэаде», и «Дополнения к “Эллэаде”», отдельные тексты на якутском языке и родословная о некоторых якутских улусах. 1921–1932 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82. 200 л.
- Ксенофонов Г.В. Эллэада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Ксенофонов Г.В. Шаманизм: Избранные труды. (Публикации 1928–1929 гг.). – Якутск: Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. – 318 с.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 319 с.
- Ларичев В.Е. Человек и мироздание: Древние маги и чудеса подземелий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2002. – 173 с.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Лойко Л.М. Роль мулл и абыстай (знающих) в обрядовой практике сергачских мишарей (по материалам полевых исследований) // Праздники и обряды как феномены этнической культуры: матер. Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2011. – С. 35–39.
- Маак Р.К. Вилюйский округ. – 2-е изд., – М.: Яна, 1994. – 592 с.
- Монгол–казах толь / сост. Б. Базылхан. – Улаанбаатар: Өлгий; ИЯИЛ АН МНР, 1984. – 887 с.
- Мороз Е.Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. – С. 64–72.
- Ойуун: ойууннар уонна ойуун сиэрин-туомун туһунан кэпсээннэр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 56 с.
- Потанов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Русско-казахский словарь / под общ. ред. Н.Т. Сауранбаева. – М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1954. – 936 с.
- Саввин А.А. Этнографические заметки. 1938–1939 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 35. 48 л.
- Саввин А.А. Этнографические заметки. 1940 г. // Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 39. – Л. 98–145.
- Саввин А.А. Этнографические заметки. 1938 г. // Там же. Д. 66. 99 л.
- Саввинов А.И. Тожу кижилер. Кто они? (Экспедиция в центр Азии) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1. – С. 103–112.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюрк. и межтюрк. основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 216 с.
- Татаринцев Б.И. О происхождении тюркского наименования неба (tanrı и его соответствия) // Сов. тюркология. – 1984. – № 4. – С. 72–84.
- Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы: Казиздат–КТ, 2004. – 124 с.
- Чагдуров С.Ш. Термины родства в эпосе народов Сибири // Олонхо в контексте эпического наследия на-

родов мира: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Якутск: АН РС(Я), 2000. – С. 41.

Чиркова А.К. Мой отец – шаман. – Якутск: Якутия, 2006. – 144 с.

Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. – М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1961. – 630 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюрк. и межтюрк. лексические основы на букву «К». – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 265 с.

Сокращения

анат. – анатомический

бур. – бурятский

бур.-монг. – бурятско-монгольский

др.-тюрк. – древнетюркский

каз. – казахский

калм. – калмыцкий

монг. – монгольский

тув. – тувинский

тур. – турецкий

турк. – туркменский

тюрк. – тюркский

узб. диал. – узбекский диалект

устар. – устаревший

хак. – хакасский

халха-монг. – халха-монгольский

чув. – чувашский

шор. – шорский

як. – якутский

V.E. Vasilyev

The Genesis of the shamanic tools of the Sakha people in the image of the mother-beast among the Turks, Mongols and Tungus.

On the wide band of Eurasia, the idea of sacredness of the goddess-mother generating all life on the Earth, has been known since the Paleolithic and Neolithic. Exactly since that time originates the Siberian shamanism, in which was bases on ideas about circulation of souls game birds, beasts and revered people in a similar way bury inside the wet caves or natural hollows of the tree that is clearly visible in the bear ritual, whose origins date back to the ancient monuments of Eurasia. Before the ethnographic past in Siberia was the custom of the construction of sarcophagi and burials of the air on poles. In shamanism, the fetish associated with ancestors and totems, used still. They found in a vestigial form in the ceremonies, holidays and practices of urban shamans. In this cult are the attributes of tambourines and other instruments dating back to the prototypes, such as hunting bows and bags. In archaic times, they served as ancestral shrines and later turned into musical instruments.

Keywords: shamanism, totemism, the cult of the mother-beast hunting, shamanic attributes, bow, tambourine, ko-byz, Huur.

УДК: 930.85 (575.2) (04)

Т.А. Акеров

Найманы в XII–XIV вв. (аспекты происхождения и этнополитических связей)

Статья посвящена проблеме происхождения и этнополитических связей найманов в XII–XIV вв. Данный период знаменателен тем, что в XII в. найманы смогли сформировать собственное государство и стали играть важную роль в политической жизни Саяно-Алтайского края. Актуальность проблемы заключается в том, что вопрос о происхождении найманов до сих пор остается спорным. Не полностью раскрыта и проблема этнополитических связей найманов с народами Саяно-Алтайского края в XII в., а затем и в монгольский период.

Автор статьи попытался по-новому рассмотреть проблему происхождения этнонима «найман» и его носителей. Так, этимологию этнонима «найман» он связывает с восьмисоставным союзом племен кангаро-печенегов, которые имели большое влияние на алтайские племена, в том числе на предков найманов. Считая, что этноним был заимствован предками найманов от кангаро-печенегов, автор попытался рассмотреть роды дубо и эчжи/кангач (канглы) трехсоставного союза племен дубо в качестве предков найманов. В исторических источниках монгольской эпохи найманы всегда указывались в соседстве и имели тесные этнополитические связи с азами, туматами (дубо, тумат), кючюками и канглами. Туматы одними из первых поддержали царевича Кучлука и восстали против монголов. Родственные связи последних находили подтверждение и в этнографических материалах. У найманов, как и у потомков туматов хори-туматов (желтый пес) и кючюков, тотемом была собака. Автор приходит к выводу, что найманы управлялись представителями аристократического рода азов, но как этнос имели тумато-канглийское происхождение. Также он делает попытку рассмотреть этнополитические и этногенетические, этнокультурные связи найманов с азами, кангаро-печенегам, туматами и другими алтайскими племенами, и на основе изучения, анализа и сравнения версии эпоса «Манас», приведенной в книге С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих, с более поздними вариантами великого сказания определить роль и место найманов в истории Саяно-Алтая и кыргызского этноса на алтайском этапе его развития.

Ключевые слова: союз племен, дубо, найманы, государство, тотем, кючюк, хори-туматы, канглы, нашествие, монголы, миграция, Саяно-Алтай, Тянь-Шань.

Найманы – алтайский народ, сыгравший одну из основных ролей в политической жизни Центральной Азии в средние века. Найманы являлись выходцами из Алтая. В XII в. они сформировали свое раннефеодальное государство на Алтае. Но до сих пор в ученом мире нет единого мнения по вопросу происхождения найманов. Одни писали, что найманы – монголы, другие – тюрки, третьи – тунгусы и т.д. Но все они были едины во мнении о том, что найманы являлись восьмисоставным народом. В данной работе мы попытались рассмотреть проблему происхождения и этногенетических и этнополитических связей найманов с кангаро-печенегам, туматами, кыргызами, азами, кючюками, огракми, огузами, киданями и другими алтайскими племенами.

И.Н. Березин связывал происхождение этнонима «найман» с монгольским числительным «восемь», которое на тюркском языке означает «сегиз», а на – монгольском – нейма». Отсюда он полагал, что «найман» – это союз восьми племен [Березин, 1858, с. 267]. В.В. Бартольд подтверждает, что слово «найман» означает по-монгольски «восемь». Далее он пишет, что это указывает на разделение данного народа на восемь родов [Бартольд, 1968, с. 104]. Л.Л. Викторова [1961], Г.И. Рамстедт [Кычанов, 1990, с. 101–114], К.И. Петров связывали происхождение найманов с сегиз-огузами. К.И. Петров писал: «Тюркскому числительному сегиз в монгольском языке соответствовало числительное найман». Первоначально племя носило имя сегиз-огуз, но позже стало называться найман. Се-

гиз-огузы входили в состав союза тогуз-огузов (уйгуров). В союзе уйгуры играли главную роль, а сегиз-огузы – второстепенную [Петров, 1963, с. 72; Екеев, 2011, с. 90–91].

Н.А. Аристов полагал, что этноним «найман» происходил от названия «... реки Найма, притока Катун, и что на ней они первоначально обитали» [Аристов, 1896, с. 361]. П. Карпини писал, что найманы кочевали «...на обширной территории между Хангаем и горными хребтами Алтаин-нуру, в долине р. Черного Иртыша и озера Зайсан-нор» [Путешествия..., 1957, с. 196].

Л.Н. Гумилев и ряд ученых считали найманов северной ветвью кара киданей, отказавшейся подчиняться Елюю Даши и ушедшей в алтайские степи. П. Рачневский писал, что найманы и кераиты могли быть частью кыргызского народа или частью этноса Кыргызского каганата [Кычанов, 1990, с. 103–104; Рыбаков, 2010, с. 116–117]. Его поддержал Е. Кычанов, который также видел в найманах, кераитах, меркитах, татарах народ Кыргызского каганата [Кычанов, 2003]. В.В. Востров и М.С. Муканов писали о том, что часть найманов ушла с царевичем Кучлуком на Памир и стала представлять памирских кыргызов [Востров, Муканов, 1968, с. 65].

В.В. Ушницкий [2013] обратил внимание на сведения Рашид ад-Дина, который назвал найманов старым населением Енисея, вытесненным оттуда кыргызами [Рашид ад-Дин, 1952]. Его внимание также привлекло то, что найманы, как и кыргызы, занимались земледелием, что отличало их от других кочевников севера.

Рашид ад-Дин (XIII в.), рассказавший одним из первых подробно о найманах, писал: «Это племя степное: некоторые жили в крепких горах, другие в степях... Обитали в Большом Алтае, Каракоруме... в горах Алуй-Сераса и Кек-Иртыша... у этих найманских племен были свои почтенные и сильные государи; они имели многочисленное и хорошее войско; обычаи и привычки их были подобны монгольским. Государей их в древние дни называли Кушлук-хан – сильный, великий государь. Из племен, близких к найманам и которых юрты соединялись с их юртами, было племя Бикин» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 136–137]; также можно отметить кыпчаков и канглы. По данным армянского царя Гайтона, в середине XIII в. найманы жили к востоку от Иртыша [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 522].

Согласно Рашид ад-Дину, владение найманов находилось рядом с кыргызской областью Кэм-Кэмджиут. Он писал: «Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори (фули. – Т. А.), баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баркуджин-Токум, также близки к этой области» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 151]. По указанию источника, Баркуджин-Токум находился в соседстве с Кэм-Кэмджиут.

Из источников известно, что, найманы на западе проживали рядом с канглами и кыпчаками, обитавшими в верховьях Иртыша, на севере – с енисейскими кыргызами, на востоке – с кераитами, жившими в Восточной Монголии, а на юге – с уйгурами. Тесные этнополитические и культурные связи отмечались особенно с канглами. По некоторым данным, группы канглов и кыпчаков расселялись во владениях найманов.

Как обычно, происхождение найманов связывают с сегиз-огузами, полагая, что этноним «найман» являлся монгольской калькой числительного – названия племени сегиз-огузов, проживавших в местности Восьмиречье в Западной Монголии. В связи с этим найманы рассматривались как «союз восьми племен». Однако было бы более реально подвергнуть обсуждению проблему происхождения найманов в аспекте их этногенетических и этнополитических связей с алтайскими племенами, которые могли сыграть определенную роль в этногенезе этого народа. Анализ источников и этнографических материалов указывает на то, что найманы представляли собой конгломерат алтайских

племен. Сюда можно отнести кангаро-печенегов (канглы), туматов, азов, кючюков, ограков и огузов, которые признали власть и покорились Кыргызскому каганату после событий 840 г.

Отметим, что, согласно некоторым этнографическим материалам, можно обнаружить связь найманов и киданей (кытаев) с племенами тюрко-огузской группы. К примеру, в родоплеменной структуре алтайского рода тоттош (тардуш) обнаружили этнонимы «тоттош» (огузо-тюркский – «тардуш») и найманак, а в составе кыргызского племени кытай (родственного найманам) – «тардуш». Важно отметить, что последние (тардуши) сохранили пословицу алтайских толосов – «Толос торун бербейт, олсо корун бербейт», что говорит о тесных этногенетических связях найманов и киданей (кытай) с тюрко-огузскими племенами Алтая. Исходя из этого можно предположить, что найманы и кидани могли быть этнически близки присутствием в их составе племен тюрко-огузской группы, которые были разделены на южную и северную ветви после событий 840 г., когда кыргызы, ликвидировав Уйгурский (тогуз огузский) каганат на Орхоне, установили господство над Центральной Азией.

В средневековых источниках кангаро-печенеги, туматы, найманы, азы, кючюки, ограки отмечались как соседние племена на Алтае. По данным Рашид ад-Дина, найманы соседствовали с канглами на Иртыше [Кляшторный, 1951, с. 63]. Отсюда мы имеем право полагать, что найманы могли заимствовать свое этническое имя от кангаро-печенегов, союз которых состоял из восьми крупных племен и 40 родов. Обнаруживается тесная этногенетическая связь кангаро-печенегов с кыргызами и азами. Неслучайно и кангаро-печенеги, и азы, и кыргызы в исторических источниках отмечались как племена, вышедшие из 40 родов [Акерров, 2014, с. 101].

В связи с вышеизложенным интерес представляют сведения отдельных источников, которые хотя и косвенно, но указывали на связь найманов с племенами союза дубо, который состоял из трех родов дубо, мелиге и эчжи / кангач / канглы. Согласно «Сокровенному сказанию» (XII в.), в Восьмиречье (Сегиз-мурен), где могли жить предки найманов, обитали туматы (тумауты), потомки дубо. В. Бутанаев считает, что туматы в этих местах жили с древних времен [Бутанаев, 2013, с. 73]. По информации Рашид ад-Дина, предводители туматов также, как и найманов, но-

сили титул «инал». Туматы и найманы имели тесные этнополитические связи. В 1218 г. туматы, а затем меркиты и кыргызы, поддержав мятежного принца Кучлука, восстали против монголов. Возможно, именно в это время, опасаясь быть уничтоженными Джучи ханом, часть кыргызов, туматов и меркитов могла уйти вместе с Кучлуком на Тянь-Шань, а другая часть мятежников – начать мигрировать на нынешнюю территорию Якутии.

Согласно источникам и этнографическим материалам, хори-туматы, кыргызы, найманы, как и кидани (кытай), имели тесные этногенетические и этнополитические связи с племенами алтайских кючюков. Одна из жен Арик Буки происходила из рода кючюк клана найман. Тотемом хори-туматов (желтый пес) также, как и кыргызов (желтая борзая), была собака (сары кючюк). По преданию, алтайские найманы (майманы) своим предком считали собаку [Ямаева, 2004, с. 17–18]. То есть тотемом найманов тоже была собака. Обнаруживается связь кючюков с киданями. В составе ногайцев встречается название родоплеменной группы кючюк-кытай (кидань). В Гагаузии наряду с названиями местностей, связанных с кыргызами, встречается топоним кючюк-кытай (кидань). Примечательно, что в структуре найманских родов имелись родоплеменные группы, сохранившие названия средневековых алтайских племен, например, азов (ускюбе / «куб-владение ус», прикаспийские ногайцы), ограков (угреш-найман, узбекские найманы), кючюков (кючюк-найман, турецкие найманы), туматов (кырг. туума тукум) и др. Следовательно, основываясь на вышеизложенном, туматов можно отождествить с алтайскими кючюками.

Исследования последних лет показали, что «владения найманов простирались: с востока на запад – от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатай; с севера на юго-восток – от Танну Ола до восточных отрогов Алтая» [Сандаг, 1970, с. 24], то есть занимали основную территорию бывших земель канглов и азов. В связи с этим, мы полагаем, что найманы управлялись аристократическим кланом азов, но, как этнос, имели тумато-канглийское происхождение. Видимо, впоследствии потомки канглов и туматов в лице кангаласов и хори-туматов мигрировали на нынешнюю территорию Якутии и сыграли важную роль в этногенезе саха-якутов.

По нашему мнению, вопрос о происхождении найманов невозможно рассматривать отдельно от

алтайских племен, живших в постмонгольский период, в частности, азов (аз-ширинов) и булагчинов, которые участвовали в этногенезе многих народов Саяно-Алтайского края, в т.ч. енисейских и тянь-шаньских кыргызов, эхирит-булагатов, бурятов и др.

В период господства енисейских кыргызов на Саяно-Алтае ими управлял род аз или ус. Во главе государства стоял ажо из рода азов. В китайских хрониках приводится легенда о связи азов с кыргызами. Согласно легенде, кыргызы якобы произошли от 40 (родоначальниц) девиц земли Хань, вступивших в брачный союз с мужчинами Усы. С тех пор эта страна стала называться Кыргызской землей [Монгуш, 2013, с. 146–151]. Возможно, поэтому вожди найманов по примеру предков к своим именам прибавляли кыргызский этноним аз (ас, ус). Например, сын Таян хана найманского (в XII в.) носил имя Ус Сегиз Кучлук хан.

По данным источников, найманы, как и древние азы, соседствовали с канглами на Алтае. Они всегда упоминались вместе с кыргызами. И азы, и найманы являлись выходцами из Западной Монголии.

Согласно руническим надписям, в древнетюркское время азы обитали на юго-восточном Алтае и Саянах – в верховьях рек Алаш, Ак-Суг и на озере Кара-Холь – и находились в сфере влияния восточнотюркских каганов. Основываясь на надписи в честь Кюль-тегина, Б. Монгуш отмечает, что кок-тюрки, завоевывая территорию современной Тувы и прилегающих к ней алтайских земель, трижды сражались с азами, и каждый раз в разных местах Саяно-Алтайского края и Западной Монголии, первый раз – в прибрежных землях с чиками в Туве, во второй – на Черном Иртыше, а в третий раз – при Караколе. Б. Монгуш пишет: «Азы кочевали на обширной территории – в Горном Алтае, Западной Туве и Хакасо-Минусинских степях. При этом можно предположить, что упоминаются две ветви этого народа – саянская (степные азы), живущая в степях Хакасо-Минусинской котловины, и алтайская (горные азы), которая жила на территории Горного Алтая и Западной Тувы» [Там же, с. 146–151].

Большинство ученых склонны относить иртышских азов к тюргешам. В средние века азы мигрировали с востока на запад и дошли до Крыма. Азы жили в Семиречье, Средней Азии и на Северном Кавказе. В источниках X в. упоминалось о проживании группы азов в районах сред-

невекового города Хорезм. В книге Утемиш Хаджи «Чингиз-наме» [Утемиш-Хаджа, 1992] сообщается, что эта группа азов названа аз-ширинами и что у неё сложились тесные этнополитические связи с алтайскими племенами в монгольскую эпоху. Аз-ширины имели тамгу чомуч (ковш). Автор также информирует о союзе Токтамыш хана с племенами аз-ширин, кыпчак, аргын, бахрин [Акерев, 2014, с. 27]. Эта же информация повторяется в версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди, где указывался более расширенный список союзников Токтамыш хана. Согласно С. Ахсикенди, хан имел союз с моголистанским князем Анга Торе, предводителем кыргызов Манас, а также племенами кыпчаков, аргынов, бахринов [Ахсикенди Сайф ад-Дин, 1996, с. 45] и т.д. Вышеотмеченные сведения подтверждаются информацией персидского историка Фахр ад-Дина Мубарекшаха Мерверруди, где азы включены в список народов Средней и Центральной Азии домонгольского периода, что, прежде всего, говорит о том, что азы очень быстро оправились от ударов кара китаев в XII в. и создали самостоятельное государственное образование к началу монгольских нашествий (XIII в.).

В таком случае азы действительно могли выступать в качестве аристократического рода в найманском обществе. Найманы жили в тех же районах, где отмечались азы. В VIII в. найманы жили к югу от озера Байкал. В середине IX в. найманские племена кочевали от Орхона до Тарима и Черного Иртыша. В монгольскую эпоху они переселились на Северный Кавказ и в Турцию. Найманы также, как и аз-ширины, входили в состав Золотой Орды.

Собранные этнографические материалы указывают на то, что найманы унаследовали от аз-ширинов их родовую тамгу чомуч (ковш) и тотем алтайских кючюков [Ямаева, 2004, с. 17–18]. Необходимо отметить, что общую родовую тамгу найманов чомуч / шоміш (ковш) сохранили кыргызские и казахские найманы, которые живут практически на древних территориях аз-ширинов.

Наймано-кыргызские связи в какой-то степени отразились в этногенезе племен булагачи (булгачи) и керемучинов, которые входили в круг племен Баркуджин Токума. Рашид ад-Дин писал, что баргуты (баргу), кори, толосы (долосы), туматы – родственные роды, называвшиеся баргутами, поскольку они жили по ту сторону р. Се-

ленга. В связи с этим область, где последние обитали, также именовалась Баркуджин-Токум. Предводители племен баргутов, толосов, туматов носили титул «инал». По Рашид ад-Дину, баргу, кури и кыргызы имели тесные этнополитические связи. Баргутами также названы племена, родственные курлаутам, кунгиратам и эджигинам, имеющие общую тамгу и сохранившие фратральные отношения. Ссылаясь на Рашид ад-Дина, К. Петров к племенам Баркуджин Токума относил толосов, кури (алакыны), кыргызские племена булгачи и керемучинов. Последние также назывались баргутами [Петров, 1961, с. 23].

Найманы за короткое время взяли под свой контроль огромную территорию, раскинувшуюся от Иртыша и Алтая до Прибайкалья (область Баркуджин Токум), т.е. начиная от земель кераитов на Алтае до самых дальних кыргызских владений булгачи и керемучинов на востоке. Отметим, что племена булгачи оказывали большое влияние на народы Южной Сибири. Например, закаменские буряты и их шаманы место совершения родового обряда называли «Булган тээби». При совершении обряда повсюду на видных местах вывешивались заячьи шкурки, обработанные шаманами и считающиеся оберегом для детей. По информации Г.Н. Потанина, алеар буряты свой онгон называли «Булгаша» или «Булгаша хан». У бурятов почитался образ женщины с девятью бубнами, имевшей способность перевоплощаться в кого-либо. Обычно шаманки выступали в качестве оберега детей.

В связи с вышеизложенным мы не исключаем того, что к кругу племен найманов могли относиться и кыргызские объединения булгачи и керемучинов. По некоторым данным, они вкупе с найманами мигрировали на Тянь-Шань в XIII–XIV вв. В найманской среде группа булгачи (от *булгачи* – 'смутьян, мятежник, непокорный') выделялась особым собирательным именем булгачи-найман. К эпохе Тимура булгачи вместе с родственными салучи смогли образовать свой улус салучи – булгачи в Моголистане. Согласно китайскому источнику «Сиюй Чжи», здесь же в составе кыргызских племен, входивших в объединение булгачи-найманов, кыпчаков, тейитов, были керемучины [Материалы по истории..., 2002, с. 206]. Сведения «Сиюй Чжи» говорят об общности истории и культуры алтайских племен найманов, кыпчаков, онгутов (нойгутов), булгачи, керемучинов и др.

Этнографические материалы свидетельствуют о существовании в структуре ферганских кыргызов и узбеков рода под названием булгачи-найман. С.М. Абрамзон писал о существовании в составе найманов Шаариханы (Узбекистан) рода под названием булгачи-найман. По его данным, ранее булгачи-найманы жили большой группой, но вследствие голода многие из них ушли в Гиссар (Ғисар), остались там жить и впоследствии стали называться калдык-найманами (калдык или карлык) [Абрамзон, 1990, с. 49].

Найманы входили и играли немаловажную роль в создании союза племен Цзубу. Согласно «Ляо ши», после падения господства уйгуров и в период кыргызско-кара киданьских противостояний на востоке от енисейских кыргызов сформировался новый союз племен Цзубу, костяк которого составляли монголоязычные и тюрко-монгольские племена шивеев, татар, найманов, меркитов, кераитов. Основной целью сложения нового племенного союза являлось противостояние экспансии кара китаев. В связи с этим новая конфедерация была создана наподобие трехкрылой системы управления. В Цзубу кераиты составляли центральную группу, найманы – северо-западную, а меркиты – северную. Кроме них также существовала группа согдийцев (сог-по) [Авляев, 1984].

В XII–XIII вв., в период противостояний киданей и кераитов, возглавлявших союз племен Цзубу, степные племена разделились на три крупные противоборствующие силы. Первую группу племен возглавили кидани и найманы; вторую – кераиты и кыргызы, которые в то время стали консолидироваться в основном в двух владениях Кыргыз, расположенных в среднем течении Енисея и Кэм-Кэмджиут в Западной Монголии; третью – монгольские племена, бывшие с кераитами в дружеских отношениях на паритетной основе. Причем, кераиты, имевшие этнополитические связи с кыргызами в эпоху господства киданей, охотно поддерживали Чингиз хана в начале его политической карьеры, что может свидетельствовать о существовании этнополитических и этногенетических связей золотого рода с ними в прошлом.

По мнению Ю.С. Худякова, найманы в XII в. занимали районы Западной Монголии, включая хребет Эктаг-Алтай. В середине XII в. найманские вожди Наркыш Таян и Энбият Каан «разбили племя киргизов», которое обитало «в области киргизов, на границе с р. Иртыш и пустыней, со-

предельной со страной уйгуров Турфана» [Худяков, 1995, с. 73]. Однако в 1199 г. найманский хан Буйрук был разгромлен Чингиз ханом и вынужден бежать в кыргызскую область Кэм-Кэмджиут. После сокрушительного поражения, боясь возмездия, найманский хан не стал долго задерживаться на кыргызских землях и ушел на Иртыш, вытеснив оттуда в степи Монголии и Джунгарии кераитов. Очевидно, маршрут движения Буйрук хана Кэм-Кэмджиут – Иртыш может подтвердить правильность нашего мнения о родстве найманов и азов. Найманский хан из Кэм-Кэмджиута мог легко попасть на Иртыш через земли азов в Туве, которые выходили на Алтай. О родстве найманов с азами также говорит этноним «аз», встречавшийся в этнонимии ногайских найманов.

После поражения от найманов одна из групп кераитов смогла, скрывшись в Джунгарских степях, уйти на Тянь-Шань. Однако чуть позже, вслед за кераитами последовали и сами найманы, не сумевшие отразить натиск монгольских полчищ.

По данным источников, сын убитого в бою Таян хана Кучлук хан попытался объединить под своим началом найманов, туматов, кераитов, онгутов и другие племена. В 1218 г. молодого царевича Кучлука поддержали туматы, меркиты и енисейские кыргызы, восставшие против монгольской экспансии. Союзники были разбиты поодиночке. Кучлук бежал на запад и нашел убежище у кара китайского гурхана на Тянь-Шане. Но позже он был пойман и обезглавлен Жебе нойоном, специально посланным Чингиз ханом для его поимки и уничтожения. После трагической гибели Кучлука лидерство вновь перешло к потомкам Ван хана кераитского.

По нашему мнению, события эпохи кераито-кара китайских противостояний, хотя и с определенным напластованием, достаточно хорошо описаны в версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди и позднейших вариантах сказания. В них вышеуказанные события описываются как противостояние кыргызов и кара китаев.

Отметим, что версия «Манаса» С. Ахсикенди полностью посвящена истории развития кыргызско-кераитских взаимоотношений в период господства киданей и монголов. Кераиты в составе Монгольского государства продолжали поддерживать тесные этнополитические и этногенетические связи с канглами, кыргызами, кыпчаками. Отраженные в «Манасе» С. Ахсикенди события

характеризуют период возрождения и усиления этнополитических связей кыргызов с кыпчаками, кераитами, могулами и другими племенами в рамках Золотой Орды и Моголистана. В «Манасе» С. Ахсикенди главная роль отводится Онг хану (Ван хану – хану кераитов) [Ахсикенди Сайф ад-Дин, 1996, с. 35–36]. Онг хан постоянно оказывал поддержку и помощь молодому Джакыпбеку, правителю страны Каркыра. Ставка его Кара Кыштак находилась в долине р. Талас [Там же, с. 43–66], где и родился батыр Манас. Важным моментом является то, что в нем, хоть и с напластованиями, сохранены сюжеты о миграции кыргызов вкупе с кераитами и монголами на запад в связи с завоеванием Чингиз ханом Средней Азии.

В то же время во всех версиях сказания одним из главных врагов Манаса указан эпический герой Жолой, имя которого ученые отождествили с именем гурхана кара китаев Елюй Даши, основного противника Ван хана. Несомненно, что в данном случае мы в сказании обнаруживаем отражение эпохи противостояний двух великих племен Центральной Азии – кераитов и кара китаев, которые сыграли немаловажную роль в судьбе кыргызского народа и эпоса «Манас». Исходя из этого, можно назвать версию эпоса «Манас» С. Ахсикенди кераитской версией великого сказания, так как если в ней найманы вообще не упоминались, то в более ранних версиях сказания отсутствуют кераиты и имена главных союзников Манаса – Ван хана и Анга Торе. Однако в позднейших версиях эпоса «Манас» найманы, наряду с племенами из союза булгачи [Джуманалиев, 2007, с. 422] – теитами, кесеками, долосами, нойгутами, кыпчаками, описывались как кыргызские объединения, выступающие в союзе с Манасом. Следовательно, мы обнаруживаем существование по крайней мере двух версий эпоса «Манас» в монгольский период: кераитской и найманской, которые получили свое развитие на основе алтайской версии и после формирования конфедерации Цзубу, где эти два объединения стали играть важную роль в истории Центральной Азии.

По данным китайских хроник, найманы в XII–XIII вв. имели этнополитические связи с онгутами и вместе с последними подходили под понятие «белых татар». В эпосе «Манас» онгуты упоминались под названием нойгут и были представлены как кыргызское племя, родственное Манасу по материнской линии. Мать хана Мана-

са принадлежала к племени нойгут. В сказании нойгуты и найманы, ногайцы, кангы (канглы), кыпчаки, долосы, аргыны и другие алтайские племена упоминались вместе как кыргызские объединения. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что в период кыргызско-кара китайских противостояний найманы, находясь в составе союза племен Цзубу, играли второстепенную роль. Однако после событий 1199 г., когда Буйрук хан установил полное господство найманов на Алтае, изгнав оттуда кераитов в Монгольские степи, они становятся главной силой, сплотив вокруг себя большинство алтайских племен, что, видимо, обеспечило появление найманской версии эпоса «Манас». Но это не помешало кераитам, к тому времени переселившимся в Семиречье, сохранить собственную версию эпоса «Манас», записанную С. Ахсикенди. Кераиты и союзные с ним кыргызы, кыпчаки перенесли «Манас» на Тянь-Шань, где ими было сформировано новое государство – Моголистан.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что этноним «найман» действительно мог быть связан с числительным «восемь», однако это название его носители могли унаследовать или позаимствовать от своих соседей кангаро-печенегов, которые состояли из восьми крупных племенных объединений. У нас есть основания полагать, что найманы управлялись представителями аристократического рода азов, но как этнос имели тумато-канглийское происхождение, пестрый этнический состав и представляли конгломерат алтайских племен. Важную роль в этногенезе найманов сыграли кангаро-печенеги, туматы, азы, кючюки, кыргызы, огузы (тюрко-огузы) и кидани. Мы также не исключаем того, что найманы и кидани могли быть этнически близки друг к другу наличием в их составе племен тюрко-огузской группы, предки которых входили в Великий Кыргызский каганат.

Отметим, что до XII в. найманы играли второстепенную роль в составе союза племен Цзубу. Однако с 1199 г., когда Буйрук хан разбил кераитов и вытеснил их в Монгольские степи, найманы стали лидерами в группе племен, ранее входивших в союз Цзубу и Алтая, что как бы подтверждается данными позднейших версий эпоса «Манас». Господство найманов на Алтае продолжалось и после событий 1204 г., когда Чингиз хан разбил объединенные силы найманов и Джамухи, направленные против монгольского владыки.

Бегство Буйрук хана в кыргызскую область Кэм-Кэмджиут в 1199 г., а также попытка воссоединения енисейских кыргызов с царевичем Кучлуком указывают на существование тесных этнополитических и этногенетических связей найманов с кыргызами и родственными им племенами Алтая.

Литература

Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990.

Авляев Г.О. К вопросу о происхождении кереитов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья // Проблемы этногенеза калмыков. – Элиста, 1984.

Акеров Т.А. Кыргыз: этногенез и история. – Бишкек, 2014.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – Вып. III–IV. – СПб., 1896.

Ахсикенди Сайф ад-Дин. Тарыхтардын жыйнагы (Маджму ат-Таварих). – Бишкек, 1996.

Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1968. – Т. V.

Березин И.Н. Очерки внутреннего устройства улуса джучиев // Труды восточного отделения императорского археологического общества. – Ч. V. – СПб., 1858.

Бутанаев В.Я. Историческая ономастика Южной Сибири. – Бишкек, 2013. – 271 с.

Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности XII–XIII вв. // Учен. записки ЛГУ. – Сер. востоковедческих наук. – № 305, вып. 12. – 1961.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.в.). – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Уранхайский край. – Л., 1926.

Джуманалиев Т.Д. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья с древности и до конца XVII в. – Бишкек, 2007.

Екеев Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы). – Горно-Алтайск: ОАОЛ «Горно-Алтайская типография», 2011. – 232 с.

Кляшторный С.Г. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах // Сов. этнография. – 1951. – № 3. – С. 54–63.

Кычанов Е. Величие и падение Кыргызского каганата // Слово Кыргызстана: газета. – 2003. – 4 нояб. (№20).

Кычанов Е. Юань-Мин доорундагы кыргыздар (XIII–XV-кылымдар) Ала Тоо. – Фрунзе, 1990. – № 7.

Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2002. – Ч. II.

Монгуш Б.Б. Происхождение азов и азский компонент в этногенезе тувинцев (по восточным письменным источникам) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 23.

Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами. – Фрунзе, 1961.

Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. изд-во геогр.лит-ры, 1957. – 272 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I, кн. I / пер. с персид. Л.А. Хетагурова. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952.

Рыбаков Н.И. Дополнительные сведения о енисейских кераитах // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 3 (15). – С. 116–129.

Сандаг III. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1970.

Сапалова Д.И. Якуты и кыргызы: этнокультурные параллели и особенности: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Владивосток, 2010.

Утемиш-Хаджа. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992.

Ушницкий В.В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме происхождения саха). – Якутск, 2013. – 170 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995.

Ямаева Е.Е. Родовые тамги алтайских тюрков (XIX–XX вв.). – Горно-Алтайск, 2004.

T.A. Akeroov

Naimans in XII–XIV centuries (origin aspects and ethno-political associations)

The paper was devoted to the problem of the Naimans origin and their ethno-political associations in the period of XII–XIV centuries. This period was significant with the fact that Naimans were managed to form the state and to play an important role in the political processes in Sayano-Altai region. Being disputable, the problem of Naimans origin formed the relevance of research. According to the scientific literature, they were referred to the Turkic by ones, Mongol

by others, and Tunguz origin by the thirds. The problem of ethno-political associations of Naimans and other peoples of Sayano-Altai region in XII, and then, during Mongol period has been not studied completely yet.

Naimans and their bearers origin problem was studied in the paper from the other point of view. The author supposed that the term could be close to the eight-formation tribe union Kangar Pechenegs, who had great influence on Altai tribes, including Naimans ancestors. The author thought that the term could be inherited by Naimans ancestors, and borrowed from Kangar Pechenegs. The Dubo and three-formation tribes of the Dubo tribe Achgi/Kanggach (Kangly) were examined like Naimans ancestors. Being in close ethno-political associations Naimans were mentioned together with Az, Tumats (Dubo, Tumauts), Kuchuks and Kangly in historical sources. Tumats were one the first who upheld Duke Kuchluk and rebelled against Mongols. Ethno-graphical sources also confirmed related associations with them. The totem animal of Naimans just as the Tumats accentors Khory-Tumats (Yellow Dog) was a Dog.

The author concluded that Naimans were ruled by an aristocratic kin representatives Az, but as an ethnos were of the Tumat-Kangly origin.

The different ethno-political, ethno-genetic and ethno-cultural associations of Naimans with Az, Kangar-Pechenegs, Kuchuks, Ogracks, Bulgachins, Tumats, Oghuz, Kidans and other Altai tribes were studied.

Based on studying, analysis and comparing of version of the epic “Manas”, given in “Madjmu at-Tawarikh” by Akhsikendi S. with late versions of the great epic, the attempt to define the role and the place of Naimans in the epic and the Kyrgyz people History at the stage of their Altai development is made.

Keywords: tribe association, Dubo, Naimans, State, Totem Animal, Kuchuks, Khory-Tumat, Kangly, Invasion, Mongols, Chingiz Khan, Migration, Sayano-Altai, Tian-Shan.

УДК 913(571.56)+929 Обручев

Е.П. Антонов

Вклад С.В. Обручева в геологическое и географическое изучение Якутии

В статье речь идёт об итогах работы двух масштабных комплексных геолого-географических экспедиций 1926 и 1929–1930-х гг. на северо-востоке Якутии, возглавляемых выдающимся учёным-геологом, талантливым организатором науки С.В. Обручевым. Раскрывается его историческая роль в ликвидации последних «белых пятен» на карте страны. Дается оценка орографического описания и картографирования хребтов Черского и Верхоянского, Юкагирского и Алазейского плоскогорий, что позволило географической науке развенчать многовековые заблуждения учёного мира. Приводятся данные об изучении оледенения под его руководством. Оценивается вклад исследователя в поиск и разведку богатейших залежей золота, свинца, цинка, меди, каменного угля и других полезных ископаемых, значительно обогативших минерально-сырьевые запасы северного региона. Даются практические рекомендации, разработанные С.В. Обручевым, по перспективному развитию горной промышленности, как важнейшей части народного хозяйства на северо-востоке Якутии. Проводится параллель с сегодняшним днём, когда по инициативе главы Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисова готовится масштабная II комплексная экспедиция под руководством РАН для изучения производительных сил республики.

Ключевые слова: северо-восток, геологические исследования, экспедиции, старатели, геоморфология, орография, геосинклиналь, платформа, горные хребты, плоскогорья, докембрий, триас, пермь, водораздел, маршрутные съёмки, зоны оруденения, рудные месторождения, полезные ископаемые, золото, полиметаллы, каменный уголь, гидрографическая сеть, Дальстрой.

Член-корреспондент АН СССР Сергей Владимирович Обручев был известным геологом и географом первой половины XX в., первооткрывателем Тунгусского угленосного бассейна и горного хребта Черского, как и его отец, признанным ли-

тератором, историком, популяризатором науки, библиографом, литературоведом и лингвистом. Он опубликовал более 150 научных трудов, около 80 научно-популярных книг и статей, отредактировал и написал предисловия к 50 монографиям

своих коллег и учеников. Он оставил после себя богатейшее документальное наследие (554 дела за период с 1892 по 1971 г.) [Архив РАН. Ф. 966. (С.В. Обручев)]. Архив Обручева раскрывает творческий путь учёного и служит ценным источником по истории науки.

В 1926 г. С.В. Обручев начал длительные исследования на Северо-Востоке Азии. За 10 лет были проведены четыре экспедиции: Верхоянско-Индиго-Индигирская (1926) Геологического комитета, Колымская (1929–1930 гг.) Якутской комиссии АН СССР, Чукотская (1932–1933 гг.) и Чаунская (1934–1935 гг.) Всесоюзного Арктического института.

Уже первая экспедиция 1926 г. привела к открытию огромного горного хребта, параллельно-го Верхоянскому и превышающего Большой Кавказ, что свидетельствовало об исключительной недоступности для исследователей этого региона. Новая горная система была зарегистрирована в Географическом обществе и, по предложению Сергея Владимировича, получила имя известного исследователя Сибири XIX в. И.Д. Черского. Обручев писал: «Желание Черского исполнено, но иначе: его тело не выкопано из вечной мерзлоты и не увезено в музей, а о нём напоминает огромный хребет, памятник в тысячу километров длиной, триста километров шириной и до трёх тысяч метров высотой; по площади он больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири». В 1927 г. Сергей Владимирович опубликовал статьи об открытии хребта Черского в ряде отечественных журналов, а также в английских и немецких географических журналах [Михайлов, 2010, с. 257–258].

В результате экспедиций 1926 и 1929–1930-х гг. удалось установить гидрографическую сеть* и орографию** района, впервые получить общее представление о геологическом строении огромной прежде не изученной области. В 1926 г. на Верхоянском хребте Обручев открыл следы обширного оледенения альпийского и скандинавского типа и сформулировал вывод, что при мак-

симальном оледенении льды доходили до р. Лены. Был сформулирован важный вывод, что весь Северо-Восток Азии покрыт мощным ледниковым покровом, на что указывал ранее академик В.А. Обручев.

Прежняя орографическая концепция Верхоянско-Колымского края, просуществовала в течение 200 лет, со времён карты видного учёного картографа С.У. Ремизова [НА РС (Я). Ф. 541. Оп. 1. Д. 673. Л. 4; Обручев, 1931, с. 1, 12, 51; 1933а, с. 119]. Согласно ей хребты Северо-Востока Азии, начиная с XVIII в., изображались одинаково: Верхоянско-Индиго-Индигирский край отгораживался от всего мира каменной стеной, а от неё внутри между крупными реками – Яной, Индиго-Индигиркой, Колымой и Омоллоном – шли радиальные хребты. В 1870-х гг. известный исследователь Сибири Г.Л. Майдель ещё более укрепил эту неправильную схему, создав на основе опросных сведений представление о высоком Оймяконском нагорье, из которого во все стороны исходят хребты – Верхоянский – на запад, Кёх-тас – на северо-запад, между Яной и Индиго-Индигиркой, Томус-Хая – на северо-восток и Колымский хребет – на восток, с его отрогами – Колымскими горами, лежащими между Колымой и Омоллоном.

В 1926 г. Обручев опроверг эту схему, выяснив, что хребты внутри идут не радиально, а параллельно внешней дуге, пересекая реки. Это было установлено для западного района Индиго-Индигирки; далее на восток хребет Черского поворачивал на юг и упирался в Охотское море. Верхоянский и Черский хребты шли параллельно, изгибаясь в виде латинской буквы S. Верхоянский хребет пролегал вдоль Лены и Алдана и затем переходил на юг в хребет Джугджур, окаймляющий с запада Охотское море. Хребет Черского изгибался параллельно Верхоянскому, начиная от Северного Ледовитого моря, он шёл на юг под названием хребта Тас-Хаяхтах, потом поворачивал на восток, пересекал Индиго-Индигирку, доходил до Колымы и пересекал Охотский водораздел, не достигнув Охотского моря [Обручев, 1933б, с. 168–169].

*Гидрографическая сеть – совокупность водоёмов и водотоков суши – рек, озёр, болот и водохранилищ. Гидрографическая сеть характеризуется коэффициентами густоты речной сети, озёрности и заболоченности, т.е. отношением площади зеркала озера или поверхности болот к площади территории, выраженной в процентах [Большая советская энциклопедия, т. 6, 1971, с. 481].

**Орография – часть геоморфологии и физической географии, занимающаяся описанием и классификацией форм рельефа земной поверхности и систематизацией их по внешним признакам (форме, крутизне, высоте и пр.) вне зависимости от происхождения [Геологический словарь, т. 2 (М–Я), 1978, с. 40].

В результате геоморфологических* наблюдений Обручева в 1929–1930-х гг. в восточной части хребта Черского были установлены его пределы и положение в общей орографической схеме Северо-Востока Азии. Обработывая полевые материалы, сделанные в Колымском регионе, учёный пришёл к выводу о существовании в среднем течении Колымы древнего жёсткого массива земной коры. Этот массив был назван Колымской платформой**. Сейчас на всех тектонических картах страны изображён Колымский массив [Рунквист, Бархатова, 1991, с. 96].

Между хребтами Черского и Верхоянским лежало обширное плоскогорье, разделённое на юге узким хребтом Тас-Кыстабыт на две части: восточную – Нерское плоскогорье и западную – Оймяконское, с Оймяконской впадиной посередине. Высокий, узкий альпийский хребет Тас-Кыстабыт тянулся параллельно хребтам Черского и Верхоянского. В ходе экспедиционных работ выяснилось, что Колымский хребет делится на два плоскогорья и два хребта. Причём на востоке находилось менее его половины, которая называлась Гыдан. К северу лежали два плоскогорья – одно между Омоллоном и Колымой, названное Обручевым Юкагирским, а второе, занимающее пространство между низовьями Индигирки и Колымы, получило от инженера-геодезиста К.А. Салищева название Алазейское. В этом обширнейшем комплексе хребтов и плоскогорий площадью более 1 млн кв. км (это территория Франции и Германии) проживало тогда всего 15 тысяч жителей [Обручев, 1933б, с. 169–170].

Обручевым были даны названия только новым крупным орографическим элементам. Он

воздержался от наименования всех бесчисленных горных гряд, вершин и речек, большей частью безымянных, или имена которых остались для исследователей неизвестными. Часть из них имела свои названия у коренных народов, а другие должны были их получить в ходе постепенного заселения края. В целом, начиная с докембрия*** и кончая триасом****, в Колымо-Индигирском крае существовала большая геосинклиналь****, окаймляющая с востока Среднесибирскую платформу [Обручев, 1931, с. 33, 46].

Обращаясь к картографическим работам отряда, которые «составляли существенную часть» заданий, участник геоморфологической экспедиции 1929–1930-х гг., инженер-геодезист К.А. Салищев отмечал, что сотрудники предыдущих экспедиций исследовали преимущественно зону морских побережий, что источниками для составленных ранее карт были, главным образом, распросные сведения, которые для территорий значительной протяжённости «неизбежно вели к самым невероятным ошибкам». Одним из результатов деятельности геоморфологического отряда стала разработка географической карты внутриматериковой части Северо-Востока, основу которой составили астрономические определения, маршрутные съёмки***** и распросные сведения. Карта Колымо-Индигирского края, составленная К.А. Салищевым, по словам Обручева, «представляла, в сущности, первое сколько-нибудь верное изображение страны» [Ширина, 2011, с. 19].

Обручев установил, что хребет Черского не поворачивает на северо-восток, а простирается на юг, пересекает Колыму и заканчивается несколькими рядами цепей у Колымско-Охотского

*Геоморфология – геолого-географическая наука о формах земной поверхности (рельефе) и Земле в целом, их происхождении, внешнем облике, эволюции и закономерностях географического распространения. [Геологический словарь, т. 1 (А–Л), 1978, с. 146].

**Платформа – основной элемент структуры континентов, противопоставляемый геосинклиналям и отличающийся от последних более спокойным тектоническим режимом [Там же, т. 2, с. 96].

***Докембрий – совокупность архейских и протерозойских пород, а также промежуток времени порядка 3,3 млрд лет, предшествовавший в истории Земли палеозойской эре [Там же, т. 1, с. 235].

****Триас – первый геологический период мезозойской эры продолжительностью 45 млн лет [Там же, т. 2, с. 325].

*****Геосинклиналь – зона высокой подвижности, это линейновытянутые, дугообразноизогнутые или мозаично построенные зоны земной коры, зарождение и развитие которых тесно связано с глубинными разломами. На начальных стадиях своего развития они характеризуются преобладанием погружений (собственно геосинклинальная стадия) и морскими условиями, а в заключительных – преобладанием поднятий (орогенная стадия) и горообразованием [Там же, т. 1, с. 147].

*****Маршрутные съёмки – один из основных методов изучения геоморфологического строения той или иной территории [Там же, т. 2, с. 290].

водораздела*; между Колымой и Омоллоном, где на картах был изображён хребет Колымский, раскинулось обширное плоскогорье, названное путешественниками Юкагирским. Кроме того, на карту была нанесена большая область верховьев Колымы. Все маршруты экспедиции, за исключением пути от Верхнеколымска до Нижнеколымска (эту территорию посетила экспедиция, возглавляемая И.Д. Черским), проходили по территории, «не посещавшейся ни одним геологом» [Обручев, 1997, с. 183–184; Ширина, 2011, с. 19].

По определению Сергея Владимировича, необычайное разнообразие изверженных горных пород, обнаруженных при геологических исследованиях, служило залогом того, что край обладает разнообразными рудными месторождениями**. [Обручев, 1931, с. 56–57]. Верхоянский хребет по своему геологическому строению являлся на всём своём протяжении вполне благоприятным для поиска рентабельных месторождений цветных металлов. Исследователь пришёл к выводу, что вблизи гранитных массивов в среднем течении Яны и Адычи возможны зоны оруденения***. Открытие в 1931 г. новых месторождений доказало, что геолого-поисковые и разведочные работы в этом почти неисследованном районе могут принести серьезные результаты и, по мнению Обручева, выдвинуть Верхоянский хребет в будущем в качестве новой базы металлургии [Обручев, 1933а, с. 124].

Во время второй экспедиции в 1929–1930-х гг. Обручеву удалось обнаружить обильные признаки золота вблизи большей части цепей хребта Черского, начиная от Берелёха и до Таскана (северный маршрут) и от Оротука до Таскана (южный маршрут по Колыме). Эти находки указывали, что золотоносность связана не только с шестой цепью хребта Черского, но распространяет-

ся в районе Колымы и на остальные пять юго-западных цепей. Сопоставляя полученные данные с однообразным составом гранитов**** на всём протяжении хребта Черского, с обнаруженной экспедицией Обручева 1926 г. золотоносностью некоторых массивов хребта Черского к западу от р. Индигирки и с находкой золота на рр. Ясашной и Зырянке, Сергей Владимирович пришёл к заключению о золотоносности всего этого хребта. По предварительным подсчетам, площадь нового золотоносного района составляла 700 км длиной и от 150 до 250 км шириной. Количество золота возрастало по направлению к юго-востоку, и наиболее перспективным здесь выступал район Колымы. По рекомендации Обручева, разведка должна была производиться именно на этой реке и её притоках в пределах хребта Черского. В 1930 г. признаки россыпного золота***** были обнаружены Обручевым в верховьях р. Омоллона. Признаки золота также открыты на хребте Тас-Кыстабыт в связи с теми же биотитовыми гранитами, с которыми связано золото на хребте Черского.

В целом, изыскания Обручева выявили благоприятные показатели для большей части металлических руд в связи с наличием разнообразных изверженных пород, занимающих огромные площади. В области золота этот прогноз в 1920-е гг. уже подтвердился, и золотоносный район хребта Черского получил известность в Союзе [Обручев, 1933а, с. 151–152, 154].

Особенно важным было то, что Обручев оконтурил в верхнем течении Колымы богатейший золотоносный район и сообщил, что в 1928 г. (время появления приискового управления «Союззолото») на р. Среднекане работали 25 старателей и геолого-разведочная экспедиция Геологического комитета во главе с Ю.А. Билибиным,

*Водораздел – линия, разделяющая смежные речные бассейны [Геологический словарь, т. 1, с. 111].

**Рудные месторождения – скопление полезного ископаемого, представленного рудой какого-либо металла или минерала [Там же, с. 427].

***Зоны оруденения – присутствие в горных породах рудных минералов, независимо от их содержания и характера распределения. Это понятие уточняется по качеству или составу оруденения (богатое, бедное, промышленное, непромышленное, медное, полиметаллическое и т.п.) и по морфологическому типу (вкрапленное, гнездовое, жильное и т.д.) [Там же, с. 41].

****Гранит – групповое название для полнокристаллических равномернозернистых или порфировидных пород, состоящих из кварца и существенно преобладающего полевого шпата с подчинённым содержанием (до 10–15%) цветных металлов, среди которых чаще присутствуют биотит, мусковит, роговая обманка и реже пироксен [Там же, с. 188].

*****Россыпное золото – скопления на земной поверхности мелких обломков горных пород или минералов, образующихся за счёт разрушения коренных месторождений или коренных пород. [Там же, т. 2, с. 191].

которая открыла новое месторождение золота по р. Утиной (Угунья). Уже в 1930 г. на Среднекане работали около 100 человек, а на Утиной – около 60. В том же году посланная Главным геолого-разведочным управлением партия во главе с В.А. Цареградским обнаружила золотоносность жилы порфира* на р. Среднекане. Обручев составил научно обоснованный прогноз ценности главного Колымского золотоносного пояса. На перспективность золотоносного Колымского региона и ближайшие задачи его освоения Обручев обратил внимание не только в печати, но и в докладной записке в «Союззолото». Этот материал был созвучен практической идее Ю.А. Билибина о скорейшем создании на Колыме крупной геолого-разведочной базы [Рунквист, Бархатова, 1991, с. 74; Ширина, 2011, с. 24–25].

В 1929–1931 гг. Обручев и Ю.А. Билибин неоднократно направляли в директивные органы докладные записки о предположительных запасах на Колыме до 1000 т россыпного золота. По мнению геолога А.В. Альшевского, в отечественной геологической науке 1931-й год отмечен как год первого из величайших металлогенических прогнозов, известного как «золотой вексель» Ю.А. Билибина, видимо ставший основополагающим для организации треста «Дальстрой» [Пустовойт, 2010, с. 92]. Предварительный отчёт геолога Ю.А. Билибина о широких перспективах золотопромышленного развития Колымского района был представлен в Горно-энергетический отдел ВСНХ РСФСР 24 ноября 1929 г. [НА РС (Я). Ф. 525. Оп. 3. Д. 108. Л. 20].

Исследование гранита привело к выявлению не только золота, но и олова в песках рек, коренные месторождения в 1920-е гг. ещё не были обнаружены. Однако Сергей Владимирович уже тогда говорил о «новой большой оловоносной провинции, обогащающей Союз этим редким и столь необходимым металлом». На Верхоянском

хребте и Юкагирском плато были найдены жилы, содержащие цветные металлы: свинец, цинк, медь, с примесью серебра и золота [Обручев, 1933б, с. 171].

Из нерудных полезных ископаемых Сергей Владимирович обнаружил признаки угля в отложениях пермской** системы, имеющих развитие к северу от хребта Черского и на Юкагирском плоскогорье. Широкое распространение свит верхнего палеозоя и мезозоя*** свидетельствовало о серьёзных месторождениях угля. Перспективы в области угольной промышленности для бассейна Колымы представлялись благоприятными.

Кроме того, Обручев исследовал давно известное месторождение каменного угля, пластами до 9 м мощностью, на р. Зырянке в 70 км от Верхнеколымска. Угленосная свита протягивалась вдоль р. Колымы у подножия хребта Черского [Обручев, 1933б, с. 171].

Горный инженер К.Я. Пятковский в ходе геологических исследований по р. Берёзовке в Колымском районе в 1929 г. пришёл к заключению, что для жизни колымчан «существенное значение может иметь ископаемый уголь». Зырянский уголь по своей высокой теплотворной способности и низкому содержанию золы и серы вполне конкурировал с известным к тому времени сангарским углём на берегу р. Лены. К тому же зырянский уголь было удобно разрабатывать и перевозить по сплавным рекам, что до сих пор успешно осуществляется [НА РС (Я). Ф. 541. Оп. 1. Д. 700. Л. 44].

Обручевым были изучены на Колыме и Омолене вулканические туфы**** пригодные для производства цемента [Обручев, 1931, с. 58].

Вблизи Кысыл-Балыктаха на хребте Черского Сергей Владимирович изучал известное тунгусам месторождение слюды (мусковита). Из этой слюды были сделаны окна в старинной часовне в Оймяконе, сгоревшей в 1928 г. Одно слюдяное

*Порфир – общее наименование горных пород с фенокристаллами щелочного полевого шпата, кислого плагиоклаза, кварца, биотита и редко роговой обманки в основной массе [Геологический словарь, т. 2, с. 122].

**Пермский период – последний геологический период палеозойской эры, продолжительностью 45 млн лет. Ознаменовался проявлением мощной горообразовательной и вулканической деятельности [Там же, с. 83].

***Мезозой – вторая после докембрия эра геологической истории Земли продолжительностью 160–170 млн лет. Разделяется на три системы: триасовый, юрский и меловой [Там же, т. 1, с. 419].

****Вулканический туф – горная порода вулканического происхождения, образовавшаяся из твёрдых продуктов вулканических извержений: пепла, песка, лапиллей, обломков горных пород невулканического происхождения, впоследствии уплотнённых и сцементированных [Там же, т. 2, с. 328].

окно из этой часовни Обручев привёз в музей Геологического комитета в 1927 г.

Создание металлургического комбината было преждевременным из-за отсутствия серьёзных месторождений железа. Признаки железных руд имелись в свите песчаников и сланцев триасовой и юрской эпох на Верхоянском хребте и в бассейне р. Кюентя (левый приток Индигирки). В сланцах триаса на хребте Черского на Ольчане (приток Сюрюктяха, левого притока Индигирки) в юрской свите были найдены тонкие прослои глинистого железняка. Ввиду обширного развития триасовой свиты в районе находка сидеритов* является вполне возможной. Создание крупных металлургических предприятий на основе разведанных месторождений этого типа вызывало сомнения. Поэтому геолого-поисковые работы предполагалось направить в область основных изверженных пород, с которыми могли быть связаны месторождения магнетита** (минерал) (к тому периоду ещё не обнаруженные). Как видим, будущее Колымо-Индигирского края было тесно связано с развитием горной промышленности. В области металлических руд (особенно олова и полиметаллов***) планомерные поиски и разведки, по мнению Обручева, могли дать хороший результат [Обручев, 1933а, с. 154].

Интенсивная работа экспедиций Обручева принесла ценные результаты. Был изучен район, до того совершенно неизвестный. Исследователи составили карту горного региона с физико-географическим описанием и изучили геологическое строение [Катионов, 2013, с. 110].

В начале 1930-х гг. началась масштабная дискриминация представителей дореволюционной научной интеллигенции. На расширенном заседании научно-технического совета по вопросу о подготовке дальнейших работ АН СССР по изучению производительных сил Якутской АССР в 1934 г. представитель треста «Дальстрой» некий Михельс обрушился с несправедливыми нападениями на труды участников Якутской комплексной экспедиции. В частности, он утверждал следующее: «При практическом изучении материалов Академии наук приходится признать, что они не

отвечают своему назначению, никакой пользы не приносят. Полная отвлечённость от научных тем имеется в книгах С.В. Обручева. Нам нужно не накопление толстых томов по Якутии, а живой материал по её строительству» [НА РС (Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 89. Л. 5].

Подводя итоги, следует отметить, что в 1920-е гг. комплексное геологическое исследование Северо-Востока Якутии было связано с именем выдающегося геолога, имевшего классическое дореволюционное образование по этой специальности, яркого представителя династии геологов С.В. Обручева. Именно он заложил основы систематического геологического изучения необъятных просторов республики. Сергею Владимировичу пришлось впервые стирать последние «белые пятна» на нашей планете, дав детальное орографическое описание и картографирование хребтов Черского и Верхоянского, Юкагирского и Алазейского плоскогорий, тем самым развеивав многовековые заблуждения учёных. Благодаря неутомимому труду Обручева и его коллег удалось обнаружить богатейшие залежи золота, олова, свинца, серебра, цинка, угля и др., значительно обогатить минерально-сырьевые запасы региона. Поиск и разведка этих полезных ископаемых успешно осуществлялись в течение всего XX столетия, и поныне новое поколение геологов продолжает эту трудную и героическую деятельность. Для Якутии Сергей Владимирович является патриархом в сфере геологических изысканий. Имя Обручева давно следовало присвоить Институту геологии алмаза и благородных металлов ФИЦ РАН, также как имена выдающихся учёных и организаторов науки П.И. Мельникова и Н.В. Черского носят Институт мерзлотоведения и Институт горного дела Севера ФИЦ РАН. Недра Республики Саха (Якутия) хранят много тайн и ждут своих первооткрывателей, так как, по словам главы (Ил Дархана) республики Е.А. Борисова, они изучены на сегодняшний день всего лишь на 10%.

Литература

Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Т. 6. – М.: Сов. энцикл., 1971.

*Сидериты – общее название железных метеоритов [Геологический словарь, т. 2, с. 213].

**Магнетит (магнитный железняк) – минерал подкласса сложных оксидов, представляет собой железо-чёрные кристаллы. Магнетит – главная руда железа [Большой энциклопедический словарь, 1997, с. 671].

***Полиметаллы – термин, часто употребляемый для обозначения совместного присутствия свинца и цинка в рудах [Геологический словарь, т. 2, 1978, с. 110].

Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 1997. – 1456 с.

Геологический словарь. – 2-е изд.: в 2 т. / отв. ред. К.Н. Паффенгольц. – М.: Недра, 1978; Т. 1 (А–М). – 486 с.; Т. 2 (М–Я). – 447 с.

Катионов О.Н. Книга С.В. Обручева «В неизведанные края» как источник для изучения средств передвижения и транспорта на Северо-Востоке России в 20–30-е гг. XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – №1. – С. 92–94.

Михайлов Д.А. Обручевы. – СПб.: Ника, 2010.

Обручев С.В. Колымо-Индигоирский край. Географический и геологический очерк с предварительным отчётом о геодезических работах и картою, составленными К.А. Салищевым. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – 72 с.

Обручев С.В. Геология и полезные ископаемые Ленско-Янского района // Якутская АССР. – Вып. 2: Геоло-

гия и полезные ископаемые: сб. ст. / под ред. акад. В.А. Обручева. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933а. – 221 с.

Обручев С.В. Колымская земля. Два года скитаний. – М.: Сов. Азия, 1933б. – 174 с.

Обручев С.В. В неизведанные края. – М.: Терра, 1997. – 352 с.

Пустовойт Г.А. Геологические экспедиции и организация научных исследований на Северо-Востоке СССР (1931–1938 гг.) // Россия и АТР. – 2010. – №2. – С. 91–100.

Рунквист Д.В., Бархатова Н.Н. От Джунгарских ворот до побережья Берингова моря. К 100-летию со дня рождения С.В. Обручева // Вестник АН СССР. – 1991. – №1.

Ширина Д.А. Деятельность геоморфологического отряда Якутской академической комплексной экспедиции в контексте истории Колымского края. 1929–1930 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2. – С. 18–25.

E.P. Antonov

The contribution of S.V. Obruchev in the geological and geographical study of Yakutia

In this article we are talking about the results of two large-scale complex geological and geographical expeditions of 1926 and 1929 -1930 in the North-East of Yakutia headed by the outstanding scientist-geologist, a talented organizer of science S.V. Obruchev. Its historical role in the elimination of the last "white spots" on the map of the country reveals. We give the descriptions of the assessment and mapping of orographic ranges of Chersky and Verkhoyansk, Yukagir and Alazeya plateau, which allowed geographical science to debunk the age-old misconceptions of the academic world. The data on the study of the glaciers under his leadership. The contribution of the researcher in the search and exploration of the richest deposits of gold, lead, zinc, copper, coal and other minerals, greatly enriched mineral reserves of the Northern region. Practical recommendations developed by S.V. Obruchev, for the prospective development of the mining industry as an important part of national economy in the North-Eastern of Yakutia. Drawing a parallel with today, when on the initiative of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) E.A. Borisov is preparing the large-scale II complex expedition under the leadership of SB RAS for study of productive forces of the Republic.

Keywords: North East, geological studies, expeditions, miners, geomorphology, orography, geosyncline, platform, mountain ranges, plateau, Precambrian, Triassic, Permian, watershed, route surveying, zones of mineralization, ore deposits, minerals, gold, base metals, coal, hydrographic network, Dalstroy.

УДК 338.43.02(=1.571.56-81)"199/201"

Я.М. Санникова

К изучению регионального аспекта развития традиционного хозяйства народов Севера в контексте аграрной политики государства

В статье в постановочном плане рассматривается изучение проблемы развития традиционного хозяйства коренных народов Севера в условиях современных социально-экономических трансформаций. В обзорном порядке дана её историография, которая в целом в гуманитарных науках разрабатывается достаточно активно. В то же время специально комплексное изучение процесса развития традиционного хозяйства коренных

народов в контексте проведения аграрной политики Российского государства в условиях трансформационных процессов последних 20 лет на территории Якутии не проводилось. Проблема взаимодействия традиционных хозяйственных систем и современного индустриального общества рассматривается в отдельных трудах в постановочном плане и в виде локальных исследований, посвященных развитию традиционного образа жизни, хозяйственного уклада отдельных этносов в условиях рыночных отношений. В статье показаны общая логика проведения комплексного историко-социологического исследования и основные направления используемых методологических подходов. Приведен инструментарий качественного социологического исследования по представленной теме. Исследование направлено на изучение региональных особенностей жизни коренных народов, занимающихся традиционным хозяйством в новейший период, их настроений, социальных ориентиров, реального экономического положения и стратегий адаптационного развития.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, коренные народы, Арктика и Север, социально-экономические трансформации, развитие.

В рамках плановой научно-исследовательской работы ИГиИПМНС СО РАН сектором этносоциологии разрабатывается проект «Этносоциальное развитие народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды». Автор статьи задействован в работе над темой «Эволюция традиционного хозяйства народов Севера в контексте аграрной политики государства (1992–2012 гг.)» в виде комплексного историко-социологического исследования.

Проблема развития традиционного хозяйства коренных народов в условиях современного индустриального мира является одной из наиболее изучаемых в научном сообществе. Интерес к её отдельным темам имеет как теоретическое, так и практическое значение и по мере дальнейшего развития цивилизации будет возрастать, с одной стороны, как к основе традиционного образа жизни коренных народов, в целом сельской жизнедеятельности местных сообществ, а с другой – как к феномену, вынужденному каждый раз адаптироваться к политическим и экономическим вызовам современности. Предлагаемая проблема исследуется на примере 15 арктических и субарктических районов Якутии, которая является в территориальном и экономическом плане крупнейшим регионом, занимающим 1/5 часть территории России и 30% её северных территорий. Основа традиционного уклада жизни коренного населения Якутии – сельское хозяйство. Суровые природно-климатические условия и особенности культурно-исторического освоения региона предопределили развитие особой аграрной системы региона. В то же время Якутия – индустриальная республика с развитой добывающей промышленностью. В связи с этим научный интерес пред-

ставляет тема развития традиционного хозяйства коренного населения Севера Якутии: эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, северных якутов, русских старожилов – в условиях трансформационных процессов изучаемого периода.

Традиционный уклад, который является основным источником существования, смыслом жизнедеятельности и способом формирования культуры коренных народов, ведущих особый образ жизни, имеет во всем мире очень сложные взаимоотношения с доминирующим индустриальным обществом. В этом плане наиболее остро стоит проблема развития традиционного хозяйства, где повседневная жизнь людей есть реальное отражение современных процессов. Тревогу вызывает недостаточное внимание к понятию самоценности традиционных хозяйственных систем коренного населения. В этой связи актуализируется необходимость научного изучения трансформации традиционного образа жизни сельского населения Якутии на протяжении всего XX и начала XXI вв.

Историография проблемы исследования представлена достаточно широко. Рассматривается в целом в социальных науках в обобщающих работах, статьях, касающихся изучения социально-экономического развития страны, отдельных регионов, сельского хозяйства, традиционных отраслей хозяйства представителей малочисленных народов Севера. Здесь мы остановимся только на трудах, опубликованных в нашем регионе. Применительно к теме статьи необходимо выделить следующие исследования. Предварительные результаты аграрной реформы по всей РС (Я) в 1991–1995 гг. и состояние основных традиционных отраслей в данный период проанализированы в статье историка С.И. Ковлекова [1999, с. 76–110].

Хозяйство коренных народов на Севере Якутии в течение XX в. как самостоятельный культурно-исторический феномен рассмотрела Л.И. Винокурова. Здесь впервые был выдвинут аспект этнохозяйственной самореализации северных народов, хозяйственно-культурного сосуществования аборигенного хозяйства с экономикой динамичных современных технологий; поставлена проблема выживания и развития аборигенных этносов в модернизирующемся обществе в контексте этносоциального развития Якутии [Североведение в РС(Я), 2000, с. 14; Винокурова, 2000, с. 163–187]. В 2001 г. вышел сборник научных трудов Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, посвященный проблемам Крайнего Севера Якутии. В нем были отражены основные вопросы экономики, социальных и демографических проблем коренных малочисленных народов Якутии в условиях рыночных отношений. В статьях сделаны попытки раскрыть основные причины продолжающихся кризисных ситуаций в оленеводстве, рыболовстве и охотпромысловых отраслях, приводящих к ухудшению социальных проблем коренных народов, а также предложения по дальнейшему развитию [Проблемы Крайнего Севера..., 2001]. Коллективная монография сотрудников этого института, посвященная интеграции коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру в постановочном плане, рассматривает и вопросы интеграции традиционных отраслей хозяйства аборигенных народов Севера в экономику России [Интеграция..., 2003]. В целом проблемы развития коренных малочисленных народов Севера и в этом контексте последствия социальных изменений рассматриваются в трудах Ф.С. Донского [1999; 2002; 2004; 2006]. Становлению традиционного уклада жизни северных тунгусов, возрождению родовых общин эвенов Индигирки и Колымы посвящен историко-этнографический очерк по культуре выживания северных тунгусов М.Х. Белянской [2004]. Сборник научных статей центра арктических исследований Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) (ИГИ АН РС(Я)) посвящен современным проблемам изучения и развития Арктического региона и отражает практически все основные вопросы современного североведения [Современная Арктика..., 2005]. Исследователи в том числе рассматривают проблемы развития

традиционного хозяйства как в историческом, так и в этнографическом плане. В коллективной монографии сотрудников сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН представлены итоги научного исследования проблем и особенностей адаптации коренных малочисленных народов Севера Якутии в рыночных условиях, в контексте которых также рассматриваются вопросы развития традиционного хозяйствования [Баишева, Донской, Константинова и др., 2012].

В целом проблема развития самой системы традиционного хозяйства коренных народов Севера в гуманитарных науках разрабатывается достаточно активно. В то же время специально комплексное изучение процесса развития традиционного хозяйства коренных народов в контексте проведения аграрной политики Российского государства в условиях трансформации последних 20 лет на территории Якутии не проводилось. Проблема взаимодействия традиционных хозяйственных систем и современного индустриального общества рассматривается лишь в отдельных трудах, причем в постановочном плане и в виде локальных исследований, посвященных развитию традиционного образа жизни, хозяйственного уклада отдельных этносов в условиях рыночных отношений.

Тема проводимого исследования охватывает хронологические рамки с 1992 по 2012 г. – непосредственно постсоветский и современный трансформационные периоды развития российского общества в последние 20 лет; территориальные рамки – 15 арктических и северных районов Якутии (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Оленекский, Усть-Янский, Жиганский, Верхоянский, Момский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Бытантайский, Абыйский, Верхнеколымский, Среднеколымский). Целью исследования является изучение особенностей развития традиционного хозяйства коренных народов Якутии в контексте современной аграрной политики государства. В этой связи необходимо решить следующие задачи: показать региональные структуру и принципы управления сельским хозяйством; проанализировать проведение аграрной политики в арктических и северных улусах; рассмотреть вопросы природно-хозяйственного районирования региона и показать комплексный характер северного хозяйства; исследовать динамику развития традиционных отраслей хозяйства коренного насе-

ления; выявить теоретико-методологические подходы к изучению проблемы традиционного хозяйства и традиционного образа жизни коренных этносов в новейший период; показать феномен традиционного образа жизни и проанализировать стратегии адаптации традиционного хозяйства коренного населения в период трансформации российского общества; осветить использование природных ресурсов и рациональное ведение традиционного хозяйства; охарактеризовать вопросы взаимодействия социально-экономических интересов традиционного и промышленного природопользования.

Комплексный междисциплинарный характер исследования представленной темы предполагает раскрытие общей картины понимания явления эволюции традиционного хозяйства коренных народов арктических и субарктических (северных) территорий Якутии на фоне экономической политики в Российском государстве в последние 20 лет и динамики этносоциального развития представителей традиционного хозяйственного мира. Методологическую основу исследования составляют важнейшие научные принципы: объективность, историзм, всесторонность и т.д. Тема раскрывается с позиции трактовки событий и явлений как непрерывного многомерного процесса, обусловленного наличием различных типов цивилизаций в изучаемом регионе. Рассматриваются поставленные вопросы в хронологически-проблемном плане с использованием различных общенаучных и специальных методов исследования. Источниковую базу составляет широкий круг опубликованных и неопубликованных источников – анализ архивных документов и статистических данных, материалов периодической печати, официальных данных муниципального и республиканского уровней. Некоторые результаты исследования первого десятилетия изучаемого периода (1992–2002 гг.) опубликованы в ряде статей автора, в том числе в сборнике сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН [Якутия в условиях..., 2015].

Представленная тема включает в себя проведение качественного социологического исследования на основе экспертного интервью с представителями традиционного хозяйства и полевых экспедиционных материалов, которое должно стать одним из важных проводников знания о процессе развития традиционного хозяйства в условиях второго десятилетия (2002–2012 гг.).

Целью социологического исследования является изучение феномена традиционного хозяйственного образа жизни и стратегий адаптации традиционного хозяйства коренного населения Севера Якутии в период социально-экономической трансформации. В связи с этим предполагается решить следующие задачи: показать феномен традиционного хозяйственного образа жизни коренного населения; выявить стратегии адаптации в жизнедеятельности традиционных хозяйственных систем; разработать примерную типологию традиционного хозяйства коренных народов Севера в условиях современных социально-экономических трансформаций. Объект исследования – традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии, предмет – стратегии адаптационного развития традиционного хозяйства в условиях современных социально-экономических трансформаций. Также стоит подчеркнуть, что сельское население, для которого в целом основа хозяйственного обеспечения их повседневной жизнедеятельности является преимущественно традиционной и базируется на продукции традиционных отраслей и промыслов (оленоводство, скотоводство, табунное коневодство, рыболовство и охота), по данным переписи 2010 г., в изучаемых 15 улусах / районах население составляет 53392 чел., или 54,3% всего населения данных улусов. При этом сельское население изучаемых улусов / районов Якутии в динамике второго десятилетия (2002–2012 гг.) составляло 16,8–15,4% численности всего сельского населения республики и, несмотря на определенную динамику к снижению численности в середине десятилетия, не претерпело больших изменений, то есть в целом имеет место тенденция к продолжению сельского образа жизни. В этом плане научное внимание обращается к традиционному хозяйству одновременно и как к хозяйствующему субъекту экономической системы государства, и как к социальному феномену традиционного хозяйственного образа жизни коренных народов региона. Хотя здесь не приводится операционализация основных понятий, отметим, что автор в основном разделяет и синтезирует дефиниции и трактовки, анализируемые в трудах И.И. Крупника [1989], К.Б. Клокова, А.Н. Ямскова [2000], О.А. Мурашко [2011], А.М. Курышова [2012], П.В. Суляндзиги [2006].

Для проведения социологической части представленной темы исследования большое значение имеет методология двойной рефлексивности

и применение ее в исследованиях по рефлексивному крестьяноведению, иначе называемому рефлексивной социологией [Рефлексивное крестьяноведение..., 2002]. Для изучаемой проблемы также важно понимание предмета социологии хозяйственной жизни, предполагающей рассмотрение не только экономических явлений и процессов, функциональных и ролевых аспектов экономического действия, но и всего широкого круга проблем, связанных с социальными, социально-психологическими, культурными, религиозными, нравственными процессами, составляющими контекст хозяйственной деятельности, ее «жизненный мир». Хозяйственная культура, представляющая собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятия ее обществом, определяется характером и динамикой материального производства и в то же время сама определяет его [Зарубина, 2006]. Примером выполненного локального исследования является монография В.В. Мархинина, И.В. Удаловой, написанная по материалам социологического исследования и посвященная изучению состояния и тенденций развития образа жизни коренных народов Обского Севера: хантов, ненцев, манси, влияния на их традиционное хозяйство промышленного освоения, хода экономической реформы и ориентаций в сфере хозяйственно-экономической деятельности. Динамика образа жизни исследуется при использовании культурно-антропологического подхода, с акцентом на этническое самосознание и этнокультурные традиции [Мархинин, Удалова, 1993]. Также используются подходы и методы качественного социологического исследования, выработанные в трудах таких специалистов, как В.А. Ядов, В.В. Семенова*, И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон, В.И. Ильин, Ан. Страусс, Дж. Корбин, [Штейнберг, Шанин, Ковалев, Левинсон, 2009; Ильин, 2006; Страусс, Корбин, 2007].

Для проведения социологического исследования используются аналитический, сравнительный, статистический и социологический методы. Применяется глубинное полуструктурированное интервью среди представителей хозяйств изучаемых улусов / районов Республики Саха (Якутия),

входящих в территориальные рамки исследования. Методика разработана на основе использования опыта социологических методов в комплексном исследовании традиционного хозяйства Арктики, в частности во время полевых исследований 2000-х гг. Полуструктурированные интервью проводятся с учетом различного стажа хозяйственной деятельности; позиции в структуре хозяйства (руководители высшего и среднего звена, рядовой работник, глава общины или крестьянского хозяйства, владелец подсобного хозяйства); форм социально-хозяйственной организации сельского населения, которые выступают в качестве категорий хозяйств: родовые общины; сельскохозяйственные предприятия (в основном государственные или муниципальные предприятия); крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства (по возможности наиболее пропорциональное деление представителей по категориям хозяйств). В одном населенном пункте в зависимости от общего числа хозяйств опрашиваются не менее 10 хозяйств различной категории с учетом стажа и позиции представителей – потенциальных респондентов.

Примерная структура интервью состоит из следующих блоков:

- 1) социально-демографическая характеристика и история семьи респондента (возраст и семейное положение, история семьи в контексте занятия традиционными видами хозяйствования);
- 2) социально-экономическая характеристика хозяйства (специализация, специфика, ресурсы и экономическое состояние хозяйства, техническая оснащенность хозяйства, кормовая база, кадры, кадровый вопрос);
- 3) оценка хозяйства респондентом (проблемы в развитии хозяйства, вопросы социальной защищенности, вопросы рационального традиционного природопользования и взаимодействия с промышленным природопользованием, значение традиционного хозяйства для жизненного пути респондента и его семьи);
- 4) мнение респондента об аграрной политике государства (аграрная реформа 1990-х гг.; оценка и проблемы (предложения) проводимой современной аграрной политики).

Таким образом, в результате проведения как всего комплексного исследования в целом, так и его социологической части вводятся в научный

*Статью В.В. Семеновой «Качественные методы в социологии» см. в кн. В.А. Ядова [2001].

оборот материалы, позволяющие расширить объективную картину состояния традиционного хозяйства, логику управления данной сферой со стороны государства, что в некоторой степени позволяет изучать региональную особенность жизни коренных народов, занимающихся традиционным хозяйством в новейший период, их строения, социальные ориентиры, реальное экономическое положение и стратегии адаптационного развития.

Литература и источники

- Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера РС (Я). – Новосибирск, 2012. – 363 с.
- Белянская М.Х. Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Историко-этнографический очерк. – СПб., 2004. – 122 с.
- Винокурова Л.И. Аборигенные этносы РС (Я) в модернизирующемся обществе // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). – Новосибирск, 2000.
- Донской Ф.С. Проблемы обеспечения равноправия коренных малочисленных народов Севера и Арктики // Донской Феодосий Семенович: библиографический сборник. – Якутск, 1999.
- Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. – Т. 1. – Якутск, 2002. – 338 с.
- Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. – Т. 2. – Якутск, 2004. – 320 с.
- Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. – Т. 3. – Новосибирск: Наука, 2006. – 427 с.
- Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе: учеб. пособие по специальности «Социология». – М: Университетская книга; Логос, 2006.
- Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. – СПб.: Интерсоция, 2006. – 256 с.
- Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. – Якутск, 2003. – 393 с.
- Клоков К.Б. Для освоения Арктики нужен компромисс с интересами коренных народов [интервью от 19.07.2010]: РИА-новости. – Режим доступа: // http://www.rian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html
- Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996 гг.): проблемы коренных преобразований. – Якутск, 1999. – С. 76–110.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989.
- Курьшиов А.М. Традиционное хозяйство коренных народов как система // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 3.
- Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. – Новосибирск, 1993. – 206 с.
- Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. – 2011. – №3. – С. 90–105.
- Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения: сб. науч. ст. – Якутск: Северовед, 2001. – 176 с.
- Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. – М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. – 592 с.
- Североведение в РС(Я). – Якутск, 2000.
- Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. – Якутск, 2005. – 200 с.
- Страусс Ан., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. Т.С. Васильевой. – М.: КомКнига, 2007. – 256 с.
- Суляндзига П.В. Инструменты сохранения и развития традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера России: региональный аспект: автореф. дис.... канд. экон. наук. – Новосибирск, 2006.
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е. Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. – СПб.: Алетейя, 2009. – 352 с.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности – М.: Добросвет, 2001. – 596 с.
- Якутия в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды: этносоциологические исследования: сб. науч. ст. – Вып. 1. / В.Б. Игнатьева, Е.Г. Маклашова, А.Г. Томаска, Я.М. Санникова, П.М. Егоров, Н.Д. Федотова. – Якутск, 2015. – 140 с.
- Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь / ред.: Н.И. Новикова, В.А. Тишков. – М.: Изд. дом «Стратегия», 2000. – С. 172–185.

Ya.M. Sannikova

**To study the regional dimension of the
traditional economy of Northern Peoples
in the context of the agrarian policy of the state**

In this article in the staging plan is considered to study the problem of the development of traditional economy of indigenous peoples of the North region in conditions of modern socio-economic transformations. In the overview order was given historiography studied problem, which is generally in the Humanities is being developed actively. At the same time, specifically a comprehensive study of the process of development of traditional economy of indigenous peoples in the context of the agrarian policy of the Russian state in conditions of transformational processes of the last 20 years on the territory of Yakutia was conducted. The problem of interaction of traditional economic systems and modern industrial society is discussed in a separate papers in the staging plan and in the form of local studies of the development of the traditional lifestyle, economic structure of individual ethnic groups in the conditions of market relations. The article shows the general logic of the comprehensive historical-sociological research and main direction of the methodological approaches. An instrument of qualitative sociological research on the topic presented. The study aims to investigate regional characteristics of indigenous peoples, engaged in traditional agriculture in the modern period, their attitude, social guidelines, the real economic situation and adaptation strategies development.

Keywords: traditional agriculture, indigenous peoples, the Arctic and the North, the socio-economic transformation and development.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Память выдвинулась в центр истории...

Пьер Нора

Вашему вниманию предлагаются статьи, подготовленные сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках проекта «Республика Саха (Якутия): места памяти и многообразие идентичностей в истории и современности» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Междисциплинарный проект, объединяющий ученых-исследователей разных областей гуманитарной науки: этносоциологии, археологии, этнографии народов Северо-Востока России, истории Якутии, грамматики и диалектологии якутского языка, литературоведения, нацелен на изучение ключевых тем memory studies применительно к материалам Республики Саха (Якутия) как «места / территории памяти» в исторической динамике.

В фокусе новых научных исследований – репрезентация «мест памяти» как объектов исторической и культурной памяти; символа идентичности и особых текстов культуры; персональных и коллективных нарративов; каналов трансляции индивидуальной и общественной памяти; анализ различных форматов и статусов исторической памяти: приватной и публичной; официальной и оппозиционной; неформальной и ритуализованной; нормативной и репрессированной; молчащей и артикулированной, – в контексте ее социальной циркуляции как ресурса индивидуальной / групповой идентичности, культурной памяти и воспроизводства традиций. Ниже публикуются пять статей, освещающих часть указанных проблем.

УДК 316:347.783.55(571.56)

В.Б. Игнатьева

Чурапча на девяти холмах: топография и нарративы коллективной памяти

Статья посвящена современным формам и практикам конструирования мемориального пространства на уровне локальных / местных сообществ Республики Саха (Якутия). На основе эмпирических материалов, собранных во время полевых исследований в Чурапчинском улусе (сентябрь 2016 г.), автор анализирует многообразие мест памяти и исторических нарративов, тесно связанных общими представлениями и воспоминаниями о прошлом; каналы трансляции социальной и исторической памяти: топографические точки, имеющие символический контекст; меморативные монументы и комплексы. Особо выделена тема насильственного пе-

© В.Б. Игнатьева, 2016

реселения жителей Чурапчинского улуса в заполярные районы Якутии в годы Великой Отечественной войны (1942–1944 гг.), отношение к которому в настоящее время образует форму травматической памяти членов современного социума.

Ключевые слова: место памяти, топография социального пространства, социальная история, коллективная память, травматическая память, меморативные практики.

Чурапча (якут. *Чурапчы*) – историческое поселение якутов Ботурусского улуса (1860), функционировавшее как почтовая станция Охотского тракта, связывавшего Якутию с Северо-Востоком Азии, побережьем Тихого океана и Северной Америкой [Сафронов, 1958; 1978; 1988]; с 1930 г. – административный центр Чурапчинского улуса.

Село расположено на берегу одноименного озера, окруженного холмами (якут. *томтор*) и остепненными лугами с многочисленными озерами (якут. *алаас*). В исторических преданиях ботурусских якутов озеро Чурапчы также связывается с микротопонимами «Лэбэн Табы», «Ус могойдоох» (якут. «с тремя змеями»), «Сэттэ бэдэрдээх» (якут. «с семью рысьями»). Этимология ойконима «чурапчы» связывается с эвенкийским словом «чирпичу» – «вонючий», «грязный», а также с якутским «чарапчы» – «навес, козырек от солнца» [Иванов, 1985, с.126]. Местность болотистая и пыльная, что передается через стереотипную поговорку: «Чурапча, словно окутанная пыльным облаком» («былыт быллаах Чурапчы»). Такие особенности рельефа местности, как холмы-томторы, отражены в гербе – геральдическом символе Чурапчинского улуса, в виде девяти полукруглых полос орнамента, репрезентирующих центр улуса как колыбель чурапчинцев, раскинувшуюся на девяти холмах.

Динамика численности населения Чурапчинского улуса и села Чурапча в 1939–2016 гг.

Годы	Численность населения улуса, чел.	Численность жителей с. Чурапча, чел.	В % к числу жителей улуса
2016	20718	9611	46,4
2010	20387	8769	43,0
2002	19466	7526	38,7
1989	18380	6232	33,9
1979	16106	5210	32,3
1970	16139	4557	28,2
1959	13317	2826	21,2
1939	16964	1657	9,8

Как видно из таблицы, межпоселенные миграции, начавшиеся в советский период, усилились в постсоветское время. Особенно выделяется концентрация населения в улусном центре, сегодня здесь проживает почти половина жителей Чурапчинского улуса. Понятно, что в результате одновекторной миграции кардинально изменилась схема расселения населения с. Чурапча.

Места памяти в пространстве сельского поселения являют собой сложный конгломерат ландшафта, истории и идентичности, окруженный символической аурой. Согласно концепции Пьера Нора, доминантным местом, «на котором складывается память», предстает символ Чурапчи – 9 холмов-томторов, облеченных смыслом связанных с ними общих представлений и фрагментов истории.

Центром чурапчинской системы холмов является один из первых обжитых в местности холм «Салгылыыр тумус» (*проветриваемый выступ*), именуемый в разное время как «Могойдоох томтор» («холм со змеями»), «Танара дьиэтин томторо» («холм с церковью»), «Музей томторо» («холм музея») «Саанка томторо» («холм Саньки»). В различных наименованиях этого холма сохраняются «воспоминания» о прошлой истории поселения: первый ойконим восходит к легендарным временам; второй – указывает на христианизацию края (*первая церковь была построена в 1848 г., вторая, расположенная рядом с первой, – в 1899 г., позднее она была разрушена комсомольцами*); третий – свидетельствует о советской эпохе (*до передачи здания историко-этнографическому музею в нем также размещались клуб, народный суд, склад, детский сад, прокуратура*); и, наконец, последний – воссоздает «утраченное» лицо Чурапчи, воскресив память села о первом священнике Александре.

В указанном контексте также интерпретируется множественность наименований других холмов [Чурапчы томтордору, 2009; Чурапчы нэһилиэгэ, 2012, с.18–23; Тойон туһулга, 2015].

«Оскуола томторо» («школьный холм»), именовавшийся «Маннайгы бэдэрдээх тумул» («первый мыс с рысью»), ассоциируется с начальным

училищем, открытым при Вознесенской церкви в 1872 г. и с 1917 г. функционировавшим как высшее начальное училище, в советское время – как неполная средняя школа.

Холм «Бырааба томторо» (*холм инородной управы*) известен под такими историческими названиями: «Иккис бэдэрдээх тумул» (*«второй мыс с рысью»*), «Ыныр булгуннях» (*«седловидный курган»*), «Бырааба тумула» (*«мыс управы»*), «Военкомат томторо» (*«холм военного комиссариата»*).

«Балыһа томторо» (*холм больницы*) назван в честь первого дипломированного врача-якута П.Н. Сокольников, усилиями которого в 1900 г. в Чурапче была построена первая больница в Ботурусском улусе. В советское время холм был застроен административными зданиями и именовался «Райсовет томторо» (*«холм райсовета»*).

«Аттакылар дэриэбилэнэрэ» (*скопческое селение*) отсылает к истории скопчества в России, когда с 1860 г. местом их ссылки становится Якутская область до их массового выезда в 1905 г. в Канаду [Сафронов, 1961; Башарин, 1989]. В советское время именовался «ДЭС томторо» (*холм дизельной электростанции*).

«Почта томторо» (*«холм почты»*) знаменует открытие в 1908 г. в доме священника Ивана первого телеграфа. Впоследствии имел разные названия – «МТС томторо» (*«холм машинно-тракторной станции»*); «Редакция (типография) томторо» (*«холм редакции»*): здесь находилась типография, где выпускали районную газету «Сэссэ-сиилимэ суола» (*«Путь социализма»*).

«Луохтуур кыһын унуога» (*«могила дочери доктора»*). Название этой возвышенности напоминает о трагедии в семье П.Н. Сокольников – кончине его малолетней дочери в результате несчастного случая, которую он похоронил на этом холме. С 1922 г. стал называться «Братской могилой» в память о 17 жертвах «чурапчинской колодушки» в годы гражданской войны в Якутии.

«Сага дэриэбинэ» (*«новая деревня»*) до 1930-х гг. XX в. называлась «Уллэр Елексей томторо» (*«холм Уллэр Алексея»*), позже – «Сага дэриэбинэ», «Училище / интернат томторо» (*«холм педагогического училища / школы-интерната»*); «Мурун тыымпыйа» в советское время именовался «Промкомбинат томторо» (*«холм промкомбината»*).

В действительности, кроме канонизированных 9 холмов, отмеченных «мэнэ-таас» (*камни с мемориальными плитами, на которых выбиты название холма и связанные с ними знаменатель-*

ные события), существуют и другие возвышенности, названия которых сегодня мало артикулируются, либо навсегда утрачены. Отметим, что, в отличие от ойконимов почитаемых холмов, названия низменностей не менялись во времени. Это микротопонимы таких физико-географических объектов, как окружающие оз. Чурапчы выступы (*тумусы*) – Салгылыыр тумус, Ыллыыр (Ырыа) тумус, Курюе тумус, Тойон тумус, Кюех (Чапча) тумус, Кэриэс тумус, Махсыка тумса, а также алаасы, многие из которых исчезли с карты в процессе расширения села: Көмөрдөөх, Өтөхтөөх, Сэтээтэл Хонуута, Куоҕалы, три алааса Моҕойдоох: Мээсэ алааһа, Митээски алааһа, Күөрэгэй; Нидьили, Садьыма, Харыылаах, Тумуһахтаах, Абаҕа алааһа, Аттакы, Липпэлээх, Аана алааһа [Чурапчинский улус..., 2005, с. 398–399].

Уникальное пространство с. Чурапча дает много возможностей для трансляции «памяти территории», на которой поселение существует. Топографию коллективной памяти образует пространство монументальной архитектуры, скрепляющее природные и искусственные объекты, элементы прошлой истории и современности.

Так, на холме «Оскуола томторо» возведен обелиск в честь 50-летия Октябрьской революции (1967); на «Бырааба томторо» – памятник к 30-летию Великой победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (1975); «Луохтуур кыһын унуога» – «Братская могила 40 борцов за власть Советов, павших в 1922 г. в борьбе с белобандитами». В Чурапче также были установлены бюсты героя гражданской войны Е.И. Курашова (1961), участника революционного движения в России Н.Л. Мещерякова (1967) и др. Отметим, что последний бюст из железобетона работы скульптора М.М. Павлова сегодня относится к утраченным объектам культурного наследия [Об итогах деятельности...]. Это материализованные символы общественной памяти, подразумевающей доминирование ценностей и нарративов советской эпохи, сопряженных с определенной ностальгией и сентиментальностью старшего поколения жителей улусного центра.

В отличие от них, современные меморативные монументы демонстрируют акцентуацию мифологии и легендарной истории ботурусских якутов. Это – скульптурная композиция «Боотур Уус», возведенная в честь 375-летия основания Ботурусского улуса; культурно-этнографический

комплекс «Маҕаайы алааһа», апеллирующий к якутскому героическому эпосу – олонхо, занесенному в Список шедевров устного нематериального культурного наследия человечества (2005). Такие памятники и архитектурные сооружения предстают как символический ресурс, артикулирующий идею героического прошлого, особую связь с родной землей, самобытность своей культуры, приверженность к которым испытывает молодое поколение чурапчинцев.

Вместе с тем в социальном пространстве сельского поселения особое место занимает территория памяти – мемориал «Курган поклонения» с величественным памятником скорбящей матери с сыном, сооруженный к 60-летию «Чурапчинской трагедии» рядом с «Саанкы томторо». Это событие известно как трудовая мобилизация жителей улуса в три северных улуса Якутии согласно постановлением ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» и бюро Якутского обкома ВКП(б) от 11 августа 1942 г. «О мероприятиях по колхозам Чурапчинского района». В результате принудительного переселения в Булунский (10 колхозов), Жиганский (12), Кобяйский (18) улусы, предпринятого с целью спасения населения от голода ввиду засухи и улучшения снабжения фронта рыбной продукцией, вследствие тяжелых условий быта и труда, постоянного недоедания произошла массовая гибель людей, в основном детей и стариков. О масштабах катастрофы свидетельствует тот факт, что довоенной численности населения (16964 чел.) удалось достичь только в 1985 г. [Насильственное переселение..., 2005; Трагедия Чурапчи..., 1993].

Материалы полевых работ убеждают автора в том, что ощущение переселения до сих пор является характерным для местного сообщества независимо от пола и возраста его членов, даже если они никогда не меняли своего места жительства. Отношение людей к факту принудительного переселения можно определить как форму посттравматической памяти, объединяющей представителей всех поколений. Коллективная мемориальная практика, кроме церемонии поминовения памяти земляков и деятельности «Общества чурапчинских переселенцев», включает создание и презентацию документальных текстов, музеографических проектов, перформансов; экскурсии в музей «Кеһеруллуу» («Переселение», переименованный музей «Комсомол албан аата» (досл.: «слава Ком-

сомола») учащихся школ Чурапчинского улуса; встречи с жертвами переселения и др.

Таким образом, тесная «привязка» природных ландшафтов, событий социальной истории и культурных традиций проецируется на траектории конструирования индивидуальной / групповой идентичности, обусловленные соответствующими социальными и культурными контекстами. В данном аспекте рельефно проявляется то, что Хоми Бхабха (Homi Bhabha) определяет как нарративный характер идентичности [Nation and Narration, 1990], в данном случае – многоголосное повествование как доминирующий дискурс, формирующий групповую идентичность членов чурапчинского социума.

В заключение отметим, что в своем историческом развитии Чурапча предстает как село-палимпсест, в социальном пространстве которого важное значение имеет феномен имянаречения мест памяти, в частности, топографических ориентиров, сопровождаемый жестом апроприации – стирания / забвения их названия, записывания поверх того, что было стерто. Таким образом, вопрос о месте, роли и ресурсах памяти и идентичности приобретает фундаментальный характер для сохранения и развития преемственной связи внутри самого локального сообщества. В силу их глубокой взаимосвязи трансформация «сценариев памяти» может войти в конфликт с индивидуальной / коллективной самоидентификацией, и, наоборот, кризис идентичности может повлечь за собой потерю исторических образов, традиций и нарративов, объединяющих сегодня членов группы.

Литература

Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). – Т.1. – Якутск 1989.

Иванов М.С.- Багдарыын Сулбэ. Топонимика Якутии. – Якутск, 1985.

Насильственное переселение населения Чурапчинского района: история и современность. – Нерюнгри, 2005.

Об итогах деятельности Департамента по вопросам культурного наследия и взаимодействия с муниципальными образованиями Министерства культуры и духовного развития РС(Я) в сфере сохранения, использования, популяризации и охраны объектов культурного наследия за 2013 г. и первую половину 2014 г. // Текущий архив МКиДР РС(Я).

Сафронов Ф.Г. Охотско-Камчатский край. – Якутск, 1958.

Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII–XX вв.). – Якутск, 1961.

Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1978.

Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. – Хабаровск, 1988.

Тойон түһүлгэ. Олонхо ыһыаҕа. – Якутск, 2015.

Трагедия Чурапчи: статьи, документы, воспоминания. – Якутск, 1993.

Чурапчинский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2005.

Чурапчы нэһилиэгэ / Чурапчинский наслег. – Якутск, 2012.

Чурапчы томтордоро. – Чурапчы, 2009.

Nation and Narration. – Routledge, 1990.

V.B. Ignatyeva

Churapcha on nine hills: the topography and narratives of collective memory

The article is devoted to the modern forms and practices of constructing memorial space at the level of local communities in the Sakha Republic (Yakutia). On the basis of empirical material collected during field research in Churapcha ulus in September, 2016, the author analyzes the wide variety of places of memory and historical narratives closely connected by common beliefs and memories of the past; channels of broadcasting social and historical memory: topographical points having a symbolic context; memorative monuments and complexes. Special emphasis is put on the subject of forced resettlement of Churapcha ulus residents into the polar regions of Yakutia during the Great Patriotic War in 1942-1944, the relationship to which at the present time forms traumatic memory for the members of modern society.

Keywords: the place for memory, the topography of the social space, social history, collective memory, traumatic memory, commemorative practices.

УДК 316.001.361(–053.81) (571.56–15)

A.G. Томаска

Место памяти и идентичность молодежи Мирнинского района Республики Саха (Якутия)

Предметом обсуждения являются места памяти, формирующие идентичности молодежи в региональных и локальных сообществах, создающие образы будущего региона. Описываются некоторые отдельные особенности региона: промышленное развитие, социально-демографические характеристики. Приводится функциональный анализ места памяти – карьера «Мир», признанного локальным сообществом алмазодобывающего региона. Автор приходит к предположению о возникновении проблем в преемственности поколений. Однако разрыв поколений в данном случае характеризует социальную детерминированность, избирательный характер памяти и особенности социально-политического и социокультурного пространства. Это явление «символично по определению, поскольку, благодаря событию или опыту, пережитому небольшим числом лиц, оно характеризует большинство, которое в нем не участвовало».

Ключевые слова: иерархия идентичностей, социальная идентичность, места памяти, молодежь, социализация, ценности общества, социальные рамки памяти.

В последнее время российское общество характеризуется культурным разнообразием, социальной и идеологической поляризацией общества, изменениями демографической и миграционной структуры, сменой социальных стереотипов, возникновением новых ориентиров и системы ценностей. Формирование иерархии

идентичности молодежи происходит в условиях реформ, конфликтов, модернизации; трансформации социокультурного пространства, социальных институтов, общественных отношений, культурных стандартов и стереотипов, моделей социализации, механизмов передачи ценностей общества.

© А.Г. Томаска, 2016

Обсуждение проблемы формирования идентичностей подрастающего поколения является одной из важных задач социокультурного анализа современной социологической реальности. Несмотря на обилие теоретических и эмпирических трудов, исследование феномена идентичности, являющей собой иерархическую пирамиду норм и ценностей, до сих пор является одной из не решенных теоретически многозначных проблем. По мнению П. Нора, «современные общества находятся во власти идентичностей», и более того, он считает, что «идентичность» и «память» тождественны [Филиппова, 2011, с. 80].

П. Нора утверждает, что сегодняшний «взрыв идентичностей» обусловлен «взломом того, что было для нас образом самой памяти», и «возлагает на каждого обязанность помнить себя, и превращает обнаружение принадлежности в принцип и секрет идентичности» [Нора, 1999, с. 34]. Французский социолог М. Хальбвакс еще в 1950 г. писал о роли коллективной, социальной памяти в последовательности поколений: *«Когда некий период перестает интересоваться последующий период, то мы имеем дело не с одной группой, забывающей часть своего прошлого, а, на самом деле, с двумя группами, сменяющими друг друга»* [Хальбвакс, 2005, с. 11].

Объясняя социальные рамки памяти (социальную детерминированность и избирательный характер памяти) влиянием общества, он пишет: *«Люди, которым память требовалась бы только для освещения их непосредственного действия, для которых не существовало бы чистое и простое удовольствие припоминать прошлое, – потому что в их глазах это прошлое рисуется теми же красками, что и настоящее, или же просто потому, что они к этому неспособны, – никоим образом не ощущали бы непрерывности общественного бытия. Потому общество обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять с тем, чтобы мы, оставаясь убежденными в точности своих воспоминаний, приписывали им обаяние, каким не обладала реальность»* [Хальбвакс, 2007, с. 151].

В указанном контексте вопросы становления идентичности молодежи – инновационного потенциала общества – являются одними из актуальных, особенно аспекты индивидуальной и коллективной памяти, проецирующиеся на фор-

мирование образов будущего. Этой теме был посвящен социологический опрос, проведенный в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в июне 2016 г. Исследовательские интервью проводились в с. Арылах и г. Мирный по выборке согласных, отобранных методом квот, по демографическим показателям.

Выбор данного района в качестве точки пилотного исследования обусловлен его особенностями. Это – центр алмазодобывающей промышленности, один из главных бюджетообразующих регионов РС (Я); город Мирный – «алмазная столица России», наряду с Москвой, является штаб-квартирой акционерной компании АЛРОСА – российской группы алмазодобывающих компаний, занимающейся разведкой месторождений, добычей, обработкой и продажей алмазного сырья.

По численности населения Мирнинский район занимает третье место после гг. Якутска (325,2 тыс. чел) и Нерюнгри с подчиненными территориями (77,1 тыс. чел.) [Демографический ежегодник..., 2015, с. 17–19]. По данным Госкомстата РС (Я), здесь проживает 70,9 тыс. чел. Район характеризуется высоким уровнем внешней миграции, что связано с вахтовым методом добычи алмазов. Понятно, что трудовая миграция существенно влияет на схему расселения, численность городских и сельских жителей, а также этнический и социально-демографический состав населения района. Городское население Мирнинского района составляет 68,4 тыс. чел. (моложе трудоспособного возраста – 23,4%, в трудоспособном – 69,7%, старше трудоспособного – 6,9%); сельское – 2,5 тыс. чел. (моложе трудоспособного возраста – 26,4%, в трудоспособном – 64,5%, старше трудоспособного – 9%). По данным ВПН-2002, в этноструктуре населения доминируют русские – 67,5%, за которыми следуют украинцы – 9,8%, якуты – 7,6%, татары – 6,5%, буряты – 1,3%, остальные – другие национальности. Уровень профессионального образования мигрантов довольно высок: 28,4% мигрантов в 2015 г. имели высшее профессиональное образование, 33,7% – среднее профессиональное. Коэффициент заключаемых браков по району, начиная с 2000-х гг., в целом соответствует среднереспубликанским показателям, однако коэффициент разводов почти в два раза превышает аналогичные показатели по районам республики.

Таким образом, для подрастающего поколения Мирнинского района имеются весьма специфиче-

ские «социальные рамки» для воспроизведения локальных «прежних событий своей жизни», обладающих «функциональным доменом». Это места памяти, связанные с непередаваемым опытом старожилов и ветеранов или, наоборот, зафиксированные в памятниках, письменных источниках, документах, архивах и др. Какие локальные места памяти являются для молодежи Мирнинского района доминирующими, связанными с авторитетами, а какие «доминируемыми» местами, которые выбраны «живым сердцем памяти»?

Любой источник информации, путеводитель, историческая справка о Мирнинском районе начинается с карьера «Мир» – символа истории становления алмазной промышленности и пионеров алмазодобычи, расположенного в черте современного города Мирный (см. рисунок). Напомним, что «13-го июня 1955 г. геологическая партия открыла алмазодобывающую трубку, которая впоследствии оказалась с самым богатым содержанием алмазов. Именно тогда геологи отправили облетевшую впоследствии весь мир телеграмму: "Закурили трубку мира, табак хороший..."» [Памятник и памятные места..., 2010, с. 5].

Трубка на поверхности имеет форму неправильного овала. Верхний максимальный диаметр составляет 1200 м, нижний минимальный диаметр – 160 м. Глубина отработки – 525 м, хотя разведанная глубина залегания рудного тела – 1235 м. По спиралевидной дороге грузовым машинам приходилось преодолевать 7,7 км. Объем отгруженной горной массы с начала разработки – 168,7 млн. куб. м. За 44 года работы в карьере здесь добыто алмазов на \$17,5 млрд. Это один из искусственных объектов на земле, созданный руками человека, которые видны из космоса.

Действовавшая с 1956 г. трубка «Мир» была официально закрыта в мае 2001 г. Тогда же на «борту» карьера открыли Мемориал горной техники. Сейчас карьер «Мир» является достопримечательностью города, главным местом памяти его жителей.

Как показали результаты пилотных интервью, карьер «Мир» имеет различный «функцио-

Фото с сайта <http://udivitelno.com/mesta/item/172-trubka-mir>

нальный домен» для представителей разных поколений и этнических групп. Для городского старшего поколения, особенно группы старше 50 лет, он является преимущественно «доминируемым» местом, которое выбрано «живым сердцем памяти». Карьер у городского старшего поколения (его составляет преимущественно пришлое тогда население: русские, татары, украинцы) «является концентрированным призывом к воспоминанию» о молодости, трудностях становления алмазодобывающей промышленности и о радостях достижений и побед: *«мы были молодые, очень тяжело было, природа суровая, страшный холод, неустроенный быт, думали, перетерпим, заработаем и уедем, а остались навсегда; какие у нас были руководители – самоотверженные, мудрейшие, работу знали от и до..., большие профессионалы – сейчас таких нет!; хороший мы город построили»* [ПИМА, 2016].

Для взрослого сельского населения (якуты, эвенки) карьер «Мир» является преимущественно призывом «горьких воспоминаний»: *«Мы до появления этой трубки жили очень хорошо, богато, сытно, было много охоты, рыбалки, оленей. Когда все залили водой, мы лишились дома и крова, не хватало денег, продуктов (не голодали, конечно, но...), нам пришлось сильно потесниться»* [Там же].

А для молодежи и городского, и сельского населения в возрасте 14–29 лет это место символизирует «память-долг» – авторитет старшего поколения, живую память, исчезающую вместе с теми, кто это пережил. Вместе с тем экологические последствия «большой дыры» вызывают негативные коннотации: это – яма, место-колония,

где уничтожается живая природа в угоду центральной власти, олицетворение морали современной жизни (*все можно продать за деньги*). Показательно, что около 90% молодых респондентов планируют поменять место жительства при первой возможности. Есть определенное число респондентов, инвестирующих средства в недвижимость в других регионах РФ и СНГ, Европы и Юго-Восточной Азии.

Таким образом, формирование идентичностей молодежи в контексте социальных рамок памяти, региональных и локальных сообществ памяти обеспечивает историческую связь с Отечеством, малой родиной и поднимает массу вопросов в аспекте преемственности поколений. «Событие или опыт, пережитый небольшим числом лиц, характеризует большинство, которое в нем не участвовало» [Нора, 1999, с. 40]. Разрыв поколений в данном случае характеризует социальную детерминированность, избирательный характер памяти и особенности социально-политического и социокультурного пространства.

Литература

- Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2015. – 260 с.
- Миграция населения Республики Саха (Якутия): стат. сб.: в 2 т. – Т. 2. Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2016. – 68 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
- Памятники и памятные места города Мирного: библиографический справочник. – Мирный: ЦГБ, 2010. – 52 с., фотоилл.
- ПМА, 2016 – Полевые материалы автора, июнь, 2016 г.
- Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей: беседа с действительным членом Французской академии историком Пьером Нора // Этнографическое обозрение. – 2011. – №4. – С. 75–84.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.

А.Г. Томаска

Place of memory and identity of the youth of the Mirny District of the Sakha Republic (Yakutia)

The subject of discussion is the question of formation of youth identity in regional and local communities in light of memory forming the future image of the region. It describes some of the individual characteristics of the region: industrial development, socio-demographic characteristics. A functional analysis of the memory place of the Mir mine, as recognized by the local community of the main diamond-mining region Mirny, is carried out. The author identified conceptions of memory places differing between generations. However, the generation gap in this case is characterized by social determinism, the selective nature of memory and features of the socio-political and socio-cultural space, "... but it is also symbolic, since it characterizes, by referring to events or experiences shared by a small minority, a larger group that may not have participated in them".

Keywords: the hierarchy of identities, social identity, memory space, youth, socialization, values of society, the social framework of memory.

УДК 821. 512. 157

Л.Н. Романова

«Воспоминания» А.Я. Уваровского как место памяти

В статье представлена практика изучения якутской художественной литературы как хранилища многообразных мест памяти. В литературе, которая имеет символическую природу, способна отражаться коммеморация не только автора сочинения как носителя памяти, но и народа, общества. В художественном произведении, на-

ряду с самоидентификацией автора, формируется и идентичность народа, стремящаяся закрепить в своем сознании память о прошлом. Исследуется образование и функционирование «мест памяти» на примере первого письменного литературного памятника на якутском языке А.Я. Уваровского. На основе разработанной Пьером Нора концепции «места памяти» («*Lieux de memoire*») исследуется текст «Воспоминаний» с точки зрения их значимости в истории и самосознании народа саха. Особое внимание уделено соотношению истории и памяти в повествовательной структуре произведения. Воспоминания о своей жизни, личных переживаниях Уваровского сопряжены с историей Якутии первой половины XIX в., которые не даются в исторической конкретике, а явлены как важные вехи жизни самого автора. Через личное проступает широкий исторический контекст, представляющий быт, нравы, культуру, исторические события, повседневность, гео- и социополитические особенности изображаемого времени.

Ключевые слова: места памяти, память и история, мемуарный жанр, письменный памятник, якутская литература.

Концепция «мест памяти», предложенная в начале XX в. Морисом Хальбваксом (1925) и продолженная в 80-е гг. Пьером Нора, является одной из актуальных и востребованных среди исследователей как инструмент верификации влияния памятных мест на историческую память того или иного народа.

Для Пьера Нора память – это лично пережитый опыт; живая память, открытая диалектике воспоминания и забывания и существующая в настоящем. По его глубокому убеждению: *«Место памяти – это любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по воле человека или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного общества. Место памяти должно иметь не только материальное, символическое и функциональное значение, но и обладать особой символической аурой»* [Нора, 1999, с.17].

Художественная литература по своей символической природе нередко выступает в качестве места памяти, являя миру репрезентацию и восприятие прошлого в авторской интерпретации. Согласно Нора, *«память на самом деле всегда знала только две формы легитимизации: историческую и литературную»* [Там же, с. 50]. Иными словами, литература становится тем особым хранилищем, «убежищем» памяти, где происходит встреча памяти с историей.

В литературной системе с точки зрения концепции мест памяти особое место занимает мемуарная литература. П. Нора считает, что автор мемуарного произведения сам становится «местом памяти», который спасает от забвения все то, что достойно с его личной точки зрения сохранения в коллективной истории. В указанном контексте якутская литература не столь богата такими ме-

стами памяти, но они есть и увековечены в литературной истории и в историографии в целом. К таким произведениям может быть отнесен в первую очередь первый письменный литературный памятник на якутском языке – «Воспоминания» Афанасия Яковлевича Уваровского (1848 г.) [Воспоминания Уваровского, 1990].

Что дает нам основание поставить это произведение в ряд значительных памятных страниц якутской истории?

Во-первых, в сознании народа саха это сочинение символизирует зарождение собственной письменности и литературы, свидетельствующих о том, что человеческое сообщество достигло цивилизованного уровня хранения и передачи информации (в том числе и памяти) в форме, неподвластной искажениям, в отличие от устной речи.

Во-вторых, «Воспоминания» – произведение не только литературного, но и исторического плана, раскрывающее широкую панораму социальной и национальной жизни Якутского края первой половины XIX в. Здесь представлены достаточно полные для подобного жанра сведения: это геополитическое и социально-экономическое положение края, его природные и климатические условия; национальный состав населения; быт, обычаи и нравы; повседневная жизнь и взаимоотношения народов, населяющих Якутию, и др.

В-третьих, как произведение, имеющее литературные жанровые признаки, в котором органично сочетаются элементы психологической и исторической прозы, оно является новаторским в плане зарождения литературной традиции. Автор в своем повествовании придерживается традиций русского сентиментализма, особенно литературы «путешествий», главной формой выражения которого служат этнография и историография («Письма русского путешественника»

Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и др.).

Таким образом, по факту своего появления как первого якутоязычного письменного литературного памятника, по авторскому целеполаганию (*труд имел целью познакомить иноязычного читателя с языком, культурой, этнографией народов Якутии, с особенностями края*), по повествовательной (нарратологической, коммеморативной) функции (*повествование в форме Я-как другой, память о прошлом, утверждающая идентичность автора и идентичность социальной группы*), по своей жанровой и стилевой природе (*мемуарный жанр, сочетающий в себе художественность и историчность; личная история, вписанная в исторический контекст*) это сочинение имеет полное право именоваться местом памяти. Несмотря на то, что произведение Уваровского не дало импульса интенсивному развитию художественной литературы на якутском языке, оно ознаменовало собой начало нового – просветительского – этапа в истории народа саха.

Отнесение «Воспоминаний» А.Я. Уваровского к местам памяти подтверждается также положением П. Нора о том, что мемуары, автобиографии «являются местами памяти не потому, что они самые лучшие и значительные, но потому, что они усложняют простое упражнение памяти игрой вопрошания самой памяти. <...> независимо от неравнозначной ценности этих текстов, жанр сохраняет свои постоянные законы и свою специфику: он подразумевает знание других мемуаров, раздвоение человека на человека пера и человека действия, идентификацию индивидуального дискурса с дискурсом коллективным и включение личных интересов в круг интересов государства: таковы мотивы, принуждающие рассматривать в панораме национальной памяти как места памяти» [Нора, 1999, с. 45].

Места памяти для П. Нора – это места, где встречаются память и история, при этом для деструктивного критицизма истории «память всегда подозрительна» [Там же, с. 21]. Каким образом происходит «встреча» памяти и истории в повествовательной структуре «Воспоминаний»?

В ходе повествования автор реконструирует свою личную историю и историю края, где он родился и вырос, служил и терпел страдания. При этом жизненные и исторические события не подтверждаются документальными, архивными источниками, а отражаются через личные восприя-

тия и ощущения. Автор постоянно в тексте говорит о памяти, как о чувственной, переживаемой связи прошлого с настоящим. Для автора-рассказчика важны события, изменившие его жизнь или каким-либо образом повлиявшие на его становление как личности, но которые при этом оказываются значимыми и для коллективной истории.

Произведение начинается с детских воспоминаний автора, которые даны не в линейной плоскости, хронологической последовательности, а фрагментарно. Воспоминания об отъезде семьи автора в Якутск в связи с тем, что Жиганск перестал быть городом; затем рассказ об увиденных в родном доме беглых каторжниках подаются в тексте как ранний этап его жизни, но напрямую эти события в детском сознании рассказчика не взаимосвязаны друг с другом. Они приводятся как обрывочные, всплывающие в памяти куски воспоминаний из раннего детства. Между тем исторические реалии складывают их, как фрагменты пазла, в одну цельную картину: именно разграбление беглыми каторжанами Жиганска в 1805 г. стало причиной ликвидации Жиганска как города [История..., 1963; Резун, Васильевский, 1989; Энциклопедия..., 2000; Присяжный, 2003; Антонов, 2009].

Указанное событие недостаточно отражено в научных исследованиях, лишь констатировано в кратких записях об истории Жиганского улуса. Повествование Уваровского как очевидца событий восполняет скудные исторические справки и воспринимается, прежде всего, как событие, повлиявшее и на идентичность самого автора, и на идентичность коллективного сознания, ибо он пишет: «Это событие не имело себе подобного в стране якутов» [Воспоминания Уваровского, 1990, с. 78]. Из его рассказа мы черпаем факты, не изложенные в исторических трудах: о количестве каторжников (их было 14–15); о предводителе беглецов (это был грузин); о том, что каторжники были клейменные. Таким образом помимо своей собственной истории автор включает в мемуары и другой исторический контекст, расширяющий повествовательную панораму. Жизненный эпизод отсылает к «большой истории»: истории солеваренного острога, основанного в 30-е гг. XVIII в.; практике наказания воров (тать) и грабителей, отправляемых на каторжные работы «тяжкого» разряда (вырывание ноздрей и клеймение преступников существовали в России с конца XVII в. до 1863 г.); дерзкому побегу большой

группы каторжников в 1805 г. с охотских солеварен вниз по р. Алдан.

Исторический контекст проступает и в рассказе о возвращении автора из Иркутска в Якутск по просьбе новоназначенного губернатора – «господина М.», и его службе в Якутии в 1826–1831 гг. Источники указывают, что под «господином М.» подразумевается начальник Областного правления Мягков Николай Иванович. Причину того, почему автор не называет его имени, снова объясняют исторические документы. Как оказалось, прогрессивно мыслящий и деятельный губернатор был одним из учредителей Степной думы в Якутии, проводивший земельную реформу, в которой учитывались интересы местного населения и т.д., но в 1830 г. попавший в опалу, что повлияло и на судьбу самого Уваровского. Привлеченный по «делу Мягкова», он отсидел 4 месяца в тюрьме «за связь с инородцами» и 9 лет (1830–1839 гг.) находился под следствием. По этой причине мемуарист не мог назвать имя своего соратника и единомышленника, но все же смело высказал в своих воспоминаниях искреннюю симпатию к этому человеку: *«Он сам, от рождения здоровый, жил в течение шести-семи лет, которые он там (в Якутске. – Л.Р.) провел, не щадя сил и труда, даже до изнеможения, для подготавливания будущего жизни якутов. Срок этого пребывания якут считал счастьем»* [Воспоминания Уваровского, 1990, с. 85]. Так, завуалированное повествование порождает широкий исторический контекст, в память о перипетиях личной жизни автора включается «коллективная» история. Для А.Я. Уваровского этот эпизод особенно значим тем, что именно дружба с Н.И. Мягковым и другими прогрессивными людьми своей эпохи способствовала его становлению как гуманиста и просветителя.

Отметим, что в произведении есть множество тем и сюжетов, требующих исторического комментария. Например, упоминание о приезде комиссии с ревизией указывает на недоверие царской власти к «господину М.» и отсылает к истории Второй ясачной комиссии (1826–1830). Или характеристика демоситуации в Якутии: *«...количество людей, которые носят название якуты, составляет более чем 100 000, если считать и женщин, то вдвое больше»* [Там же, с. 103], что свидетельствует о гендерном неравенстве, когда в ревизских сказках (именных списках ясачного населения) XVII–XIX вв. ревизской душой считали только мужчин.

Уваровский не считает нужным точно указывать исторические даты и конкретные события, не столь важные для его повествования, но так необходимые для описания важных вех жизни, повлиявших на становление его как личности и судьбу автора в целом. Однако при этом он, восстанавливая в памяти события прошлого, осознает, что его судьба была тесно связана с историей края, а описываемые события играли важную роль для его народа. Таким образом, автором «Воспоминаний» воссоздается картина целой эпохи, в которой ковалась как идентичность автора, так и идентичность народа.

Вместе с тем «Воспоминания» при всей их историчности все же «ускользают» от истории, не имея прямой референции в исторической реальности. В этом смысле произведение Уваровского занимает «двойное место» – *«избыточное место, закрытое в себе самом, замкнутое в своей идентичности и собранное своим именем, но постоянно открытое расширению своих значений»* [Нора, 1999, с. 49].

Исследование мест памяти в литературоведческом аспекте представляется весьма перспективным, особенно литературных мест памяти как явлений палимпсеста. Такое видение литературного текста расширяет подходы в изучении якутской литературы, начиная с творчества первопоэта А.Е. Кулаковского (рождение литературных (стихотворных) жанров, в основу которых положена обрядовая поэзия) и П.А. Ойунского, опирающегося в своих произведениях на исторический миф, и кончая современными историческими романами («Тыгын Дархан» В. Яковлева-Далана, «По велению Чингис-хана» Н.А. Лугинова), также ориентированными на реактуализацию мифов. Для современной якутской литературы особенно характерно возрождение исторического романа как палимпсеста, обращение к памяти прошлого с целью возрождения национальной идентичности. Выявление и изучение подобных произведений, ставших местами памяти, символами эпохи, одна из задач литературоведения в широком культурологическом аспекте.

Литература

Антонов Е.П. Жиганск // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Новосибирск, 2009. Т. 1. / рук. проекта А.П. Деревянко. – Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2010. – С. 556.

Воспоминания Уваровского // Бётлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 77–111.

История Якутской АССР: в 3 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1963.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.

Присяжный М.Ю. Географические основания развития отдельных частей Якутии в кратких описаниях

улусов, наслегов и населенных мест республики. – Якутск, 2003.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск, 1989.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007.

Энциклопедия Якутии. – М., 2000. – Т. 1.

L.N. Romanova

«The memories» of A.YA. Uvarovskiy as the place for memory (posing of problems)

In the article is represented the practice of the study of Yakut artistic literature as the depositories of the places for memory. In the literature, which has symbolic nature, is capable of being reflected commemoration not only of the author as the carrier of memory, but also people, society. In the artistic work together with the self-identification of the author is formed the identity of people, which attempts to fasten in its consciousness memory about the past. Contributor investigates formation and functioning “of the places for memory” based on the example of the first written literary monument on by Yakutsk language “The memories” of A.Ya. Uvarovskiy. On the basis of that developed Pierre Nora the concept “of the place for memory” (“Lieux de memory”) is investigated the text “of recollections” from the point of view of their significance in history and self-consciousness of the people of Sakha. Special attention is given to the relationship of history and memory in the narrative structure of artistic creation. Memories about their life, personal experiences of Uvarovskiy are involve with the history of Yakutiya of first half of XIX century, which are not given in historical specifics, but are appeared as watersheds the lives of the author himself. Through the personal appears the wide historical context, which presents way of life, dispositions, culture, historical events, everyday life, geo- and socio-political special features of the depicted time.

Keywords: the place for memory, memory and history, memoirs genre, written monument, Yakut literature.

УДК 94:314.743(=512.157)

Е.Н. Романова

Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность)

Статья посвящена изучению концепции памяти при конструировании прошлого и будущего в контексте национальной истории. На фоне революций и войн XX столетия анализируются стратегии памяти оппозиционной якутской интеллигенции, волею судеб оказавшейся за границей. В рамках когнитивной антропологии выявлены различные интерпретации памяти, автор статьи акцентирует оппозиционную память «меньшинства», выделяет ее топоры: ландшафты памяти, связанные с образами советской системы и свободного развития. Показана роль социальной памяти, как исторического опыта воспоминания и переживаний, в поддержании единства и консолидации «якутского мира» на чужбине. Видение прошлого и будущего реконструируется на основе личных историй, воспоминаний и писем политических эмигрантов. Впервые политический контекст национальной истории саха раскрывается в презентации прошлого с помощью ментальных измерений якутской эмиграции. Раскрывается созидательная роль коллективной памяти, где главным скрепляющим фундаментом выступает «этничность как дом» (язык, традиции, верования). Формирование новой идентичности эмигрантов происходит на фоне переживаний национальных мест памяти и попытки создания новых форм управления с целью укрепления групповой солидарности (съезд якутских эмигрантов на Сахалине.)

Ключевые слова: концепт памяти, национальная интеллигенция, якутская эмиграция, этническая идентичность, история ментальностей, реконструкция, образы национального прошлого и будущего.

© *Е.Н. Романова, 2016*

Обсуждение «концепта памяти» в рамках национального исторического нарратива предполагает обращение к проблемам интерпретации и осмысления конструкта «оппозиционной памяти» интеллектуальной среды якутской эмиграции, оказавшейся вне контекста новой истории страны Советов, но не утратившей с ней чувство родства и связи.

Анализируя роль памяти в конструировании групповой идентичности, исследователи останавливаются на феномене коллективной памяти, формирующей сознание общего прошлого у членов социальной общности. Коллективная память вызывает эмоциональное переживание совместного пребывания во времени, транслирует ценности и образцы поведения, сохраняет и сакрализует символы коллективной идентичности, создающие общее семиотическое пространство и очерчивающие границы группы [Васильев, 2008, с. 32]. Альтернативное видение прошлого и будущего Якутии как часть картины мира, реализуемой в национальных проектах якутских эмигрантов, было своего рода «фигурой умолчания», оказавшись на чужбине, эта часть якутской интеллигенции была вычеркнута из исторической памяти, а их имена преданы забвению. Речь идет о персоналиях, которые, не приняв советскую власть, были вынуждены покинуть Родину.

Впервые ментальный мир якутской эмиграции как «род духовной активности» был проанализирован Н.Н. Дьяконовой в ее монографии «Якутская интеллигенция в национальной истории» [2002; 2004]. Продолжая когнитивный подход в изучении образов прошлого, в данном исследовании при конструировании памяти «меньшинства» применили стратегию *memory studies*. Так, опираясь «на места памяти» (воспоминания, личные истории, письма), воссоздается картина мира якутской интеллигенции, за которой долгое время в национальной истории саха был закреплен ярлык «враг народа». При описании «памяти меньшинства» были использованы воспоминания М.Ф. Корнилова «Откуда и как я оказался на земле финнов» (личная история заключенного СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения)), а также письма Г.В. Никифорова, А.А. Рязанского, Д.П. Винокурова.

Топосы оппозиционной памяти. Образ ГУЛАГа (Соловки) в воспоминаниях М.Ф. Корнилова — это место кровавых преступлений и уничтожения памяти.

«...Потом, в будущем, ученые изучат, опишут и опубликуют историю Соловецких лагерей и расскажут правду о том, как здесь проливали слезы и кровь, раздирали кожу людей разных национальностей, как от имени всей советской власти уничтожали людей, в том числе и якутов» [Корнилов, 1994, с. 189].

История репрессированной памяти со временем приобрела статус символа. Соловецкие мемориальные камни в память о погибших в годы политических репрессий были установлены в пос. Соловецком, г. Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске. Наконец, память, как социальное переживание исторического опыта, становится «актом справедливости». Об этом и пишет в своей работе «Память, история, забвение» Поль Рикёр, подчеркивая, что *«именно справедливость, выявляя назидательное значение травмирующих воспоминаний, превращает память в проект, и именно проект справедливости придает долгу памяти форму повелевающего будущего»* [Рикёр, 2004, с. 128].

Особенно актуально в этом контексте возвращение в начале 90-х гг. XX в. в национальную галерею героев представителей «старой интеллигенции», большинство из которых являлись политическими противниками советской власти.

Харбин (Китай) был неофициальным центром российской эмиграции на северо-востоке, выступая своеобразным перевалочным пунктом для дальнейших перемещений в Японию или Америку. Переписка якутских интеллигентов, оказавшихся здесь, ярко иллюстрирует историю политической эмиграции, а также раскрывает представления, циркулировавшие в среде эмигрантов от Харбина до Америки: отрицание большевистской диктатуры, признание свободного развития Якутии, сохранение национальной идентичности.

Одними из главных фигурантов политической эмиграции следует назвать активных сторонников повстанческого движения Г.В. Никифорова-Маньятаах (1873–?), якутского купца первой гильдии; А.А. Рязанского (1898–?), бывшего начальника штаба у В.А. Коробейникова в ВЯОНУ, впоследствии участника белой дружины генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, а также лидера аборигенов Сахалина, якутского купца Д.П. Винокурова (1886–1942), проживавшего на Сахалине и переселившегося в 1925 г. в связи с неприятием советской власти на Южный Сахалин (Карафуто).

Г.В. Никифоров, известный своей благотворительной меценатской деятельностью на родине, после установления советской власти, не приняв новый режим, одним из первых покинул Якутию. В период гражданской войны в Якутии он входил в контакты с японскими и американскими торговыми компаниями для получения денег на организацию вооруженного сопротивления большевикам. Г.В. Никифоров не исключал возможности отделения Якутии от России и установления над ней протектората Японии [Дьяконова, 2002, с. 190]. В 1922 г. через Сахалин Никифоров добирается до Маньчжурии, где обосновывается в Харбине и занимается торговлей, проводит торговые операции на Охотском побережье. В эти же годы в Харбин приезжает А.А. Рязанский.

Вот как описывает прибытие якутских повстанцев в Китай один из его участников Г.П. Хоютанов: *«После взятия Айана красными отряд наш отошел в лес. Через некоторое время поручик Рязанский с напутственным словом распустил отряд. Мы, шесть человек, отделились. В конце июня 1923 года разделились на две группы. Рязанский Асклифеодот, поручик, Игнатьев Федор Прокопьевич (Сольский), мегинец, и я нанялись в рыбацкую артель японца Такасима. Переговоры с Такасима вел Рязанский на английском языке. После окончания сезона лова пароход господина Такасима направился на Хакода-те мимо острова Сахалин. Мы должны были остаться на Сахалине у Винокурова Дмитрия Петровича. Я его не знаю, знал Рязанский. Так мы оказались в эмиграции. После мытарств в Японии в ноябре 1923 года прибыли в Чань-Чунь. Некоторое время работали на строительстве железной дороги, получали за тяжелый труд мизерную зарплату. Кое-как поднакопив необходимую сумму, поехали в Харбин... Весной 24 года Рязанский, по окончании курсов (шоферов. – Е.Р.) выехал в Мукден к эмигранту якуту Никифорову Гаврилу Васильевичу...»* [Харысхал, 2003, с. 18].

В 1925 г. в Харбине было зарегистрировано «Якутское торговое товарищество», совместное предприятие Г.В. Никифорова, А.А. Рязанского и Д.П. Винокурова по скупке и продаже пушнины. Винокуров организовывал пушной промысел среди аборигенов Сахалина и Китая, а Никифоров и Рязанский реализовывали товар. К сожалению, в связи с материальными затруднениями предприятие вскоре разорилось.

Г.В. Никифоров, переехав в Мукден, вновь начинает развивать торговую деятельность. В эти годы он активно помогает своим землякам, оказавшимся на чужбине, высылая деньги для их нужд или просто на первое время, чтобы устроиться на работу, найти жилье. Г.В. Никифоров поддерживает близкие и дружеские отношения с молодым поручиком А.А. Рязанским. Асклифеодот Афанасьевич Рязанский являлся одним из ярких представителей якутской интеллигенции, оказавшийся за границей после разгрома повстанчества 1921–1922 гг. Будучи в эмиграции, он активно поддерживает связи с Родиной, переписываясь с отцом [Якимов, 1996, с. 50].

Память и идентичность Необходимо отметить, что немногочисленная якутская диаспора за рубежом поддерживала друг друга. Общение на родном языке, соблюдение национальных традиций, сопереживание прошлого и живой интерес к событиям, происходящим в Якутии, создавали ситуацию общего Дома (этничность как дом). Сохранение этнического мира, как ценности, за границами «своей» территории разделялось новым социальным слоем якутской интеллигенции [Соколовский, 1994, с. 13–17]. Представляется, что якутская диаспора за рубежом в те годы транслирует новый проект по восприятию памяти прошлого в контексте манифестации этничности. Миссией якутских интеллигентов становится объединение якутской эмиграции. Так, Г.В. Никифоров вместе с А.А. Рязанским и Д.П. Винокуровым помогают деньгами на первых порах трем репрессированным якутам, сбежавшим из Соловков, во время их нахождения в концентрационном лагере для беженцев в г. Кеуруу (Финляндия).

Анализ архивной коллекции якутских писем, хранящихся в Архиве Университета Хельсинки (Финляндия), раскрывает общность культурных кодов и поведенческих стратегий новой социальной группы – якутских эмигрантов:

«Мукден, Китай, 6-го сентября. 1931г. Многоуважаемый Егор Егорович! (письмо к Е.Е. Старостину. – Е.Р.) Я только что прочитал в Харбинской беженской газете, что Вы благополучно сбежали с Соловецкой каторги и сейчас живете в Гелсингфорсе и ищите своих земляков-беженцев.Я (А. Рязанский. – Е.Р.), Г.В. Никифоров, Н.А. Аверинский с женой живем в этом городе, а Г.С. Ефимов. – в Харбине, Г.М. Кузьмин – Тяньзине. Говоря о себе, должен сказать, что в данное время состою на службе у китайской фирмы, по-

лучаю жалование в серебряных долларах, вследствие чего содержание это еле-еле хватает на себя. Г-н Никифоров в настоящее время ничего не делает; всякие попытки его создать здесь свое дело кончались неуспешно, так что он очень многое потерял. В первое время много поддерживал нас, якутов-беженцев...».

Как эмигрант с опытом жизни на чужбине, он делится в письме своими наблюдениями и старается помочь собратьям по несчастью личными советами:

«...Обстановка здесь скверная, безработица кругом... Ввиду близости русской границы в Китае бежит масса русских, здесь их десятки тысяч. Среди них много людей с образованием, врачей, инженеров, учителей и т.д. Но громадное большинство из них состоят безработными, для всякого и каждого здесь нет вакансии. То же самое должно быть и в Западной Европе, куда вы заброшены волею судьбы. Даю Вам добрый совет, полученный годами беженской жизни, если возможно, устраивайтесь на какую-нибудь работу, хоть работником на фабрике, в деревне, грузчиком, кем хотите. Я сам был матросом на английском корабле. О чем, конечно, мне и не снилось никогда. Здесь, за границей, а особенно в наше страшное время выживают люди смелые, расторопные, не ожидающие помощи ниоткуда, а сами пробивающие себе дорогу... Имейте связь с русскими беженскими организациями, они – наши братья по несчастью...» [Харысхал, 2003].

Переписка, обмен информацией, сведениями друг о друге демонстрируют существование связей между немногочисленной якутской эмиграцией. По ним можно установить, что якутская диаспора в Азии имела специальный план по освобождению троих якутов из финской тюрьмы и приезду их в Маньчжурию. Из письма Г.В. Никифорова и А.А. Рязанского:

«Гор. Мукден. Китай 28 ноября, 1931 г. Г-ну Ад. Буш, Гельсингфорс, Финляндия.

Милостивый Государь

Мы являемся беженцами-якутами из Якутской области и имеем честь приложить при сем переводной билет № 00442 на восемь англ. фунтов и просить Вас названный билет продать через банк на финляндские марки и всю вырученную сумму выдать нашим соплеменникам, якутам Е.Е. Старостину, С.К. Старостину и М.Ф. Корнилову, в данное время находящимся в концентрационном лагере для беженцев в гор. Кеуруу, и

которых Вы знаете. Мы сердечно благодарим Вас за то участие, которое Вы оказали и оказываете названным якутам, волею судеб заброшенным в далекую Финляндию, о которой они и во сне не видели. Эти деньги мы собрали из скудных своих заработков в надежде на то, что и такая малая сумма будет в пользу бедствующим людям. Вы, пожалуйста, будьте добры разменять англ. фунты на Вашу местную валюту, конечно, по наиболее выгодному курсу и вырученную сумму вручить названным трем якутам. Причем примите все меры к тому, чтобы власти выпустили их из лагеря, снабдив установленным паспортом страны. По выходе их из лагеря Вы, пожалуйста, не оставьте их Вашим советом, а буде возможно и прямым содействием в нахождении дешевой комнаты, покупке одежды и т.д., так как эти люди, будучи совершенно чужеземцами, будут нуждаться в Вашем содействии. Мы сами – люди бедные, поэтому не имеем возможности помогать этим братьям по несчастью все время, поэтому совершенно необходимо, чтобы [они] как можно быстрее нашли какой-нибудь заработок. В этом отношении мы тоже надеемся на Вашу человеколюбивую помощь. Эти люди – вполне трезвые и при наличии какой-нибудь работы могли бы поддерживать себя. Первым делом, конечно, важно, чтобы они вышли из лагеря и имели легальное право жизни в Финляндии. В этом отношении Вы и Комитет Русских Беженцев могли бы сделать очень многое. Мы же со своей стороны обратились в местную русскую организацию, чтобы они тоже поддержали нас перед Вашим комитетом в нашем ходатайстве. Такое же ходатайство будет сделано нами через финляндского посла в Токио, но надеемся, что Вы сумеете добиться выпуска скоро по получении этого письма.

Мы надеемся, что Вы подтвердите получение сего письма, а также не оставите уведомлением, что Вами предпринято в целях облегчения участи наших братьев-беженцев... Остаемся уважающие Вас Г.В. Никифоров, А.А. Рязанский» [Там же].

К сожалению, план освобождения якутов и приезда их в Маньчжурию не был реализован. Беженцы М.Ф. Корнилов, С.К. Старостин и Е.Е. Старостин, оставшись жить в Финляндии, сумели в своих повседневных практиках сохранить и адаптировать культурную память народа саха. Реализация своей этничности через национальный язык, презентацию образцов якутского

фольклора и обрядовой культуры, сотворение новых текстов культуры (перфомансы с шаманской атрибутикой), а также научная работа с известными учеными Г. Рамстедтом и Б. Коллиндером по этнокультурному наследию якутов транслировали дискурс национального. Консолидация всех якутов, живущих за границей, стала целью якутской эмиграции. Местом встречи якутских эмигрантов был выбран Сахалин. В 1934 г. Г.В. Никифоров пишет письмо якутским эмигрантам в Финляндию, где рассказывает о сахалинском купце Д.П. Винокурове, написавшем в Токио прошение о переезде троих якутов из Финляндии на Сахалин. В конце письма Г.В. Никифоров приводит адрес Д.П. Винокурова: «Mr.D.P.Vinokuroff, Siska, Karafuta Nippon» с просьбой написать финским беженцам непосредственно самому Винокурову.

На этом фоне Винокуров развивает активную деятельность по консолидации усилий якутской эмиграции. Располагая стабильными связями с якутами в Маньчжурии, Японии, США и Финляндии, он пытается организовать съезд якутских эмигрантов на Сахалине с целью выработки общих действий. Имя якутского купца, «короля оленей» Дмитрия Прокопьевича Винокурова, прошедшего годы эмиграции в японской части Сахалина, стало известно совсем недавно, благодаря работам Н.В. Вишневого [Вишневский, 1994, с. 194]. В детстве с родителями Винокуров переехал на Аян, позднее перебрался на Сахалин, где занимался коммерцией, ездил торговать в Якутию. После окончательной победы советской власти в Якутии он решил обосноваться в северной части о-ва Сахалин, которая принадлежала Японии. Здесь он организовал артель, которая сбывала свою продукцию японским купцам. Винокуров выступал своего рода политическим актором в конструировании на Сахалине амбициозного проекта «аборигенной империи» на примере образцового поселка «Отасу но мори», где проживали ороки и нивхи. Он являлся заметной фигурой среди местного населения. Ему принадлежали торговая лавка, школа, клуб, в котором он собирал съезды туземцев в 1922, 1923 и 1925 гг. На съезде 1925 г., на котором побывали все старосты стойбищ Северного Сахалина, речь шла о предстоящем уходе японцев с Сахалина, о том, что туземцы должны помогать японцам. После передачи северной части Сахалина России Винокуров переезжает на юг острова, в Карафуту. Вместе с ним

в японскую часть острова бежали около 150 чел. Отсюда он устанавливает связь с прояпонски настроенной частью якутской интеллигенции на родине и сам предлагает вступить в переговоры с японской стороной. С целью установления прямых контактов с японцами Винокуров несколько раз ездил в Токио. В ходе этих встреч он настоятельно просил японцев решить якутский вопрос. Богатство, обширные личные связи, энергичная деятельность способствовали росту его влияния в местном обществе. Вскоре он обращается к японскому императору, прося его оказать покровительство якутам. В апреле 1934 г. в газете «Карафуту нити-нити» это обращение появилось под названием «Письменное мнение народностей северных территорий». В частности, он писал:

«...Всю свою сознательную жизнь я придерживаюсь твердой позиции – быть абсолютным противником Советской власти. Жертвуя своим личным счастьем, счастьем проживать в своей стране, в силу личных убеждений я вынужден жить в политической эмиграции на Южном Карафуту. Я являюсь представителем якутского народа, несмотря на жесточайший режим в Советском Союзе, блокаду государственной границы, ко мне через территории различных стран мира стекается информация о положении в Якутии. Своей душой я нахожусь там, и ни на миг меня не покидает тоска по Родине. Прежде чем излагать свое мнение перед Вашим величеством императором Великой Японии, свидетельствуя перед богом, перед памятью своих предков, как патриот своей страны искренне прошу об оказании моральной и материальной помощи моему народу...».

Далее он обращает внимание на экономически выгодное положение территории Якутии: «Север Азиатского континента мог бы составить в будущем прекрасный экономический плацдарм для миллиардного населения Азии». Он призывал вернуть Сибирь сибирякам, Азию – азиатам [Вишневский, 1994, с. 70–76]. Обращение Винокурова произвело большое впечатление на общественное мнение, однако японская сторона конкретных действий не предпринимала. Личные переговоры также не имели результатов. Сам Винокуров очень надеялся на войну Японии с СССР, в результате которой Якутия могла бы отойти к азиатской державе.

Позиция Винокурова отражала настроения самой радикальной части национальной интелли-

генции по будущему устройству Якутии; более взвешенную и объективную позицию занял А.А. Рязанский:

«...Мы не можем задаваться целью самоопределения, т.е. организации собственной своей государственности, ... стремление к этому было бы ошибочно во всех отношениях. К чему мы должны стремиться и что возможно добиться, это (1) чтобы Россия была бы федеральным государством наподобие США или даже Англии; (2) чтобы национально обособленные области, как Якутия, Бурятия, Туркестан, Кавказ и т.д., имели бы внутреннее самоопределение, со своей полицией, территориальными войсками, действующими, однако по принципам и узаконениям центральной общероссийской власти; (3) что для нас, как инородцев, желательна власть республиканская, глубоко демократическая, без давления русского национализма. Власть, которая гарантировала бы нам сохранение нашего языка, национального облика и давала бы возможность приблизиться к европейской культуре путем внедрения общего и технического образования в среду населения с возможностью смешения с русской расой путем перекрестных женитьб» [Дьяконова, 2004, с. 327–328].

Таким образом, в эмигрантской среде существовали разные взгляды и позиции относительно будущего развития Якутии. Однако наиболее здравомыслящая часть видела Якутию в составе России, но без большевистской диктатуры.

Судьба якутских эмигрантов трагична, они не смогли вернуться на Родину. Оставаясь до конца ее истинными патриотами, не теряя до последне-

го дня надежду, что Якутия в будущем превратится в свободную и счастливую страну, они вынуждены были на чужбине пересотворять память и историю народа саха, сохраняя при этом традиционные образцы символических представлений прошлого, поддерживавшие их национальную идентичность.

Литература

- Антонов Е.П. Супружеская чета Винокуровых – эмигранты из Якутии // Якутский архив. – 2004. – № 4. – С. 113–117.
- Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. – М.: Круг, 2008. – С. 19–49.
- Вишневский Н.В. Отасу. Этнополитические очерки. – Южно-Сахалинск, 1994.
- Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории. – Новосибирск: Наука, 2002.
- Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция: генезис, формирование, деятельность (вторая половина XIX в. – 30-е гг. XX в.): дис... д-ра ист. наук. – СПб., 2004. – 373 с.
- Корнилов М.Ф. Откуда и как я оказался на земле финнов // Грани. – 1994. – № 171. – С. 173–199.
- Рикёр П. Память, история, забвение. – М., 2004.
- Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнологическое обозрение. – 1994. – № 2. – С. 3–17.
- Харыскал-Васильев В.Е. Ааспыт кэм аартыктарынан. – Якутск, 2002. – С. 18. – На якут. яз.
- Харыскал-Васильев В.Е. Алаас ортотугар үүммүт соботох бэс // Саха сирэ. – 2003. – 19 апр. – На якут. яз.
- Якимов О. С клеймом уголовного преступника (история отца и сына Рязанских) // Илин. – Якутск, 1996. – № 1–2. – С. 50.

E.N. Romanova

Images of the nation's past and future in the perception of the Yakut emigration: (memory, oblivion, identity)

This article is devoted to the study of memory concepts in the designing of the past and the future in the context of national history. Against the backdrop of revolution and war are analyzed memory and strategy of the Yakut intellectual elite — opposition of Soviet government at time who found themselves abroad by the will of fate. In the framework of cognitive anthropology revealed different interpretations of memory, the author emphasizes the opposition to the memory of "minorities" makes them toposes: landscapes of memory associated with the images of the Soviet system and the free development. The role of social memory is shown, as the historical experience of the memories and experiences in maintaining the unity and consolidation of "the Yakut world" in a foreign land. The vision of the past and the future of political refugees is reconstructed on the basis of their personal stories, memoirs and letters. For the first time the political context of Sakha national history revealed in the presentation of the past with the aid of mental measurements made by Yakut emigration. Disclosure of creative role of collective memory, where ethnicity as Home (language,

traditions, believes) is the main factor in foundation of the Yakut emigration. The formation of a new identity – «Yakut emigration» against the backdrop of the new experiences, places of national memory and attempts to create new forms of management in order to strengthen group's solidarity.

Keywords: concept of memory, national intellectual elite, Yakut emigration, ethnic identity, history of mentalities, reconstruction, images of nation's past and future.

УДК 81'272

Н.И. Иванова

«Места памяти» в социолингвистической интерпретации (к постановке проблемы)

Статья посвящена предварительным итогам описания способов презентации билингва – носителя языка саха в междисциплинарном поле *memory studies*. Проблематика памяти и идентичности переплетается с рядом социолингвистических задач и посвящена исследованию основных характеристик языковой лояльности в комплексе следующих признаков: этноязыковой идентичности, языковых установок носителей якутского языка с использованием социолингвистических (социолингвистическое анкетирование) и психолингвистических (направленный ассоциативный эксперимент) процедур в контексте гуманитарной географии, т.е. человек, носитель языка, рассматривается как «место памяти».

На первом этапе исследования носитель якутского языка поставлен нами в различные пространственно-временные условия. При этом нами зафиксированы изменения характеристики этноязыковой идентичности во времени; также фактор возраста продемонстрировал существенность различий. Итоги отражают трансформацию характеристики этноязыковой идентичности у молодежи, что является следствием современных интегративных процессов, снижения уровня владения якутским языком в якутском сообществе. Сегодня, в сложных условиях сохранения и развития этнических языков в регионах России, молодое поколение в поиске своей идентичности становится серьезным объектом языкового планирования.

Ключевые слова: «место памяти», носитель языка, этноязыковая идентичность, уровень владения родным языком, языковые установки.

Исследование коллективной памяти нации, этноса с позиций культурной географии, российской гуманитарной географии [Митин, 2014] привлекает специалистов различных областей науки, историков, психологов, культурологов и т.д. своим комплексным характером; разноплановостью объектов; спецификой темы, концепции и методологии. Ключевым понятием мифогеографии выбран палимпсест, или модель «Место как палимпсест» [Mitin, 2010], который стал достаточно распространённой метафорой культурного ландшафта как многослойной (многозначной) структуры. Метафора палимпсеста отражает видение ландшафта как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох, т.е. используется как отражение истории ландшафта. Фритьоф Беньямин Шенк в Концепции «*Lieux de Memoire*» (<http://www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/02-11a.htm/>) отмечает как заглавную функцию мест памяти –

сохранение памяти группы людей. «Местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые “окружены символической аурой”. Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории». Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться.

Территория Якутии является особым полиэтническим, полилингвальным пространством, на котором синтезируются духовные ценности различных культур. Условия активного якутско-русского билингвизма находят свое отражение во многих процессах, представляющих идентичность коренного населения. Этноязыковая идентичность, владение родным языком – на сегодняшний день основные показатели этнического самосознания коренных народов республики.

Именно родной язык позволяет народу выразить этнические функции и выработать этническое самосознание; язык формируется в процессе культурно-исторического развития этноса, являясь, таким образом, самым древним составляющим звеном в его структуре. Этнический язык – это результат развития этноса, в котором выражаются и раскрываются его особенности, своеобразие форм, а также формирование и становление. Необходимо подчеркнуть, что современные теории социолингвистики подтверждают коммуникативную и когнитивную функцию языка, т.е. язык – это не просто средство передачи мыслей и информации, язык – это средство создания мыслей. Таким образом, язык напрямую связан с мышлением. Реальный мир формируется в нашем сознании в значительной степени на основе языковых норм этнической группы. Члены этноса создают картину мира, в первую очередь, на основе единой языковой системы, следовательно, в разных системах языка присутствуют разные системы мышления. Свойство языка быть средством закрепления, систематизации, категоризации и передачи опыта является его основной функцией в этническом самосознании.

Сегодня, в условиях усиления интегративных процессов, основные показатели этноязыковой ситуации, прямая этноязыковая идентичность и уровень владения языками подвергаются изменениям – тенденции множественности идентификации; явления проблемной идентичности все чаще становятся фактом этноязыковой ситуации нашего региона [Иванова, 2015]. Известно, что прямая этноязыковая идентичность и владение языком (не знание языка, а владение, как коммуникативная практика) представляют базовые ценности этноса в условиях унификации и стандартизации современного общества. Невладение или лишь частичное владение родным языком ведет к изменению системы мышления человека; теряется основа традиционного восприятия мира, заменяясь мозаичностью и фрагментарностью восприятия окружающей действительности.

Актуальность проблематики обусловлена отсутствием социолингвистического анализа в данном ракурсе в условиях языковой неоднородности республики, необходимостью решения прикладных задач языкового планирования в регионе, предполагающего обсуждение ряда социолингвистических проблем. Задача нашего подпроекта в рамках общего комплексного междис-

циплинарного изучения многообразных объектов репрезентации общественной памяти, значимых для конституирования современной многоуровневой идентичности, интеграции разнообразных социальных групп Республики Саха (Якутия) в исторической динамике, заключается в описании и анализе феномена этноязыковой идентичности на материале особенностей языковой компетенции, анализе значимости родного языка в формировании этноязыковой идентичности; выявлении динамических тенденций языковых установок носителей якутского и русского языков в полиэтническом городском социуме. В результате исследования будет получена социолингвистическая репрезентация феномена «языковая лояльность» носителей якутского и русского языков по отношению к родным языкам, русскому языку как государственному языку РС (Я) и государственному языку РФ. В российской социолингвистике термин «языковая лояльность» принят в значении «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку» [Словарь ..., 2006, с. 261].

Эмпирическую базу исследования составляют: анализ текущих данных государственной статистики по национально-этническому и языковому составу РС (Я), итогов Всероссийских переписей населения 1989, 2010 гг.; вторичный анализ материалов социолингвистических исследований по изучаемой проблематике 2008, 2014, 2016 гг. Научная новизна заключается в междисциплинарном подходе к репрезентации этноязыковой идентичности молодежи (русских и саха), в ходе которой будет получено социолингвистическое и лингвоконцептологическое описание предмета исследования в диахронии. Экспланаторность лингвоконцептологического описания будет способствовать более глубокому изучению объекта исследования.

Таким образом, местом памяти в нашем исследовании выступает носитель якутского языка и его языковое сознание. Важнейшим условием или фактором всех происходящих событий, на который необходимо обратить первостепенное внимание, является этнодемографический фактор. Число этнических саха возросло с 432290 чел. в 2002 г. до 466492 чел. в 2010 г. В столицу республики г. Якутск устремились массовые миграционные потоки. Если по данным переписи в 1989 г. число саха составляло 55132 чел., то

в 2010 г. оно достигло 140272 чел. [Краткие итоги всероссийской переписи населения 2010 года ...], что установило и новое соотношение в долях горожан якутской и русской национальности. К 2010 г. процентное соотношение русских и якутов составило 38,4% и 47,4% соответственно.

В нашем опросе участвовали 467 респондентов – этнических якутов, из них 64,2% женщин, 35,8% мужчин. 82,4% из них указали в качестве родного якутский язык, 13,5% – оба языка и 4,1% – русский язык.

Из 467 респондентов 11% составляют якуты, родившиеся в г. Якутске, 26% – выходцы из села, проживающие в столице более 10 лет, и 7% – выходцы из села, обосновавшиеся в столице 3–10 лет назад. Размытость этноязыковой идентичности чаще наблюдается у коренных горожан. Среди них 57% признают родным якутский язык, 21,2% – русский язык и остальные 21,2% родными считают оба языка: русский и якутский. Среди выходцев из села нет ни одного респондента со сдвигом языковой идентичности, т.е. никем русский язык не признан родным. В показателях этноязыковой идентичности не присутствует другой язык у горожан, совсем недавно переехавших в город (1–3 года), однако прожитые в условиях полиэтничности, следовательно, русскоязычной речевой среды, активных межнациональных контактов годы формируют у некоторых представителей якутского этноса множественность идентичности – таких, среди проживших в Якутске от 4 до 10 лет насчитывается 5,3%, от 10 и более лет – 6,7%. Таким образом, в условиях нашего исследования процессы урбанизации формируют множественность идентичности.

Среди молодого населения сегодня также отмечается стремление выехать из республики и даже из страны. Казалось бы, что к ним можно было бы отнести людей со смещенной или с проблемной идентичностью. Вопреки ожиданиям, по данным нашего опроса, изъявили желание выехать из республики респонденты с прямой этноязыковой идентичностью и совсем незначительное число респондентов с двумя родными языками, что позволяет отметить способность личности со здоровой этнической идентичностью «найти себя» вне родной речевой среды, расширить рамки своей социализации.

Также на сегодня при ассоциативном эксперименте установлена детерминированность пара-

метром возраста отношения к родному языку (табл. 1).

Таблица 1

Реакции на стимул «якутский язык» носителей якутского языка (г. Якутск), %

17–25 лет	От 26 лет и старше
Сложный – 73 (сложный – 40, трудный – 26, ыарахан – 4, тяжелый – 3) Родной – 64 Красивый – 47 Богатый – 26 Интересный – 24 Древний – 17 Исчезающий – 11 Вымирающий – 8 Хороший – 15 (хороший 10+ үчүгэй 5) Национальный – 8 Понятный – 12 Любимый – 7 Непонятный – 7 Легкий – 7 Смешной – 5 Отличный – 4	Родной – 134 Сложный – 105 (сложный – 66, трудный – 39) Богатый – 62 Красивый – 62, Древний – 24 Интересный – 21 Понятный – 18 (понятнее – 1) Образный – 16 Разный – 15 Образный – 14 Глубокий – 13 Тюркский – 14 Легкий – 11 Многогранный – 11 Певучий – 11

Ранее, также при ассоциативном эксперименте, была установлена трансформация отношения к родному языку у студенческой молодежи – ядро концепта сместилось с реакции «родной» (93 реакции) на реакцию «сложный» в 2014 г. (табл. 2).

Таблица 2

Ядро концепта «якутский язык» в языковом сознании студентов-якутов (2008 и 2014 гг.), %

2008 г.	2014 г.
Родной – 93 Сложный – 40 Красивый – 20	Сложный – 73 Родной – 64 Красивый – 47

Таким образом, предварительные результаты определяют этноязыковую идентичность как подвижный во времени и пространстве объект исследования.

Дальнейшее изучение этноязыковой идентичности в контексте гуманитарной географии связываем с исследованием ее характеристик в разных социально-профессиональных группах этнических якутов – носителей якутского языка, проживающих в г. Якутске.

Литература

Иванова Н.И. Язык и этноязыковая идентичность якутов в г. Якутске: основные тенденции и динамика // Казанская наука. – 2015. – №1. – С. 114–118.

Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по РС (Я) // <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 25.05.2015).

Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: эк-

пертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. – С. 147–156.

Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Шенк Ф.Ф. Концепция «Lieux de Memore» <http://www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/02-11a.htm> (дата обращения: 19.04.2016).

Mitin I. Palimpsest // SAGE Encyclopedia of Geography / Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010.

N.I. Ivanova

«The places of memory» in sociolinguistic interpretation (to statement of a problem)

The article is devoted to the preliminary results of the description of the presentation methods of a bilingual person – the native speaker of the Sakha language in the interdisciplinary field of memory studies. The problem of memory and identity is intertwined with a number of sociolinguistic problems and is devoted to the study of the main characteristics of language loyalty in the complex of the following features: ethnic linguistic identity, language settings of Yakut native speakers with the use of sociolinguistic (sociolinguistic questionnaires) and psycholinguistic (directed associated experiment) procedures in the context of human geography, i.e. the human being, the native speaker is considered as “a place of memory”.

At the first stage of the investigation the Yakut native speaker is placed in various spatial and temporal conditions. Herewith we recorded changes in the characteristics of ethnic linguistic identity in time. Also, the age factor showed significant differences. The results reflect transformations in the characteristics of ethnic linguistic identity among young people which is a consequence of modern integration processes and the declining level of proficiency in Yakut. Today in the difficult conditions of preservation and development of ethnic languages in Russian regions the young generation in the search of its own identity becomes a serious object of language planning.

Keywords: “the place of memory”, native speaker, ethno-language identity, level of proficiency in the native language, language installations.

Из истории изучения форм слова в тюркском языкознании

В современном языкознании сформированы грамматические понятия, связанные с составом слов, такие, как словообразование, формообразование и словоизменение. Очевидно, что эти понятия тесно связаны с формой слова, особенно с дополнительными морфемами. Названные понятия стали объектом многочисленных исследований в русском языкознании, однако в тюркологии до сих пор не нашли однозначного понимания. Главной причиной такого положения является тот факт, что языковеды-тюркологи опираются на научные труды исследователей русского языка. Однако критерии изучения русского языка, относящегося к группе флективных, не могут полностью соответствовать критериям исследования тюркских языков, принадлежащих к группе агглютинативных. В этом направлении следует учитывать особенности функциональной деятельности и грамматики тюркских языков. В данной статье всесторонне рассмотрены формы слов в тюркских языках, проведены различия между словообразованием, формообразованием и словоизменением, проанализированы специфические особенности данных понятий, и в завершение мы к словоизменению отнесли формообразование и систему парадигматических изменений слов.

Ключевые слова: языкознание, словообразование, формообразование, система изменений слов, аффикс, суффикс, морфема, корень, грамматика, формы слова, состав слова.

Одна из основных функций языка – коммуникативная. В языкознании под функцией понимают употребление словоформ в определенных целях в процессе общения. Для функционирования языка в качестве средства общения используются предложения, в лексическом составе которых различные слова связываются между собой, формируя единую законченную мысль. Предложения, как правило, создаются из различных сочетаний слов, а преобразования, изменения слов осуществляются посредством грамматики языка. Грамматика как наука исследует эти изменения, преобразования слов, а также сочетания словесных форм в предложении.

Сколько языков существует в обществе, столько существует и разнообразных форм их грамматики. Несмотря на то, что языки сходны с генеалогической и типологической точек зрения, в обязательном порядке необходимо отметить различия в их грамматике. По этой причине наряду с общими теориями необходимо учитывать и индивидуальные особенности языков. Факты одного языка не должны быть привязаны к другому языку. Должна быть создана грамматика, соответствующая языковым особенностям этого языка. В этой связи очень ценно мнение академика А.Н. Самойловича: «Граматику изобрести нельзя, ее можно только открыть и обнародовать. Ни-

какому языку нельзя произвольно навязать грамматику и никакой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения» [Самойлович, 2005, с. 179].

В современном языкознании по отношению к составу слова сформированы такие грамматические понятия, как словообразование, формообразование и словоизменение. Очевидно, что эти понятия тесно связаны с формами слова, особенно со служебными (некорневыми) морфемами. Названные понятия стали объектом многочисленных исследований в русском языкознании, однако в тюркологии до сих пор не нашли однозначного понимания. Главной причиной такого положения является тот факт, что языковеды-тюркологи опираются на научные труды исследователей русского языка. Однако критерии изучения русского языка, относящегося к группе флективных, не могут полностью соответствовать критериям исследования тюркских языков, принадлежащих к группе агглютинативных. В этом направлении следует учитывать особенности функциональной деятельности и грамматики тюркских языков.

В русском языкознании сформирована история исследований словообразования, формообразования и словоизменения. Разграничение этих трех понятий возникло не сразу. В XIX в. основное внимание уделялось особенностям склонения имен существительных (И.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, В.А. Богородицкий); внимание лингвистов Казанской школы привлекали сложные процессы формообразования; в 20–30-е гг. XX в. языковеды особенно интересовали процессы формообразования посредством приставок и отдельных суффиксов (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур). В трудах Ф.Ф. Фортунатова, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова словообразование и словоизменение противопоставлялись друг другу и рассматривались в качестве равноправных видов формообразования [Кубрякова, 1976, с. 515]. Подобное мнение высказывал и А.А. Реформатский: «Изменения реляционного значения в случаях типа стол'ик-ом охватываются словоизменением; изменения деривационного значения (стол'ик) охватываются словообразованием; ... и то, и другое – формообразование, словоизменительное и словообразовательное» [Реформатский, 1967, с. 252]. Концепция А.В. Бондарко также близка названным взглядам: «... граница между образованием форм одного слова и

форм разных слов, с нашей точки зрения, проходит внутри области формообразования. Систему форм одного слова мы связываем с термином “словоизменение”. Таким образом, понятие формообразования охватывает словоизменение (словоизменительное формообразование) и, кроме того, формообразование несловоизменительное, т.е. сочетающееся со словообразованием (классификационное или словообразовательное)» [Бондарко, 1974, с. 5]. Далее автор поясняет, какие морфологические категории относятся к словоизменительным: «... следует отнести к словоизменению, к системе форм одного слова не только формы наклонения, времени, лица и т.п., но и формы числа существительных, степени сравнения прилагательных и наречий (в той мере, в какой во всех этих случаях сохраняется соотносительность, тождество по крайней мере в части лексических значений), грамматически регулярные видовые и залоговые корреляции. При этом, однако, возникает необходимость четкой дифференциации двух типов словоизменения: 1) последовательно коррелятивного и альтернативного – “чистого” словоизменения, наиболее четко противопоставленного словообразованию, и 2) непоследовательно коррелятивного и деривационного – той разновидности словоизменения, которая обнаруживает черты переходности к несловоизменительному (классификационному) формообразованию» [Там же, с. 12–13].

Е.С. Кубрякова придерживается в данном вопросе собственной позиции: «Противопоставление формообразования и словообразования, с одной стороны, приведет к разделению морфологии на две части, с другой – к учению о частях речи и парадигматике, возникновению деривационной морфологии: формообразование имеет отношение к парадигматической системе языка, а словообразование – к деривационной морфологии. Основная функция словообразования – ономасиологическая и семантическая. Поэтому оно не может целиком ограничиться рамками морфологии, в связи с чем оно требует отдельной характеристики. Однако, какие бы ни были процессы словообразования, вместе с созданием новых морфологических структур в связи со специальными частично обозначенными деривационными морфемами необходимо характеризовать эти процессы как морфологическую деривацию. Безусловно, следует признать деривационную морфологию как часть морфологии» [Кубрякова, 1976, с. 517].

Автор предлагает следующие критерии разграничения формообразования и словообразования: процессы словообразования служат для моделирования необходимого количества новых наименований, статуса слова и обеспечения лексического многообразия этих единиц, а процессы формообразования – для использования производных слов, соответствующих всем словам в языке, а также конкретным языковым грамматическим категориям в предложении и тексте [Там же, с. 518]. С точки зрения структуры противопоставление особых словоформ и основы слова позволяет разделить формообразование на две группы: словоизменение и собственно формообразование. Словоизменение осуществляется посредством флексии [Там же, с. 520]. Внутри словоизменения можно выделить две группы: «основоизменение и основообразование» [Там же, с. 522]. Подводя итог, автор при характеристике флективных языков предлагает выделять не два или три, а четыре процесса разграничения морфологической деривации: два в области формообразования – словоизменение и собственно формообразование (морфологическое основообразование), два в области словообразования – основоизменение и деривационное основообразование [Там же, с. 523].

В вопросе разграничения словообразования, формообразования и словоизменения особое место занимают труды В.М. Жирмунского. Ученый верно отметил тот факт, что не только во флективных языках, в частности, в русском, но и в языках других типов между словообразованием и словоизменением самостоятельно происходят отдельные морфологические явления: «Под формообразованием понимается категория, переходная между словоизменением и словообразованием, очертания которой представляют существенные различия в языках разного типа» [Жирмунский, 1963, с. 17].

Н.А. Лыкова также подчеркивает, что формообразование и словоизменение – два разных понятия. По мнению ученого, по сравнению со словообразованием, эти два понятия близки между собой. Она отмечает, какие категории в русском языке относятся к этим понятиям: «В зону формообразования помимо форм инфинитива следует включить формы прошедшего времени глагола, деепричастия, причастия, формы степеней сравнения прилагательных и наречий, глагольных наклонений, залогов и видов, субъективной

оценки имен существительных и прилагательных; к словоизменению относятся только те ряды (парадигмы) формы, признаком которых является наличие системно чередующихся окончаний» [Лыкова, 1981, с. 50–51]. А.С. Герд, также опираясь на труды предшественников, считает правоммерным рассматривать эти три понятия в качестве отдельных морфологических процессов [Герд, 1984, с. 20].

Существует и подход, при котором формообразование относится к формам, различающимся значениями несинтаксических грамматических категорий, то есть номинативными значениями (формы числа, вида или каузатива) [Ахманова, 2007, с. 516]. Здесь формообразование занимает промежуточное положение между словообразованием и словоизменением, что позволяет рассматривать в отдельности морфологические средства выражения для каждого из трёх типов явлений.

Новые научные попытки направлены на определение сущности и функциональной значимости словообразовательной морфонологии; квалификацию морфонологических средств; анализ функций разных типов альтернатив; установление детерминантов морфонологических трансформаций в структуре производных и выделение морфонологических классов – семантической группы (СГ) десубстантивов, деадъективов и деевербатов; определение функций морфонологических моделей, используемых в процессах словообразования; установление структурных типов словообразовательных парадигм лексико-грамматических групп существительных, глаголов; выделение зон парадигмы в связи с принадлежностью дериватов к определённой части речи [Демешко, 2013, с. 127].

Таким образом, анализ различных точек зрения позволяет сделать следующий вывод: в современном русском языкознании словообразование, формообразование и словоизменение рассматриваются в качестве отдельных морфологических процессов; существуют также критерии для разграничения названных понятий. Эти исследования и выводы оказали влияние на тюркское языкознание. Некоторые ученые-тюркологи пытаются решить вопрос о разграничении данных понятий, опираясь на указанные выше критерии и заключения. Например, А.Н. Кононов в «Грамматике современного турецкого литературного языка» характеристику глагола разделил на

две части: «I. Формообразование глагола; II. Словообразование глагола» [Кононов, 1956, с. 190]. К первой группе он относит категорию залога, виды глагола, время и категории наклонения, (лицо и число глагола), модальные формы глагола, причастия и деепричастия. Таким образом, рассматривает формообразование и словоизменение глагола в одной группе. Однако не использует термин «словоизменение».

Обычно в грамматиках тюркских языков в качестве морфологических явлений, определяющих состав слова, даются термины «словообразование» и «словоизменение». Если в некоторых трудах термин «словоизменение» заменяется термином «формообразование» и они даются в качестве взаимозаменяемых синонимов, то в отдельных работах эти термины рассматриваются как отдельные понятия. В поздних тюркских языках, а именно в грамматиках караимского, гагаузского, карачаево-балкарского языков, характеристика частей речи также осуществляется в двух частях: 1) словообразование; 2) словоизменение.

Одним из ученых, глубоко исследовавших структуру тюркских языков, является Н.А. Баскаков. По его мнению, существует особая синтаксическая характеристика словоизменения, то есть поскольку словоизменение является системой формальных показателей слов в словосочетаниях и предложениях, то оно воспринимается в качестве «морфологии словосочетаний и предложений» либо «синтаксической морфологии». Ученый не признает термин «формообразование», он заявляет, что «словоизменение по своей истинной сути предполагает формообразование», и считает, что между этими понятиями нет никакой разницы.

Понятие словообразование Н.А. Баскаков относит к лексической морфологии и объясняет как систему формальных показателей образования нового слова. Автор воспринимает словообразование и словоизменение как совокупность морфем языкового механизма, совокупность грамматических показателей. Кроме того, ученый делает следующее заключение: система словообразования «определяет чистые синтаксические отношения членов словосочетаний и предложений» [Баскаков, 1986, с. 7–8].

Одним из заслуженных ученых-тюркологов, внесших вклад в дело разграничения указанных выше понятий, является М.А. Хабичев. Опираясь на факты карачаево-балкарских языков, автор

продемонстрировал особенности этих трех понятий: «Если словообразовательные аффиксы образуют новое лексическое значение слова, а формообразующие не образуют новое лексическое слово, они присоединяются к основе, либо к производному корню, слово приобретает новое грамматическое значение. Это значение бывает разным: зависимое, сравнительное, аналогичное, уменьшительное, относительное и т.д. Некоторые аффиксы формообразования бывают многозначными и играют синкретическую роль. Иногда формообразующие аффиксы, образуя новое значение, переходят в словообразующие» [Хабичев, 1977, с. 7].

Автор также показывает различия формообразующих аффиксов:

1) формообразующие аффиксы в основном предшествуют словоизменительным;

2) имена с формообразующими аффиксами принимают на себя аффиксы словоизменения;

3) значение формообразующих аффиксов шире значения аффиксов словоизменения;

4) аффиксы формообразования имен присоединяются только к именам и субстантивированным словам;

5) имена, оканчивающиеся на формообразующие аффиксы, в предложении выполняют функцию подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства;

6) отдельные формообразующие аффиксы не подчиняются гармонии гласных и согласных: ср. к.-балк. -ча и кумык. -нуки;

7) формообразующие аффиксы включаются в состав основы;

8) формообразующие аффиксы способны наслаиваться друг на друга, что является доказательством дальнейшего развития грамматических значений слов: *юйнюкю-юйнюкюдеги* [Там же, с. 8].

Автор, опираясь на факты кумыкского языка, говорит о том, что существует возможность разделения постфиксов на четыре вида: «словообразующие аффиксы (суффиксы), формообразующие аффиксы (суффиксы), синкретические аффиксы (суффиксы), словоизменительные морфемы (флексии), обладающие своеобразными структурно-семантическими и грамматическими особенностями» [Там же, с. 34].

М.А. Хабичев применяет термин «формообразование» в двух значениях: «В узком значении: аффикс, присоединяясь к основному и производному корню, не образует новое слово, добавляет

дополнительное грамматическое значение и образует следующие формы: притяжательную, относительную, сравнительную, уподобительную, уменьшительную, обладания, привативную, степени сравнения, неполноты качества» [Там же, с. 34–35]. Второе: «формообразование в широком смысле в тюркских языках включает в свой состав аффиксальное формообразование (т.е. суффиксальное формообразование), аналитическое формообразование (описательное или сложные формообразования путем сочетания слов), флексивное формообразование (словоизменение)» [Там же, с. 179]. Кроме того, автор дает общую характеристику формообразовательных и словообразовательных аффиксов, их языковых особенностей (фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических), показывает, какие грамматические категории к ним относятся, и дает всестороннее пояснение, для каких частей речи они характерны.

Система словообразования в тюркских языках достаточно полно освещается и в монографии В.Г. Гузева. Автор проводит сопоставительный анализ словообразования и словоизменения в качестве сходного морфологического механизма языка. Определяет их отличительные особенности: «...словообразование в ряду других подсистем языковой системы представляет собой совокупность языковых средств, используемых для создания фонем с новым лексическим значением на базе уже имеющихся в языке лексических единиц» [Гузов, 1987, с. 39].

В отличие от словообразования словоизменение предстает как совокупность языковых средств, используемых при порождении речи для производства разнообразных словоформ; в его основе лежат следующие операции с языковыми значениями: «1) сочетание знаменательных или служебных лексических значений со служебными грамматическими (последнее в случае, например, склонения служебных слов); 2) окказиональное (т.е. осуществляемое эпизодически, лишь при наличии коммуникативной необходимости) сопряжение значений отдельных лексем и комбинаций значений, репрезентируемое в речи словоформами или словосочетаниями с классифицирующими грамматическими значениями, в результате чего мыслительное содержание, передаваемое с помощью слов, словоформ или словосочетаний, предстает в образах предметов, признаков или обстоятельств» [Там же, с. 39].

Систему словоизменения с лексико-коммуникативной точки зрения также рассматривают с двух сторон: 1) формообразование, которое имеет целью репрезентацию в речи какого-либо частного категориального значения; 2) формоизменение, которое направлено на репрезентацию не самого категориального значения, а одного из предметов, вступающих всегда в одной и той же роли в ту связь, которая передается категориальным значением.

Формообразование – основная разновидность словоизменения, куда входят грамматические формы и категории с их категориальными значениями. Исключительно к сфере формообразования относятся рассмотренные одночленные категории и многочленные (склонения, субъективной оценки, количественной соотнесенности).

Формоизменение – разновидность словоизменения, которая представляет собой свойственный лишь некоторым многочленным категориям (принадлежности, сказуемости) механизм изменения (спряжения) форм, не затрагивающих их категориального значения [Там же, с. 137].

Л.А. Покровская поддерживает деление аффиксов в тюркских языках по традиции русского языкознания на три группы: словообразовательные, формообразующие и словоизменяющие. Однако в тюркских языках нет ни флексий, ни суффиксов, поэтому для различения словообразовательных и формообразующих аффиксов в этих языках необходимо найти собственные критерии. В качестве такого критерия автор предлагает классификацию аффиксов и отмечает, что в тюркских языках среди формообразования, словообразования и словоизменения аффикс представляет собой отдельное морфологическое явление [Покровская, 1990, с. 14–16].

Анализ приведенных выше трудов по тюркскому языкознанию позволяет выявить общую тенденцию. Исходя из значений, которые придают словам аффиксы, и функции, которую они выполняют, можно выделить три языковых процесса – словообразование, формообразование и словоизменение. Если названные авторы пришли к определенному единому мнению о словообразовательных аффиксах, то относительно двух других встречаются противоречивые мнения.

Подытоживая сказанное, отметим, что необходимо разделить понятия словообразование и словоизменение. К словоизменению мы отнесли формообразование и систему парадигматических

изменений слов. Формообразование охватывает суффиксы, порождающие оттенки значений имен существительных, суффиксы принадлежности, степени сравнения имен прилагательных и наречий, формы порядковых числительных, категории залога, причастия, деепричастия, наклонения, времени и окончаний – показателей единственного и множественного числа, а словоизменение охватывает окончания форм склонения, спряжения, притяжательных форм. В этом случае мы использовали термин «словоизменение» в двух значениях. В первом, широком смысле словоизменение, образуя различные грамматические формы слов, приводит к изменениям форм, во втором, узком значении – к изменению при помощи окончаний форм склонения, спряжения притяжательных форм.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 4-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
- Баскаков Н.А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Сов. тюркология. – 1986. – № 2. – С. 3–11.
- Бондарко А.В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – М., 1974. – № 2. – С. 3–14.
- Герд А.С. Словообразование, формообразование и словоизменение // Лингвистика и модели речевого поведения: межвуз. сб. – Л., 1984. – С. 3–20.
- Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 141 с.
- Демешко И.Н. Морфонологические параметры словообразовательных гнезд с глагольными основами // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: матер. III междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2013 г. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «SociosféraCZ», 2013. – 260 с.
- Жирмунский В.М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 291 с.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
- Кубрякова Е.С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // ИАН. Сер. Литература и язык. – Т. 35, № 6. – М.: Изв. АН СССР, 1976. – С. 514–526.
- Лыкова Н.А. О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке // Филологические науки. – М., 1981. – № 3. – С. 48–53.
- Покровская Л.А. Формообразование и его отношение к словоизменению в тюркских языках // Сов. тюркология. – 1990. – № 1. – С. 12–16.
- Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967. – 252 с.
- Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Восточная литература, 2005. – 1058 с.
- Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение: опыт сравнительно-исторического изучения. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1977. – 110 с.

A.O. Ybyrayem

From the history of the study of word forms in Turkic linguistics

In modern linguistics formed grammatical concepts associated with the structure of words, such as word formation, shaping and inflection. Obviously, these concepts are closely associated with form words, especially with additional morphemes. Named concepts have been the object of numerous studies in Russian linguistics, but in Turkic studies still have not found a clear understanding. The main reason for this is the fact that Turkic linguists rely on scientific works of researchers of the Russian language. However, the criteria of studying the Russian language, belonging to the group of inflected, cannot fully meet the criteria of the study of Turkic languages, belonging to the group of agglutinative. In this direction should consider the functional activities and grammar of Turkic languages. This article comprehensively examines the forms of words in Turkic languages, held of the distinction between word-formation, formation and inflection, and analyzed the specific features of these concepts, and finally we get to the inflection carried the shaping and system of paradigmatic changes of words.

Keywords: linguistics, word formation, shaping, the system changes the words, affix, suffix, morpheme, root, grammar, word forms, the structure of words.

Средства выражения эвиденциальности в якутском языке: формы изъявительного наклонения глагола (в сопоставлении с хакасским языком)*

В статье рассматриваются совмещенные средства выражения эвиденциальности в современном якутском языке – формы времени изъявительного наклонения глагола в сопоставлении с современным хакасским языком. Установлено, что в сопоставляемых языках формы настоящего актуального и недавнопрошедшего времени могут употребляться для обозначения прямой эвиденциальности. Подобное типологическое явление в системе средств выражения эвиденциальности свидетельствует о древнем характере этих полифункциональных темпоральных показателей. Анализ фактического материала показал, что в якутском языке, в отличие от хакасского языка, для передачи данной семантики задействованы еще три формы прошедшего времени. Три другие формы прошедшего времени, в том числе форма прошедшего результативного времени первого – перфекта – могут использоваться для выражения косвенной эвиденциальности и ее структурно-семантической разновидности – митаривности. В отличие от специализированных средств выражения косвенной эвиденциальности, которые оформляются частицами, данные формы полифункциональны и характеризуются контекстуальной обусловленностью. В современном хакасском языке якутской форме на *-быт* соответствует форма на *-ган*, которая, по данным выборки, в качестве средства выражения эвиденциальности не употребляется. Материалы и результаты настоящего исследования могут быть полезны при изучении средств выражения эвиденциальности в других тюркских языках.

Ключевые слова: якутский язык, хакасский язык, изъявительное наклонение, время, эвиденциальность, митаривность.

В якутском языке для выражения эвиденциальности используются определенные формы времени глагола изъявительного наклонения, прежде всего, форма на *-т* (недавнопрошедшее время / претерит) и *-быт* (прошедшее результативное время первое / перфект) [Данилова, Ефремов, Самсонова, 2013].

В других тюркских языках эвиденциальные значения тоже проявляются в формах времен. Исследователи пишут, что в современных тюркских языках, а также в языке памятников древнетюркской рунической письменности (8–9 вв. н.э.) в формах прошедших времен существует и существовало четкое системное противопоставление претерита *-di* и перфекта *-mis* по признаку эвиденциальности [Исхакова, Насилов, Невская, и др., 2007, с. 473]. Претерит *-di* выражает очевидность, несомненность события, причем говорящий или лично его наблюдал, или участвовал в нем, или знает о нем из абсолютно точных источников, а форма на *-mis* передает «заглазное», неочевидное событие, о котором говорящий знает из косвенных источников [Там же].

Системное противопоставление формы на *-du* (только очевидное действие) и перфектной формы на *-ган* (~-миш) как неочевидной отмечается в тувинском языке и частично в тофаларском, в других тюркских языках различие этих форм по эвиденциальности в основном имеет нерегулярный характер [Там же, с. 474]. Обе эти формы противопоставлялись в древнетюркском в повествовательном режиме – простом нарративе – только по видовому признаку: *-mis* (или *-ган*) как типичный перфект с результативным значением (создание фона); *-di* как форма прошедшего времени, лишенная видовых и модальных признаков, для передачи последовательных событий. Эти же функции сохраняются и в современных тюркских языках [Там же].

В данной статье формы времени изъявительного наклонения с эвиденциальным смыслом в якутском языке впервые освещаются в сопоставлении с одним из тюркских языков Южной Сибири – хакасским.

Обсуждаемое наклонение называется основным наклонением и, в отличие от косвенных на-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-14-14004 а (р).

клонений, не имеет специальных грамматических показателей [Коркина, 1970, с. 32]. Данное наклонение характеризуется формами трех абсолютных времен: прошедшего, настоящего, будущего. Прошедшее время имеет восемь структурно-семантических разновидностей, а форма настоящего времени – полифункциональна, обозначает в т.ч. и будущие события и называется формой настоящего-будущего времени. Будущее время характеризуется двумя семантическими разновидностями: близкое будущее время и отдаленное.

Значение эвиденциальности выражается формами настоящего-будущего и прошедшего времен. Они выступают, прежде всего, как совмещенные средства передачи прямой и косвенной эвиденциальности. Форма настоящего актуального времени используется для описания прямой эвиденциальности. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в якутском языке, как уже отмечалось, представляются восемью разновидностями, из которых семь структур, за исключением давнопрошедшего эпизодического времени, совмещенно употребляются для выражения эвиденциальности, из них четыре формы: недавнопрошедшее, преждепрошедшее повествовательное, прошедшее результативное время второе, прошедшее незаконченное (имперфект) употребляются при обозначении прямой засвидетельствованности; другие три: прошедшее результативное первое, прошедшее эпизодическое и давнопрошедшее (предпрошедшее) встречаются в конструкции косвенной эвиденциальности.

Временные формы, выражающие прямую эвиденциальность

1. Форма настоящего-будущего времени (-ар). Данная форма времени многозначная: в зависимости от контекста ею обозначаются события, соотнесенные с планом настоящего или будущего времени. Кроме того ею описываются узуальные, повторяющиеся действия. Значение прямой эвиденциальности выражается обычно в тех случаях, когда эта форма реализуется в глагольных аналитических конструкциях (ГАК). Подобные ГАК представляются деепричастием на -а в сочетании с глаголами *сыт-* 'лежать', *олор-* 'сидеть', *тур-* 'стоять' (глаголы позиции), *сырыт-* 'находиться', а также *ис-* 'идти' (сочетается с деепричастием на -ан /-а). Такими ГАК передается значение конкретного – актуального настоящего времени: *Сэбирдэх Уйбаан илимин абырахтана олорор* 'Иван Сэбирдэх сидит – чинит свой рабо-

ловный сак'; *Остуол анныгар бурдук тохтубута туртайа сытар* 'Под столом белеет просыпанная мука'; *Аттаах дьон буруйдаахтары тутан иһэллэр* 'Всадники гоном ведут сюда преступников' [Коркина, 1970, с. 47]; *Ийэтэ тахсан ынахтарын ыы сырытта* 'Его мать вышла и занялась доением коров' [Харитонов, 1960, с. 92].

В хакасском языке «значение настоящего времени» [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 200] имеет четыре формы: -ча/-че или -чадыр/-chedip; -дыр/-dip; -ир; одыр- 'сидеть', тур- 'стоять', чөр- 'ходить'. При выражении прямой эвиденциальности употребляется форма на -ча/-че в значении «действие, совершаемое в данный момент, в момент речи»: *Нога одырбинчазыр?* 'Почему не садитесь?' [Там же, с. 202]. Форма на -ча, осложняясь аффиксом модальности -тыр (-чат +дыр), описывает «действие, о котором говорящий до момента речи ничего не знал, о котором говорящий обнаружил только сейчас»: *ойнапчаттырзың* '(ты) играешь, оказывается' [Там же, с. 203]. Указанное значение – это семантика эвиденциальности, осложненная миративным смыслом. В якутском языке подобная семантика выражается конструкциями с частицей *эбит* 'оказывается': *Кини кэлбит эбит* 'Оказывается, он пришел'.

В хакасском языке форма на -дыр / -dip может осложняться другим показателем настоящего времени -чат /-чет: *чадыпчададыр хыс пала* 'лежит (сейчас) девочка' [Там же, с. 205].

В хакаских фольклорных текстах иногда употребляются формы на -дыр / -dip и *чададыр/-chededip* (форма на -дыр / -dip, осложненная другим показателем настоящего времени -чат /-чет), выражающие в отдельных случаях действие данного момента. В литературном хакасском языке эти формы почти не употребляются для выражения указанного значения. Примеры: *Аттың ахсын тохтада тартып, архы сарин харап турадыр* 'Остановив коня (букв.: потянув рот коня до остановки), стоит, осматривая ту сторону [хребта]'; *От отахтың түбне кіріп, чадыпчададыр хыс пала* 'Забравшись в глубину травяного шалаша, лежит (сейчас) девочка' [Там же, с. 205].

Форма настоящего времени на -ир в хакасском языке выражает очевидное действие, совершаемое в данный момент: *Олар мині сүрізіп килилер* 'Они в погоне за мной едут (сюда)' [Там же, с. 206]. Данная форма в структурно-семантическом плане схожа с якутской формой на -ар.

Формы настоящего времени хакасского языка, образованные при помощи ГАК «полная или усеченная форма деепричастия на *-ын* + вспомогательные глаголы *одыр-* ‘сидеть’, *тур-* ‘стоять’, *чөр-* ‘ходить’», выражают «очевидное действие, находящееся в данный момент в развитии»: *Көрзем, кіріп одырлар, ікөлең, бригадирнаң хада* ‘Смотрю, входят вдвоем, вместе с бригадиром’ [Там же, с. 207]. В якутском языке подобные фразы передаются конструкциями с предикатом препозитивной части, выраженным причастием на *-быт* в лично-числовом оформлении: *Көрбүтүм, иккиэн киирэн иһэллэр* ‘Смотрю, они входят вдвоем (в дом)’.

2) Форма недавнопрошедшего времени. Во временном значении данной формы наличествует семантика прямой засвидетельствованности, что отмечается Е.И. Коркиной [1970, с. 71]: основное значение этой формы «состоит в выражении определенного, совершенного незадолго до момента речи действия-состояния, очевидцем которого является само говорящее лицо, или в выражении действия-состояния, известного из таких источников, объективность которых для говорящего не подлежит сомнению». Примеры: *Үүйэ таһырдыа ыстанна* [Попов, 2004, с. 31] ‘Юя выскочила на улицу’; *Сарт кутуруга буола саһарбыт халдыаайы саҕатыттан сүөһү орулуура ынырыктык сатараан иһилиннэ* [Гоголев, 1979, с. 8] ‘С окраины южного склона косогора, который пожелтел, словно хвост сокола, донесся, страшно отдаваясь, рев скотины’.

В вышеприведенной последней фразе имеет место подлежащая зависимая часть, описывающая аудитивный факт (рев скота), что воспринимается слуховым способом, представленным глагольным сказуемым главной части с аудитивной семантикой. Главное сказуемое выражено глаголом недавнопрошедшего времени в форме страдательного залога, поэтому свидетель события в языковом плане характеризуется как обезличенный.

В нижеследующем сложном предложении бессоюзной модели сказуемое препозитивной предикативной единицы выражено глаголом физического воздействия на объект, а предикат постпозитивной единицы представлен глаголом перемещения. Данное предложение используется в нарративном режиме в художественном тексте. В подобных случаях форма недавнопрошедшего времени, которая в условиях конкретного комму-

никативного акта имеет значение прямой засвидетельствованности, характеризуется стилистической функцией, представляющей описываемое событие как происходящее на глазах у читателя: *Сиидэркэ дьизтин аанын аста, Бэдэр Харах сааранныы түһээт, киристэ* [Гоголев, 1979, с. 9] ‘Сидорка открыл дверь дома, Рысий Глаз, немного замешкавшись, тоже зашел с ним’.

В хакасском языке якутской форме на *-т* соответствует форма недавнопрошедшего времени на *-ды*. Она выражает «действие, совершившееся, с точки зрения говорящего, недавно, непосредственно перед моментом речи» [Грамматика хакасского языка..., 1975, с. 208]: *Городыми соох тычырап читти* ‘В мой город пришел трескучий (букв.: треща) мороз’.

3) Форма преждепрошедшего повествовательного времени. Данная форма образуется на основе причастия на *-быт* и характеризуется аффиксами принадлежности в функции л.-ч. субъекта действия. Она «передает, как и прошедшее определенное (категорическое) время, определенное, реально уже совершившееся к моменту речи действие, участником, свидетелем которого было говорящее лицо, и в объективности которого последнее совершенно уверено» [Коркина, 1970, с. 78]. Как видно, значение прямой засвидетельствованности включается в семантическую структуру этой формы, что говорит о важной роли обсуждаемой категории в развитии временных форм якутского глагола. В отличие от формы на *-т* обсуждаемая форма «употребляется преимущественно в повествовательной речи для рассказа о событиях сравнительно большой давности» [Там же, с. 78].

Иногда эта форма употребляется совместно с формой на *-т*. В нижеследующем примере в форме на *-т* выступают глаголы речи, возглавляя конструкции чужой речи: *Нэһилиэк советыттан Мэхээчэ уол совет чилиэнэ Нукуйа уола Дабыыты илдьэ тиийэн кэлбитэ уонна: үрдүкү суут уураабынан, бүгүнгү күнтэн ыла бары сүүйсүүлээх оонньуулар, ол иһигэр ат сүүрүүтэ эмиэ бобулар буолбутун туһунан биллэрдэ, итинэн аттары сүүрдүбэккэ, дьону тарҕатарга эттэ* [Таас, 2004, с. 10] ‘Из наследного совета пришел парень Мехача вместе с Давидом, сыном члена совета Никуи, и объявил о том, что по постановлению верховного суда с сегодняшнего дня запрещаются все азартные игры, в том числе конные скачки тоже, и велел распустить людей’.

Контекстуальная обусловленность формы на *-быта* в выражении прямой эвиденциальности отчетливо проявляется в нижеследующем примере: – *Кыыспыт бэйэтэ өлбүтэ... уолбутун собуруу үөрэнэ сырыттабына, ыраахтаабы өлөрбүтэ* [Амма Аччыгыйа, 1970, с. 294] ‘– Наша дочь умерла сама (в результате болезни) ... сына, когда он учился в центре, убил (казнил) царь’. В этом высказывании форма на *-быта* употреблена в одном случае в качестве средства прямой эвиденциальности, во втором – как маркер достоверности.

4) Форма прошедшего результативного времени второго. Ее структура аналитическая – деепричастие на *-ан* + служебный глагол *тур-* в форме настояще-будущего времени. Она «выражает преимущественно очные действия, совершенные самим говорящим лицом или другими лицами в их присутствии. Одновременно ... может обозначать и заочные действия, достоверность которых для говорящего не подлежит сомнению» [Коркина, 1970, с. 95]. Как видно из вышеизложенного, данной формой передается, прежде всего, достоверное сообщение, где говорящий был свидетелем (прямая эвиденциальность): *Комсомолецтар ыарахан эбэтэр үөрүүлээх кэмнэригэр ЫБСЛКС райкомугар хомолторун, ситиһилэрин биллэрэр буоллахтарына, оннук райком комсомолецтарын ортотугар улахан авторитеттаабын туһунан соторутаабыта буолан ааспыт ЫБСЛКС обкомун пленумугар партия обкомун секретара Георгий Савельевич Кырдыабааһап этэн турар* [Хоро Бүөтүр, 1993, с. 30] ‘Если комсомольцы в тяжелые или радостные времена общаются райкому ВЛКСМ свои огорчения, успехи, то на недавнопрошедшем пленуме обкоме ВЛКСМ секретарь обкома партии Георгий Савельевич Кыржагасов сказал о том, что он имеет большой авторитет среди таких комсомольцев райкома’.

5) Форма прошедшего незаконченного времени (имперфект). Она образуются аналитическим и синтетическим способом: *-ар + эт-* + афф. л.-ч.; *-ар + афф. принадлежности* в значении л.-ч. Эта форма обозначает «такое совершившееся в прошлом действие, которое имело длительный характер, то есть длилось довольно продолжительное время в прошлом» [Коркина, 1970, с. 121].

Данная форма характеризуется значением прямой эвиденциальности, когда она описывает не узуальные, а конкретные – темпорально лока-

лизированные события: *Герасим аҕабыт большевиктартан ити өһүн-сааһын төһө да ситиһиэн баҕардар, ону туһунан ситиһиэбин кыайан тобул-а илик этэ* [Эрилик Эристиин, 1954, с. 17] ‘Священник Герасим, хотя и сильно желал реализовать свою месть большевикам, но еще не знал, как этого добиться’.

Синтетический – стяженный вариант прошедшего незаконченного времени имеет широкое употребление, и, видимо, поэтому О.Н. Бетлингк, Д. Хитров и Л.Н. Харитонов обращали свое внимание на эту форму. По этому поводу Е.И. Коркина [1970, с. 119] пишет: «Можно говорить о заметной тенденции превращения формы *этэ* в аффикс». Например: *Халамнаайы мууһугар кыракаан баҕайы уолчаан ойбон алларан, анньытын тыаһа курдурбаан-чыбырбаан, дьыбардаах халлаанна иһиллэ тур-ар-а* [Ойуунускай, 1975, с. 162] ‘На льду озера Халамнай совсем маленький мальчик прорубал прорубь, и звон его пешни, хрустя, доносился на морозном воздухе’.

Обсуждаемая структура в отрицательном аспекте (показатель *-бат*) обычно снабжается формообразующей частицей *этэ*: *Ол эрэри кини сэрии уотугар сылдьан өлбүт большевиктар ийэлэрэ уонна аҕалара оһолорун аһыытыгар төһө муһу-сору көрбүттэрин туһунан өйдөөбөт этэ* [Эрилик Эристиин, 1954, с. 17–18] ‘Однако он не понимал, как матери и отцы большевиков, которые погибли в огне этой войны, понесли такие чудовищные страдания из-за потери своих детей’.

Что касается стяженного варианта имперфекта, то он при трансформации в форму косвенной засвидетельствованности сохраняет свою структуру, что связано с наличием аффикса принадлежности в данном варианте прошедшего незаконченного времени. Указанная структура, как показывает наша выборка, является наиболее частотной, о чем свидетельствует и опрос информантов. Ср.: *Ол ыт оһото хойут өргө диэри биһигим таһыгар утуйара үһү* [Үһүйээннэр, номохтор, 2006, с. 7] ‘Говорят, этот щенок потом допоздна спал возле моей колыбели’.

Временные формы, выражающие косвенную эвиденциальность

1) Прошедшее результативное время первое (перфект) в зависимости от контекстуальных условий фразы передает значение косвенной эвиденциальности.

Перфект в тюркских языках первоначально возник как видовая форма, которая «затем про-

шла длительный и сложный путь переосмысления во временную» [Коркина, 1970, с. 85]. Его значение – выражение прошлого действия, «результат которого *ощущается* в виде следствия в настоящем, то есть в момент речи, и на этом результате действия сосредотачивается *главное внимание* (курсивы наш – Н.Е.) говорящего лица» [Там же, с. 84]. Как видно из вышеизложенного, говорящий наблюдает не само действие, а только его результат (следствие), акцентируя внимание на последнем. Это, в свою очередь, говорит о том, что говорящий не является непосредственным свидетелем сообщаемой информации. Тот факт, что основное внимание говорящего сосредотачивается на результате действия, указывает и на наличие миративного значения во фразах, формирующихся обсуждаемой формой. Итак, в форме перфекта может проявляться косвенная эвиденциальность, осложненная миративным смыслом [Данилова, Ефремов, Самсонова, 2013, с. 95–96]. В подобных высказываниях передается информация о том, что говорящий воспринимает сообщаемое явление или факт не как свидетель, а по его результату (следствию). Последнее характеризует данную разновидность косвенной эвиденциальности как контекстуально-зависимую, немаркированную. Ср.: *Кини кэлбит* ‘Он пришел (говорят)’ (контекстуальная обусловленная косвенная эвиденциальность) и *Кини кэлбит үһү* ‘Говорят, он пришел’ (косвенная эвиденциальность, маркированная частицей); *Кини кэлбит эбит* ‘Оказывается, он пришел’ (косвенная эвиденциальность, осложненная немаркированным миративным смыслом) и *Кини кэлбит эбит ээ* ‘Оказывается, он пришел’ (косвенная эвиденциальность с миративным смыслом, выраженным частицей ээ).

В хакасском языке эквивалентом якутской формы на *-быт* является форма на *-ган*. Однако, в отличие от якутской формы, при «употреблении формы на *-ган* для говорящего безразлично, известен ли этот факт из личного наблюдения или же только со слов» [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 211–212]. Поэтому эту форму нецелесообразно рассматривать как средство выражения эвиденциальности. Что касается эвиденциально-миративного значения, то оно в хакасском языке передается формами с *-тыр*: *Волосьтан сурагчы килтир* ‘Из волости свидетель **приехал, оказывается**’ [Каксин, 2013, с. 247].

2) Форма прошедшего эпизодического времени. Она имеет три разновидности: *-быт* + *-лаах* +

афф. сказуемости; *-быт* + афф. принадлежности + имя наличия *баар*; *-ан* + форма настоящего-будущего времени от служебного глагола *тур-* + *-лаах* + афф. сказуемости. Посредством этой формы обозначаются случайные, носящие эпизодический, нерегулярный и однократный характер, прошлые действия. Это время носит и видовое значение – выражает однократность действия [Коркина, 1970, с. 101]: *Иннэри Дьарааһын бэйэтин ойобун дэлби кырбаабытын иһин икки сылга хайыыга эмиэ олорон турардаах* [Таас, 2004, с. 6] ‘Был случай, когда Иннэри Герасим за то, что жестко избил свою жену, два года отсидел в тюрьме’.

Вторая форма этого времени: *-быт* + показатель лица-числа + *баар*, «может приобретать дополнительный модальный оттенок удивления возмущения, досады говорящего лица совершенным или несовершенным в прошлом кем-то действием», что можно квалифицировать как эвиденциально-миративное значение: *Маайа барахсан, Даайыһы көрсүөм этэ диэн, бачча дойдуга ат аттанан кэлэн испитэ баар* [Коркина, 1970, с. 102] ‘И подумать только, бедная Мая из-за одного желания повидаться с Даем *приехала же* (букв.: *стала же приезжать*) в такую даль!’.

3) Форма давнопрошедшего (предпрошедшего) времени (*-быт эт-* + аффикс лица-числа) в зависимости от характера лексико-грамматического наполнения состава сложного предложения (сказуемое препозитивной части выражается глаголом восприятия) описывает косвенную эвиденциальность: *Мин түннүгүнэн тиийэн көрбүтүм саалаах дьон дьиэни тула турбут этилэр* [Там же, 1970, с. 126] ‘Когда я **посмотрел**, подойдя к окну, оказалось, что вооруженные люди окружили дом’.

Таким образом, некоторые временные формы изъявительного наклонения в якутском языке являются совмещенными – неграмматическими средствами выражения эвиденциальной семантики, а также эвиденциально-миративного значения. Это формы на *-ар* в значении настоящего актуального времени; прошедшего времени на *-т* (недавнопрошедшее), на *-быт* с показателем лица в форме притяжания (преждепрошедшее повествовательное время); на *-быт* с аффиксом сказуемости (перфект). Кроме этих форм употребляются и другие: на *-ан турар* (прошедшее результативное время второе); на *-ан турардаах* (прошедшее эпизодическое время); на *-ар этэ* (имперфект); на *-быт*

+ *этэ* (давнопрошедшее (предпрошедшее) время). По результатам предварительного исследования, общими средствами выражения эвиденциальности в сопоставляемых языках являются формы настоящего времени и недавнопрошедшего времени.

Литература

- Амма Аччыгыйа. Талыллыбыт айымнылар. – Т. IV. – Якутск, 1970.
 Гоголев И.М. Хара кыталык: роман. – Якутск, 1979.
 Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Гл. редакция вост. лит.-ры, 1975. – 418 с.
 Данилова Н.И., Ефремов Н.Н., Самсонова Е.М. Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – 249 с.
 Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В. Эвиденциальность в тюркских языках //

Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469–518.

Каксин А.Д. Репрезентация эвиденциальности и миративности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 247–249.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымнылар. – Т. II. – Якутск, 1975.

Попов Л.А. Күндэли. – Якутск, 2004.

Таас Дмитрий. Сырдык аартык. – Якутск, 2004.

Үһүээннэр, номохтор / сост. М.С. Иванов-Багда-рыын Сюлбэ. – Кн. II. – Якутск, 2006.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 179 с.

Хоро Бүөтүр. Умнуллубат сайын. – Якутск, 1993.

Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымнылар. – Якутск, 1954.

N.N. Efremov

Means of expression of evidentiality in the Yakut language: the forms of the indicative mood of the verb (in comparison to the Khakas language)

The article deals with combined means of expression of evidentiality in modern Yakut language – forms of the verb indicative mood in comparison with the modern Khakas language. It is established that in compared languages the forms of the present relevant and immediate past time can be used to indicate direct evidentiality. Such a typological phenomenon in the system of means of expression of evidentiality indicates about ancient nature of these multifunctional temporal indicators. The empirical analysis showed that in the Yakut language, in contrast to the the Khakas language, to transfer the semantics involved three forms of the past tense. Three other forms of the past tense, including a form of the past effective time of the first – perfect – can be used to express indirect evidentiality and its structural and semantic varieties of eratively. Unlike the specialized means of expressing indirect evidentiality, which are made of particles, the form data is multifunctional and characterized by contextually conditionality. In the modern Khakas language, Yakut form on - byt corresponds to the form on - gan, which, according to the sample, as a means of expression of evidentiality is not used. Materials and results of the present research may be useful in the study of the means of expression of evidentiality in other Turkic languages.

Keywords: Yakut language, Khakas language, the indicative mood, tense, evidentiality, eratively.

УДК 811.512. 157'366.4

И.Б. Иванова

Языковые средства выражения меры объема и веса в якутском языке

Статья посвящена рассмотрению лексических и грамматических средств выражения функционально-семантического поля объема и веса в якутском языке, которое является одним из составляющих функционально-семантической категории меры и величины. Объектом исследования являются языковые средства выражения измерения объема, веса, недискретного количества. Помимо ядерных официальных международных терминов измерения объема и веса в якутском языке, зафиксированы неофициальные единицы измерения в виде названий сосудов, в которые можно засыпать, налить или хранить в них сыпучие или жидкие продукты. В виде пе-

© И.Б. Иванова, 2016

риферийных лексических средств нами были выявлены заимствованные из русского языка лексемы, которые обозначают части, доли чего-либо; лексемы, которые указывают на количество недискретных веществ в замороженном виде; слова, количественный компонент которых образован в процессе вторичной номинации путем метафорического переноса, т.е. имена существительные с вторичным метафорическим значением количества, модальные части речи, частицы, фразеологические единицы, состоящие из глагольных имен с аффиксом *-нан*. Таким образом, выявлены основные лексические (метрологические наименования), фразеологические обороты, лексико-морфологические, лексико-грамматические средства выражения измерения объема и веса в якутском языке.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая грамматика, категория меры, величины, недискретного количества, мера, величина, измерение, языковые средства выражения измерения объема, веса, ядерные и периферийные средства.

В настоящее время в отечественном языкознании особенно актуальными становятся исследования языка в функционально-семантическом аспекте. Изучение языковых единиц разных уровней, входящих в состав функционально-семантического поля, способствует углублению нашего представления о системном характере языка, об органической связи единиц языковых уровней в процессе их функционирования в речи. В целях комплексного рассмотрения функционально-семантических понятий меры и величины, а также количества недискретных предметов объектом данного исследования стали языковые средства выражения измерения объема и веса, которыми якутский народ оперирует по сей день, но в основном в разговорной речи. Как и в любом другом языке, в якутском имеется огромный арсенал языковых средств, выражающих также функционально-семантические понятия измерения, величины, такие, как длина, расстояние, объем, масса, площадь и т.д., большинство которых не функционирует в роли единиц измерения в полной мере, а представляет собой лексическое богатство и внутреннюю красоту языка. Они настолько глубоко вжились в наш обиходный мир, что не могут быть забыты носителями и никакие международные термины не смогут вытеснить их, так как данные средства мы используем каждый день, и они понятны для всех.

Понятия объема и веса входят в функционально-семантическую группу меры, величины, недискретного количества. Недискретные вещества – это вещества, которые не делятся на элементы, они могут быть только расчленены на «порции» или «части» [Плунгян, 2011, с. 212]. В данную группу входят объем жидкости, сыпучих продуктов, удельный вес отдельных предметов. Единицами измерения объема служат *литр*, *миллилитр* (международная система единиц), *кубическая сажень*, *штоф*, *гарнец* (старые русские меры) и т.п.

Также используются международные термины измерения массы, веса: *маасса* ‘масса’, *килэ* ‘килограмм’, *лиитэрэ* ‘литр’, *миллилиитир* ‘миллилитр’ и др. Известно, что якутский народ измерял массу пудами: *буут* ‘фут’, *бонпууда* ‘полпуда’. В пуде 16,38 кг или 40 фунтов. Ср.: башк. «бот», ног., хак. «пуд», кирг. «бут», кумык. «пуд» или «пут» [Асадулаева, 2014, с. 23]. *Сүөдэркээн ол бонпууда бурдукка үөрэн өлө сыста* ‘Федор не мог нарадоваться полпуду муки’ (НЗ КДУ 277). *Хонооһой оҕонньор арыыны ыйаан көрбүтэ, буут уон абыс муунта табыста* ‘Когда старик Хоносой взвесил масло, получилось пуд и восемнадцать фунтов’ (К КТ 25).

До прихода русских якуты для измерения какого-либо количества сыпучих и жидких продуктов использовали любые подходящие для этого емкости. В быту, в народной практике объем и вес часто измерялись сосудами, которые являлись единицами измерения не только сыпучих веществ, но и других продуктов (рыбы, меда, масла, лука, молока, вина) [См.: Лебединская, 2014]. В.Л. Сорошевский утверждает, что якуты ценили медь, медные сосуды, о чем свидетельствует небольшая заметка М. Фишера в работе «Якуты»: «Якуты за медные котлы, которые им понравились паче других российских товаров, обыкновенно давали столько соболей, сколько в каждый котел могло уместиться» [Сорошевский, 1993, с. 386]. Данный факт нами зафиксирован лишь для того, чтобы показать, что любой сосуд, в том числе и «медный котел», может служить мерой для определения веса чего-либо.

Из единиц измерения веса жидкости антропометрического происхождения, которые восходят к самому древнему способу измерения, можно назвать *ытыс* ‘горсть’ – «объемно-примерное небольшое количество, которое можно захватить ладонью». П.Я. Черных указывает на метрологическое происхождение этого слова: 1) «неболь-

шое количество, помещающееся в ладони со сжатыми пальцами»; 2) «ладонь и пальцы руки, сложенные так, чтобы можно было ими что-либо зачерпнуть, взять» [Черных, 1999, с. 207].

Кымаах ‘щепотка’ – «объемно-примерное небольшое количество». Этимология названия связана со словом «щипать». Слово *кымаах* применяется до сих пор в значении «очень малое количество чего-либо, взятое сложенными вместе тремя пальцами» (*кымаах туус* ‘щепотка соли’).

Несмотря на то, что меры объема антропометрического происхождения достаточно приближены, многие до сих пор используются в быту.

Самая маленькая мера объема *таммах* ‘капля’: *таммах уу* ‘капля воды’, затем можно назвать меру *сүүтук* ‘наперсток’, которая используется для обозначения мизерных объемов жидкости, в основном водки. *Арыгыны сүүтүккэ кутан иһэр ордук үһү* ‘Водку лучше пить наперстками’. Также она встречается в фразеологических единицах в олонхо для выражения как маленького объема, так и в других целях: *Киэн көхсө сүүтүктээбэр кыараата* ‘Впал в отчаяние (букв.: Широкая спина (его) сузилась и стала меньше наперстка’).

Наиболее установившейся единицей измерения объемов жидких и сыпучих веществ служила единица *иһит* ‘сосуд, посуда 1–1,2 литра’: *Хабырылла Кууһума тийибитигэр күндүлээн биир иһит арыгыны иһэттэ уонна биир иһити кэһиһлээтэ* ‘Гаврила Кузьме поставил как гостю бутылку водки и одну водку с собой дал’ (НТ ТА 69).

Перечисленные единицы измерения обычно используются в единственном числе, иногда в сочетании с числительными, и примыкают к объекту измерения без каких-либо формантов: *кымаах туус* ‘щепотка соли’, *биир таммах уу* ‘капля воды’, *сүүтук арыгы* ‘наперсток водки’, *биир иһит арыгы* ‘бутылка водки’.

<i>биир</i>	<i>ытыс отон</i>
<i>Num</i>	<i>ладонь ягода</i>
‘одна ладонь ягоды’.	

Также некоторые названия емкостей, посуды используются с аффиксом обладания *-лаах*:

Балта икки ыабаастаах отону туппунан кэнниттэн батыһан чөрбөйөн истэ (СНА 74) ‘Младшая сестра с двумя ведрами ягод, насторожившись, шла позади нее’.

<i>ыабыйа-лаах</i>	<i>үүт</i>
<i>ведро-проп</i>	<i>молоко</i>
‘одно ведро молока’	
<i>чааскы-лаах</i>	<i>уу</i>

чашка-проп вода
‘чашка воды’.

В якутском языке можно выделить следующие наименования, возникшие в результате метонимического переноса «название сосуда → название меры»:

Хамыйах ‘деревянная ложка’: *хамыйах аһаара туус* ‘пол-ложки соли’.

Мэһэмээн – берестяная посуда для черпания воды, молока и сыпучих, примерно вмещает 1–1,5 литра: *биэс мэһэмээн отон* ‘пять сосудов ягод’.

Тууйас, чабычах – берестяная посуда, род большой кастрюли для хранения жидких и сыпучих продуктов – примерный объем 5–6 литров.

Объем посуды, емкости измеряется количеством и массой продуктов, входящих в данный сосуд: *тымтай* – берестяной сосуд, род плоского бидона или канистра, с крышкой и ляжками – примерная емкость 12–16 литров. *Таайым тымтайа 40-ча собо батар иһитэ, миэнэ – 10–15 собо батар* ‘У дяди есть тымтай, куда можно положить 40 карасей, а в мой – 10–15 карасей’ (ХУ ХС 33).

Чаан, олгуй ‘медный или железный сосуд для варки мяса’. Его примерный объем колеблется от 16 до 32 литров.

Ыабыйа – *ыабыйа үүт* ‘ведро молока’: *Толору уулаах икки туос ыабас* ‘Два берестяных ведра, до верха наполненных водой’.

Чабычах – *чабычах арыы* ‘таз масла’ (примерно 8 кг).

Роса ‘пластиковая бутылка; бутылка из-под напитка «Роса», 1–1,5 л’: *биир роса сүөгэй* ‘одна бутылка сметаны’, *икки роса барыанньа* ‘две бутылки росы варенья’.

Кырыынка ‘крынка’. Слово встречается во всех славянских языках: укр. *криновка* ‘сковорода’, болг. *крина* ‘мера зерна, корзинка из коры для ягод’, словен. *krinja* ‘чан, кадка’, *krnica* ‘квашня’, сербохорв. *крина* ‘мера зерна, сосуд’, чеш. *křínka* ‘миска, сосуд’, польск. *krzynów* ‘круглый деревянный сосуд, квашня, миска’, в.-луж. *křina* ‘корыто, лохань’, н.-луж. *kšínica* ‘ступка’ [Лебединская, 2014, с. 235].

Уһаат ‘ушат’. Наименование меры происходит от названия сосуда *ушат*, которое имеет ясную этимологию: «от слова ухо, то есть сосуд с двумя ручками, ушками» [Там же, с. 245].

Симиир. В якутских источниках XVIII в. встречается использовавшееся в качестве единицы измерения молока название *симирь*: *симирь* молока. Слово не зафиксировано в других словарях [Там же, с. 248].

Единица куул ‘мешок’ не относится к посуде, но в то же время является объектом для хранения сыпучих продуктов: куул бурдук ‘мешок зерна, муки’, куул хортуюска ‘мешок картошки’: Икки куултан ордук собону ыллыбыт (С АК 60) ‘Взяли чуть больше двух мешков карасей’.

Термин мээрэй обозначает не только размер или величину чего-либо, но и саму мерную берестяную посуду емкостью примерно в один килограмм. Данное название возникло в результате метонимического переноса: от названия функции к названию сосуда.

Дьөгүөрдээн ... халлаан сырдыта аҕалаат, тааска мэлийбитинэн барда (АА СК 1970 447) ‘Под утро Егордан ... принес две емкости замороженной пшеницы и на камне начал молоть’. Халтаннаабыт таба тэллэби, түөрт лэппиэскэни, биэс кырбас эти, бишр мээрэй арыны сүгэнкөтөбөн быраата Өлөксөйдүүн Микиитэ барар буолла (АА СК 1970 448) ‘Микитэ с братом Алексеем взяли на дорогу четыре лепешки, пять кусков мяса, один кусок масла и уехали’.

Бишр	мээрэй	арыы
Num	мера	масло

‘Один кусок масла; масло, замороженное в одной мерной емкости’.

В группу лексических средств выражения недискретного количества можно включить мерные слова, такие, как кусочки, кружочки, которые указывают на количество недискретных веществ в замороженном виде:

Кини ... кырбас эти эбэтэр быыкаайык тон үүтү дөрүн-дөрүн ыытар (АА СК 1952 9) ‘Она ... изредка отправляет немного мяса или крошечные кружочки замороженного молока’.

Термины оһумуой, оһумуоха ‘восьмушка, восьмая часть’, кирпиис ‘кирпич’, лиис ‘лист’ заимствованы из русского языка для определения веса чая, табака и др.: Чэ сөп, онуоха оһумуой табаҕы эбиллиэ, – диэтэ Хонооһой (К КТ 25) ‘Ну, ладно, тогда добавим восьмушку табака, – сказал Хоноосой’. Сэттэ арсыын 56 сүүс, кирпиис быһаҕаһа 20 сүүс, уоннаабы 4 сүүһүгэр тугу ылааххытый? (К КТ 25–26) ‘7 аршин – это 56 сотен, полкирпича – 20 сотен, и что возьмете на остальные 4 сотни?’. Ол оһумуой табах, ол икки-үс лиис чаркааскай табах... (К КТ 26) ‘Осьмушка табака, 2–3 листа черкасского табака ...’.

В следующую группу периферийных средств входят слова, количественный компонент которых образовался в процессе вторичной номинации пу-

тем метафорического переноса, т.е. имена существительные с вторичным метафорическим значением количества [Нигматзянова, 2015, с. 146]: муора харах уута ‘море слез’, муора хаан ‘море крови’. Например, в олонхо можно обнаружить различные выражения типа: абыс үөстээх хаан байбал ‘восьмипроточное кровавое море; море крови’ (НьБС 101) и т.д. Аналогичные методы выражения количества были зафиксированы и в микрополе неопределенно большого количества предметов, н-р: хайа сурук (досл.: ‘гора писем’) и т.д.

В определении недискретного количества используются частицы, т.е. модальные маркеры:

балык	оҕо-то
рыба	N _{dimin} -poss.3sg
‘Немножко рыбы’.	

Бу кыра балык оҕото амсата аҕаллым (СО КУ 39) ‘Вот принесла **немножко рыбки** попробовать’.

Широкое распространение получила приблизительная оценка тяжести путем сравнения с тягловой силой домашних животных: ат тардыта ‘груз с весом, который может везти конь’; обус тардыта ‘груз, который может везти бык, запряженный в сани’.

Для того, чтобы выразить объем недискретного вещества, используется наречие в виде имени действия или причастия с аффиксом орудного падежа -нан:

Обус тард-ыы-ты-нан харчы-көмүс
бык тянуть-nmlz-poss.3-instr деньги-золото
‘Золото-деньги весом в один воз’

Ат тарды-ты-нан ас-үөл
лошадь тянуть-nmlz-poss.3-instr пища-еда
‘Продукты питания весом в один воз’.

Из сделанного обзора, видно, что аффикс орудного падежа примыкает не только к причастиям, но и к именам действия. Показатель орудного падежа -нан, примыкая к глагольным именам, показывает, насколько увеличился или уменьшился объем того или иного понятия:

Мин иһим ыл-ар-ы-нан дэлби аһаа-т-ым
Я живот-poss.1sg брат-АOR-poss.3sg-instr
очень кушать-past-1sg

‘Много кушала, ела, сколько влезет’.

Таким образом, выявлено, что функционально-семантическое микрополе меры объема и веса в якутском языке представлено:

1) ядерными лексическими средствами, такими, как международные термины киһилэ ‘килограмм’, лиитэрэ ‘литр’, миллилиитир ‘мл’, буут

‘фут’, *бонпууда* ‘полпуда’ и т.д., и неофициальные единицы измерения в виде названий сосудов, при помощи которых определяется объем и вес жидкости, сыпучих и прочих продуктов: *мэхэмээн*, *тууйас*, *чабычах*, *ыабыйа* и др. Данный способ метонимического переноса названия посуды на название объема какого-либо вещества популярен до сих пор, зафиксированы такие единицы измерения, как *роса*, *кырыынка* и др. Как единицы антропометрического происхождения выявлены только две: *ытыс* ‘горсть’, *кымаах* ‘щепотка’;

2) периферийными лексическими средствами, которыми являются лексические средства в виде таких заимствованных из русского языка лексем, как *оһумуой*, *оһумуоха* ‘восьмушка, восьмая часть’, *киртииччэ* ‘кирпич’, *лиис* ‘лист’, а также *куһуоктар* ‘кусочки’, *төгүрүктэр* ‘кружочки’, которые указывают на количество недискретных веществ в замороженном виде. Сюда входят слова, количественный компонент которых образован в процессе вторичной номинации путем метафорического переноса, т.е. имена существительные с вторичным метафорическим значением количества: *муора харах уута* ‘море слез’, *муора хаан* ‘море крови’. Модальные части речи, частицы, *оҕото*, *сыһа*, *бөбөтө* и др. тоже могут быть показателями объема и веса чего-либо. Также особое место занимают фразеологические единицы якутского языка, которые показывают, насколько или как увеличился объем того или иного понятия.

Литература

Асадулаева П.У. Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12, ч. 2. – С. 22–24.

Лебединская В.Г. История русской метрологической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 475 с.

Нигматзянова Ю.Л. Имена существительные с вторичным метафорическим значением количества в аспекте их коннотации (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2, ч. 2. – С. 146–148.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. – М., 2011. – 672 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд., – М., 1993. – 736 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1999. – Т. I.

Сокращения

АА СК 1952 – Амма Аччыгыя (Мординов Н.Е.). Сааскы кэм. – Дьокуускай, 1952. – 312 с.

АА СК 1970 – Амма Аччыгыя (Мординов Н.Е.). Избранные произведения. Т. 4. Весенняя пора. Роман. Талыллыбыт айымньылар. 4-с том. Сааскы кэм. – Якутский, 1970. – 748 с.

К КТ – Кундэ-Иванов А.А. Кыһар тунат. – Якутский: Кинигэиздательствота, 1979. – 296 с.

НЗ КДУ – Николай Заболоцкий. Күн да уһун. – Якутский, 1968.

НТ ТА – Николай Түгүнүүрэп. Талыллыбыт айымньылар. – Якутск: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1960. – 162 с.

НЬБС 1947 – Ньургун Боотур Стремительный. Богатырский эпос якутов. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 410 с.

С АК – Собакин Д.Д. Айылба кистэлэнэ. Кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 64 с.

СНА – Саха норуотун айымньыта. – Дьокуускай, 1942. – 251 с.

СО КУ – Суорун Омоллоон. Күкүр уус. Айаал. – Дьокуускай, 1941. – 150 с.

ХУ ХС – Алексеев И.Е. Холумтан сылааһа: саха үгэһэ, дьарыга. – Дьокуускай: Бичик, 2013.

башк. – башкирский язык

болг. – болгарский язык

в.-луж. – верхнелужицкий язык

кирг. – киргизский язык

кумык. – кумыкский язык

н.-луж. – нижнелужицкий язык

ног. – ногайский язык

польск. – польский язык

сербохорв. – сербохорватский язык

словен. – словенский язык

укр. – украинский язык

хак. – хакасский язык

чеш. – чешский язык

Грамматические сокращения

1 – first person / первое лицо

3 – third person / третье лицо

instr – instrumental / орудный падеж

N_{dimin} – diminutive auxiliary noun / служебное уменьшительное существительное

nmlz – nominalizer / имя действия

Num – number / числительное

poss – possessive / посессив

prop – proprietive / аффикс обладания

sg – singular / единственное число

Linguistic means of expression measures of volume and weight in the Yakut language

The article is devoted to lexical and grammatical means of expression of the functional-semantic field of volume and weight in the Yakut language, which is one of the components of the functional-semantic category of measure and magnitude. The object of research is the linguistic means of expressing measurements of volume, weight, non-discrete quantity. In addition to the nuclear official international terms of measurement of volume and weight in the Yakut language, recorded informal units in the form of names of vessels to fill, pour or store granular or liquid products. In the form of peripheral lexical means, we have identified borrowed from the Russian language lexemes, which denote the part, the share of anything; lexemes, which indicate the number of non-discrete substances in frozen form; the words, the quantitative component which is formed in the process of secondary nomination by metaphorical transfer, i.e. nouns with a secondary metaphoric meaning of quantity, modal parts of speech, particles, phraseological units consisting of a verb names with affix - nan. Therefore, identifying the major lexical (metrological names), idiomatic expression, lexical-grammatical, lexical-grammatical means of expressing measurements of volume and weight in the Yakut language.

Keywords: Yakut language, functional-semantic grammar, the category measures value, non-discrete quantity, measure, magnitude, measurement, language means of expression volume measurement, weight, nuclear and peripheral means.

УДК 811.512.157'13

Н.И. Винокурова

Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке

Данная статья подчеркивает необходимость в использовании поморфемного членения и глоссирования как метода представления примеров на якутском языке, использованных в научных работах с филологическим уклоном, для читателей, не владеющих якутским языком. В статье рассматривается морфоглоссирование с учетом лингвистической специфики языка, в частности, предлагаются способы метаязыковой передачи некоторых лексических значений, свойственных только якутскому языку, а именно образной лексики. Особое внимание уделяется вопросам передачи сокращенных обозначений грамматических категорий – категориальных ярлыков, обсуждаются такие вопросы, как омонимия и полисемия морфологических показателей. Также предлагается авторский вариант перевода на русский язык лейпцигских правил глоссирования.

Ключевые слова: глоссирование, морфочленение, морфема, лейпцигские правила глоссирования, категориальный ярлык, лексическое значение, грамматическое значение, якутский язык.

В последнее время в якутской филологии особую актуальность приобретает метод глоссирования текстовых примеров в научных работах языковедов. Необходимо широко внедрять этот метод, поскольку он облегчит доступ к данным работам более широкой аудитории лингвистов. На данном этапе ощущается недостаток литературы, посвященной изложению данного метода: среди работ, в которых дается освещение технических деталей глоссирования, можно назвать статью Леманна [Lehmann, 2004] и при-

ложение «Поморфемная нотация» к учебному пособию Плунгяна [2003, с. 330–333]. Циркулирующие в международном сообществе лингвистов лейпцигские правила глоссирования, написанные на английском языке, еще не вошли в широкий научный оборот в якутском языкознании. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы способствовать восполнению указанного пробела. Во-первых, будут рассмотрены принципы морфологического глоссирования применительно к терминологическому и понятийному

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-14-14004.

аппарату грамматики якутского языка. Во-вторых, будет предложен перевод с английского языка лейпцигских правил глоссирования*.

Как отмечает Леманн [2004, с. 1835], междустрочное** морфемное глоссирование является поздним нововведением, появившимся только в XX в. Ранние грамматики служили букварями, и поэтому в глоссах не было необходимости, а научные грамматики (например, греческого, латинского, арабского и др. языков) предназначались строго для посвященных, которые не нуждались в переводе. Предвестниками глоссирования в начале XX в. явились работы таких немецких лингвистов, как Ф.Н. Финк и Х.Г. фон дер Габеленц. Первые междустрочные глоссы с членением по морфемам, которые удовлетворяли большинству предъявляемых ныне требований, появились в 60-х гг. прошлого столетия, а начиная с 1980-х гг. они стали обычным делом в публикациях, касающихся языков, знание которых не подразумевается [Там же, с. 1835–1836]. В настоящее время, отмечает автор [Там же, с. 1836], развитие идет в сторону того, чтобы глоссировать любой язык, кроме английского.

Целью поморфемного глоссирования является наиболее подробное раскрытие лексико-семантической и грамматической информации о словах, использованных в примере, и составляющих их морфемах. Строка глоссирования располагается под строкой, которая содержит сам пример. Элементы, которые используются при заполнении строки глоссирования, называются метаязыком, или языком-посредником [Плунгян, 2003, с. 331]. При этом язык, из которого взят сам пример, является объектным для метаязыка глосс. Надобность в строке глоссирования отпадает, если приводимые примеры принадлежат тому же языку, что и язык самой работы. В некоторых случаях примеры на английском

языке, встречающиеся в работе, написанной не на английском языке, также не глоссируются, если подразумевается знание читателями английского благодаря его международному статусу. Примеры имеют сквозную нумерацию, что позволяет без затруднений сослаться на них по тексту статьи.

В научных работах по якутскому языкознанию в основном принято давать только литературный или свободный перевод. Например, в научной грамматике якутского языка примеры преподносятся следующим образом: *Сыыры намыһабынан дабайарга дылы* 'Подобно тому, как подниматься на гору по пологому месту' [Грамматика..., 1995, т. 2, с. 91]. С морфемным глоссированием пример будет выглядеть как в (1). Выгода для лингвиста очевидна: из сопоставления метаязыкового (т.е. глоссированного) и литературного перевода можно сделать выводы, например, о послеложном характере языка и о возможности субстантивации прилагательных.

(1) Сыыр-ы намыһаҕ-ынан дабай-ар-га дылы.
гора-ACC низкий-INSTR подниматься-AOR-DAT
подобно

'Подобно тому, как подниматься на гору по пологому месту.'

Как видно из первого примера, каждое слово следует выровнять по вертикали с его глоссой. Количество морфем и разделяющих их дефисов должно совпадать в анализируемом примере и его переводе на язык-посредник. В первом примере восемь морфем и, следовательно, восемь глосс, четыре из которых передают лексические значения на языке написания работы: в нашем случае это русский язык. Лексические значения глаголов передаются с помощью формы инфинитива, а лексические значения существительных и прилагательных – с помощью формы именительного падежа в единственном числе. Остальные

*В данной статье мы не будем рассматривать компьютерную программу Shoebox, разработанную SIL International (Летний институт лингвистики), которая особенно полезна лингвистам и антропологам в полевых исследованиях и помогает обрабатывать большие объемы данных. Во время полевых работ при изучении нового языка и культуры собираются тысячи единиц данных, несущих лексическую, культурологическую, грамматическую и др. информацию: программа позволяет интегрировать все эти данные, оказывает помощь в построении словаря и анализе текста, включая морфологическую разметку. Программа Shoebox и учебник пользователя доступны на сайте SIL International: <http://www-01.sil.org/computing/shoebox/>

**В английском языке применительно к морфемному глоссированию используется термин *interlinear* 'междустрочный', так как подразумевается, что строка глоссирования располагается между строкой, содержащей сам пример, и строкой, содержащей литературный / свободный перевод. В русском языке обычно употребляется термин 'подстрочное глоссирование'.

четыре глоссы передают грамматические значения при помощи сокращенных условных обозначений – категориальных ярлыков, как их принято называть в лейпцигских правилах. Категориальные ярлыки обозначаются английскими прописными (обычно малыми прописными) буквами. Список таких стандартных сокращений приводится в приложении к лейпцигским правилам (см. Приложение 2). Тем не менее имеется много нюансов в зависимости от характера языка, целей анализа, а также научной школы исследователя, поэтому одним из требований оформления научной статьи является приведение списка использованных категориальных ярлыков и их расшифровка. Действительно, одни и те же морфемы получают разную метаязыковую интерпретацию у разных исследователей. Так, в двух грамматиках турецкого языка (который, как известно, из всех тюркских языков получил самое доскональное освещение во всех научных школах и направлениях) одни и те же морфемы получают разные категориальные ярлыки. Например, форма возможности / невозможности помечается как **ABIL** (abilitative) и **PSB** (possibility), а форма настоящего времени данного момента – как **PR.PROG** (present progressive) и **IMPF** (imperfective).

(2) unut-a-mi-yor забывать- ABIL -NEG- PR .	dayan-a-m-iyor выдерживать- PSB -NEG- IMPF
[Kornfilt, 1997, с. 312]	[Göksel & Kerslake, 2005, с. 353]

В якутском языке также некоторые морфемы-носители грамматических значений могут передаваться разными символами. Так, союзы принято обозначать аббревиатурой **COMP** (complementizer), например, подчинительный союз *диэн*, использующийся для соединения предикативных частей сложноподчиненных причинных и изъяснительных предложений [Baker & Vinokurova, 2010; Ebata, 2015].

(3) Мин эһиги бүгүн кыай-ыах-хыт диэн эрэм-мит-им.

я вы сегодня победить-FUT-2PL COMP
надеяться-PSTPT-1SG

‘Я надеялся, что вы сегодня победите’ [Baker & Vinokurova, 2010, с. 615]

Если в типологических и диахронических исследованиях необходимо подчеркнуть этимоло-

гическое происхождение, то *диэн* также подвергнется членению как деепричастие на *-ан*: *диэ-н* ‘говорить-PF.CVB’ [Pakendorf, 2007].

Довольно часто встречаются разногласия среди лингвистов касательно грамматических значений тех или иных морфем. Примером такого расхождения является причастие на *-ар* / *-ыыр*. В разных работах для него приняты следующие нотации: **VN.PRS** (verbal noun present ‘глагольное имя настоящего времени’) [Ebata, 2015], **PRSPT** (present participle ‘причастие настоящего времени’) [Pakendorf, 2007], **AOR** (aorist ‘аорист’) [Danilova & Vinokurova, 2015]. Однако более уместным было бы использование нотации **AOR** (от греческого ‘не имеющий точных границ’), поскольку причастие на *-ар* / *-ыыр* участвует в образовании настояще-будущего и прошедшего незаконченного времени изъявительного наклонения [Грамматика..., 1982, т. 1, с. 228]. Как отмечается в Энциклопедическом словаре-справочнике, в современной типологической литературе и частных описательных традициях возможны разные понимания этого термина: «... в тюркологии аористом принято называть глагольную форму, выражающую настоящее общее (типа английского present indefinite), в отличие от настоящего актуального, т.е. описывающую свойства, привычки, регулярно повторяющиеся ситуации и т.п. В большинстве типологических работ такое употребление, однако, не принято» [Энциклопедический словарь-справочник ..., 2014, с. 433]. Действительно, якутскому причастию на *-ар* / *-ыыр* (отрицательная форма *-бат*) соответствует (не только формально, но и с точки зрения синтаксического употребления и семантического значения) турецкое причастие на *-(a/-e/-i/-u/-ü)r* (отрицательная форма *-maz, -mez*), грамматическое значение которой обозначается как **AOR** (aorist ‘аорист’) [Kornfilt, 1997; Göksel & Kerslake, 2005].

В тюркологии установилась традиция архифонемного обозначения комплекса алломорфов – в виде одной архиморфемы, внутри которой архифонемы пишутся заглавными буквами. Так, суффикс исходного падежа в турецком представлен архиморфемой *-Dan*, поскольку первые два сегмента подвержены ассимиляции: *ev-den* ‘дом-ABL’, *at-tan* ‘лошадь-ABL’. В случае с турецким аористом суффикс будет иметь архиморфемную форму *-(A/I)r/-mAz*. В якутском языке причастие на *-ар* / *-ыыр* (*-бат*) имеет алломорфы *-ар*, *-эр*,

-ор, -ор, -ыыр, -иир, -уур, -үүр, -бат, -пат, -мат. Для передачи этого комплекса алломорфов будет использоваться архиморфема *-AP/-ЫЫР (-БАТ)*, поскольку согласные сегменты *-р / -т* также могут ассимилироваться: *кэт(ээ)-иид-лэр* (наблюдать-AOR-PL) '(они) наблюдают', *кэл-эд-лэр* (приходить-AOR-PL) '(они) приходят', *кэп-нэк-кин* (надевать-NEG.AOR-2SG) '(ты) не надеваешь'. Факультативные (в смысле выпадающие или вставные) сегменты архиморфем берутся в круглые скобки. Например, возвратный залог выражается архиморфемой *-(Ы)Н*: форма *-ЫН* ставится после основ на согласный, а *-Н* – после основ на гласный.

Важность архифонемной репрезентации особенно очевидна в типологических и дескриптивных исследованиях, где требуется наиболее аккуратное отражение фактов языка. Благодаря своему агглютинативному статусу, якутский язык легко разбивается на морфемы, но при этом может теряться информация о первоначальном виде корней и аффиксов из-за ряда фонетических процессов, таких, как фузионное сращение, ассимиляция, выпадение и чередование согласных и др. Например, фузионное сращение происходит на стыке глагольных основ, оканчивающихся на долгие гласные и дифтонги, и ряда аффиксов, начинающихся на гласные, к которым относятся, например, деепричастные суффиксы *-ЫЫ*, *-ААрЫ*, *-ААТ*, причастные суффиксы – *ЫАХ*, *-ЫЫР* и др. Если исследователь преследует цель, как можно более достоверного отображения фонетических изменений, то он может выбрать метод двойной репрезентации, где между строкой примера и строкой литературного перевода помещаются две строки*. Первая строка содержит архифонемную репрезентацию примера с разбиением на морфемы, вторая строка – собственно глоссы. При этом сам пример дается в своем первоначальном виде, без членения по морфемам, как в (4). Упрощенный вариант (4) представлен в (5). Как видно из этих примеров, он однозначно проигрывает в том, что дает неверное представление о корнях глаголов *мус* 'собирать' и *биһирээ* 'одобрять', а также не может отразить алломорфическое варьирование. Тем не менее, в целях экономии пространства и ради упрощения изложения выбирается более короткий вариант, если иного не требует задача исследования.

* Такой метод архифонемной репрезентации используется, например, в диссертации Pakendorf [2007].

- (4) Мунньуллубут ахтыылары биһирээбэ.
мус-(Ы)лыЫН-ЫЫТ аҕын-ЫЫ-ЛАр-
(н)Ы биһирээ-ЫАХ-А
собирать-PASS-PSTPT вспоминать-NMZ-PL-ACC
одобрять-FUT-3SG
- (5) Муннь-уллу-бут ахт-ыы-лар-ы биһир-
иэб-э.
собирать-PASS-PSTPT вспоминать-NMZ-PL-ACC
одобрять-FUT-3SG
'Собранные воспоминания (он) одобрят.'

При рассмотрении глоссирования необходимо упомянуть два явления, а именно омонимию и полисемию морфем. Пример первого явления показан в (6), где два омонимичных маркера *-ын* выражают разные грамматические значения – родительного и винительного падежей притяжательного склонения. В данном случае синтаксический контекст определяет выбор той или иной глоссы.

- (6) Кини кэргэн-ин бастакы кэргэн-ин көрдү-м.
он супруга-3SG.GEN первый супруг- 3SG.ACC
видеть-PST-1SG
'Я видел первого супруга его (нынешней) супруги'.

Полисемия морфологических показателей в якутском языке чаще всего встречается у причастий, которые могут использоваться как в нефинитных, так и в финитных конструкциях. В качестве предикатов определительных предложений, а также в атрибутивной функции аффиксы причастий выражают свое основное причастное значение и глоссируются аналогичным образом. Однако причастные формы также лежат в основе видо-временных форм глагола. В этом случае исследователь может оставить фиксированные значения морфологических маркеров, либо может руководствоваться контекстом. В последнем случае возникает полисемия грамматических морфем. В (7) и (8) показаны примеры с причастием настоящего-будущего времени на *-AP/-ЫЫР* и причастия прошедшего времени на *-ЫЫТ*. В первой строке глосс дается вариант с фиксированным значением, во второй – вариант, обусловленный синтаксическим контекстом. Поскольку в якутском языке несколько форм прошедшего времени, то используются следующие глоссы: PST –

immediate (definite) past tense ‘недавнепрошедшее (прошедшее категорическое) время (показатель *-T*)’, NPST – narrative past tense ‘преждепрошедшее повествовательное время (показатель *-БЫТ* в купе с лично-числовыми аффиксами притяжательности)’ и RES.PST – resultative past tense ‘прошедшее результативное время (показатель *-БЫТ* в купе с лично-числовыми аффиксами сказуемости)’.

(7) ИҺ-эр уу манна атыыла-н-ар.

пить-АОР вода здесь продавать-PASS-AOR

пить-АОР вода здесь продавать-PASS-PRES.3SG

‘Питьевая вода продается здесь.’

(8) Бэбэһээ кыай-быт киһи бүгүн эмиэ кыай-быт-а.

вчера победить-PSTPT человек сегодня тоже победить-PSTPT-3SG

вчера победить-PSTPT человек сегодня тоже победить-NPST.3SG

‘Победивший вчера человек сегодня тоже победил.’

Ярким примером морфологического показателя, который встречается в ряде синтаксических контекстов, при этом сохраняя свое основное грамматическое значение, является аффикс обладания *-ЛААХ*, который глоссируется ярлыком PROP (propriative ‘обладательный’). Данный аффикс используется для образования вторичных причастий, которые в свою очередь участвуют в образовании временных форм изъявительного и долженствовательного наклонения (9) для выражения посессивности (10), совместности (11) и ассоциативности (12). Кроме того, данный суффикс образует множественное число вопросительного местоимения *ким* ‘кто’ – *кимнээх* (кто-PROP), а также является весьма продуктивным способом образования прилагательных от существительных и именных словосочетаний: *өйдөөх* (ум-PROP) ‘умный’, *күүстээх* (сила-PROP) ‘сильный’, *уһун баттахтаах* (длинный волос-PROP) ‘длинноволосый’ (*өй* ‘ум’, *күүс* ‘сила’, *уһун баттах* ‘длинные волосы’).

(9) Бу кинигэ-ни ааһ-ан бүт-эр-эр-дээх-пин.

этот книга-ACC читать-CVV кончатся-CAUS-AOR-PROP-1SG

‘Я должен закончить читать эту книгу.’

(10) Егоров-тар икки массыына-лаах-тар.

Егоров-PL два машина-PROP-PL

‘У Егоровых имеется две машины.’

(11) Лена-лаах Саргы ыалдьыт-т(аа)-ыы кэли-лэр.

Лена-PROP Саргы гость-VBZ-CVV приходить-PST-PL

‘Саргы с Леной пришли погостить.’

(12) Сардаана-лаах сайылык-ка көс-тү-лэр.

Сардаана-PROP летник-DAT переезжать-PST-PL

‘Сардаана и ее домашние переехали в летнее жилище.’

Усилительные формы прилагательных (и образованных от них наречий), при которых происходит удвоение или повторение основ прилагательных, передаются символом RED: *сабыс-сана* (RED-новый) ‘совершенно новый’, *кып-кыра* (RED-маленький) ‘совсем маленький’, *көбүс-көнөтүк* (RED-прямой-ADV) ‘совершенно прямо’.

Иногда за одним и тем же ярлыком-сокращением могут скрываться разные грамматические категории. Повсеместно распространенный категориальный ярлык SOM (comitative) в переложении на реалии якутского языка неоднозначен и подходит для обозначения совместного падежа имен существительных и совместного значения совместно-взаимного залога глаголов. В данном случае не возникает неясности изложения, так как частеречная отнесенность символа SOM следует из самого контекста.

(13) Оҕо-лор оҕонньор-дуун бар-ыс-ты-лар.

ребенок-PL старик-SOM уходить-COM-PST-PL

‘Дети ушли со стариком.’

При глоссировании морфем-носителей аспектуальных значений принято абстрагироваться от лексических значений вспомогательных глаголов. В якутском языке для выражения видовых значений употребляются следующие лексические глаголы: 1) начинательный вид (INCH – inchoative) – *бар* ‘уходить’, *кэл* ‘приходить’; 2) длительный вид (DUR – durative) – *ис* ‘идти’, *сырым* ‘ходить, пребывать’, *тур* ‘стоять’; 3) законченный вид (PFV – perfective) – *кэбис* ‘бросать, кидать’, *хаал* ‘оставаться’, *биэр* ‘давать’; 4) кратковременный вид (SEM – semelfactive) – *түс* ‘падать, спускаться, бросаться’, *оһус* ‘ударять’, *ыл* ‘брать’.

(14) Тыал күүһ-үр-эн бар-да.

ветер сила-VBZ-CVV INCH-PST.3SG

‘Ветер стал усиливаться.’

(15) Телевизор алдьан-а тур-ар.
телевизор ломаться-CVB DUR-PRES.3SG
'Телевизор постоянно ломается.'

(16) Сыана үрд(ээ)-үү охсу-бут.
цена расти-CVB SEM-RES.PST.3SG
'Оказывается, цены резко выросли.'

Одной из наиболее интересных черт якутского языка является образная лексика, трудно поддающаяся даже литературному переводу, не говоря уже о глоссировании, поскольку их лексическое значение построено на метафоре, чувственном восприятии, зрительных представлениях [Харитонов, 1954; Грамматика современного якутского..., 1982]. То, что передается одним словом в якутском языке, не имеет однозначного эквивалента в других языках: например, образный глагол *мөлбөрүү* переводится как: '1) медленно двигаться, передвигаться (обычно о полной фигуре и мохнатым животном); 2) медленно течь (о жидкости)' [Якутско-русский словарь, 1972, с. 243]. Любое из этих двух значений было бы трудно расположить на строке глоссирования, поэтому предлагается использовать ярлык *ss* (sound-symbolic 'звуко-символический') для образных глаголов и образных слов, которые либо становятся прилагательными при помощи послелога *курдук* 'как' (*нук курдук* 'вялый лишенный бодрости', *мөл курдук* 'округлый, налитой, похожий на крупную каплю', *сэк курдук* 'пушистый и легкий'), либо становятся глаголами при помощи служебных глаголов *гын* 'делать' и *буол* 'быть, становиться' (*нук буол* 'становиться вялым, ослабленным', *нук гын* 'задремать, вздремнуть', *сын гын* 'быстро шмыгнуть, исчезнуть'). При этом бремя передачи основного лексического значения с его смысловыми оттенками ложится на строку литературного / свободного перевода.

(17) Кэскил дьик гын-а түс-тэ.
Кэскил *ss* делать-CVBSEM-PST.3SG
'Кэскил на мгновение вздрогнул.'

(18) Пыш курдук кыыс уна содьой-до.
ss как девушка направо *ss*-PST.3SG
'Полненькая, кругленькая девушка захромала направо на одной ноге.'

В заключение отметим, что характерная специфика языка часто требует от авторов творческого

подхода. Иногда, чтобы избежать двусмысленности, необходимо отступать от общепринятых ярлыков-сокращений и изобретать новые или привносить изменения в уже существующие.

Список сокращений

1 – first person / первое лицо; 2 – second person / второе лицо; 3 – third person / третье лицо; ACC – accusative / винительный падеж; AOR – aorist / причастие настоящего-будущего времени; CAUS – causative / каузатив; COM – comitative / взаимно-совместный залог, совместный падеж; COMP – complementizer / подчинительный союз; CVB – converb / деепричастие; DAT – dative / дательный падеж; DUR – durative / длительный вид; FUT – future / будущее время; GEN – genitive / родительный падеж; INCH – inchoative / начинательный вид; NEG – negation / отрицание; NMZ – nominalizer / имяобразующий аффикс; NPST – narrative past tense / преждепрошедшее повествовательное время; PASS – passive / страдательный залог; PFV – perfective / законченный вид; PL – plural / множественное число; PRES – present tense / настоящее время; PROP – proprietive / обладательный аффикс; PST – immediate (definite) past tense / недавнопрошедшее (прошедшее категорическое) время; PSTPT – past participle / причастие прошедшего времени; RED – reduplicative / редукатив; SEM – semelfactive / кратковременный вид; SG – singular / единственное число; SS – sound-symbolic / звуко-символический; RES.PST – resultative past tense / прошедшее результативное время; VBZ – verbalizer / глаголообразующий аффикс.

Литература

Грамматика современного якутского литературного языка. – Т. 1. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. – Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 2. – М.: Флинта, 2014. – 814 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

Baker M. and Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha // Natural language and linguistic theory. – 2010. – №28(3). – С. 593–642.

Bickel B., Comrie B. and Haspelmath M. The Leipzig Glossing Rules. Conventions for Interlinear Morpheme by Morpheme Glosses. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Дата обновления: 31.05.2015. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (дата обращения: 02.02.2016).

Ebata F. Postmodification in Sakha (Yakut) // *Altai Hakpo*. – 2015. – Vol. 25. – P. 133–144. Seoul: The Altaic Society of Korea.

Danilova, N. and Vinokurova N. Two different approaches to Sakha passives // *Altai Hakpo*. – 2015. – Vol. 25. – P. 117–131. Seoul: The Altaic Society of Korea.

Göksel A. and Kerslake C. Turkish: A comprehensive grammar. – London and New York: Routledge, 2005. – 510 c.

Kornfilt J. Turkish. – London and New York: Routledge, 1997. – 575 c.

Lehmann Chr. Interlinear morphemic glossing // *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung* / G. Booij, Chr. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas. – Berlin: W. de Gruyter, 2004. – С. 1834–1857.

Pakendorf B. Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. – LOT Dissertation Series 170. Utrecht: LOT Publications, 2007. – 375 c.

Приложение I

Лейпцигские правила глоссирования Конвенции для подстрочных поморфемных глосс

О правилах

Лейпцигские правила глоссирования были разработаны совместно факультетом лингвистики при Институте эволюционной антропологии Общества Макса Планка (Bernard Comrie, Martin Haspelmath) и факультетом лингвистики Лейпцигского университета (Balthasar Bickel). Они состоят из десяти правил для «синтаксиса» и «семантики» подстрочных глосс и приложения с предложенным «лексиконом» сокращенных категориальных ярлыков (обозначений категорий). Правила охватывают большую часть нужд лингвистов, возникающих при глоссировании текстов, но у большинства авторов может возникнуть необходимость добавить (или изменить) некоторые конвенции (особенно касательно категориальных ярлыков). Тем не менее, будет полезным иметь стандартный набор конвенций, на который могут ссылаться лингвисты, и лейпцигские правила предложены как таковые сообществу лингвистов. Правила предназначены для отражения общего использования, и было предложено только малое количество инноваций (в основном необязательных).

Мы планируем время от времени обновлять лейпцигские правила глоссирования, поэтому обратная связь приветствуется. Важные ссылки: Lehmann, Christian, 1982. Directions for interlinear morphemic translations. *Folia Linguistica* 16: 199–224; Croft, William. 2003. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. XIX–XXV.

Преамбула

Подстрочные поморфемные глоссы дают информацию о значениях и грамматических свойствах индивидуальных слов и частях слов. Лингвисты по большому счету придерживаются определенных условных обозначений в глоссировании, и главная цель данного документа – выявить наиболее широко используемые конвенции.

В зависимости от целей автора и предполагаемого объема знаний читателей, разные степени детализации будут выбраны. Поэтому настоящие правила позволяют некоторую гибкость в различных отношениях, и иногда упоминаются альтернативные варианты.

Нашей основной целью здесь является представление примера в научно-исследовательской статье или книге. Когда помечается целый корпус, могут применяться немного другие соображения (например, может возникнуть желание добавить информацию о более крупных единицах, таких, как слова или фразы; правила, представленные здесь, допускают информацию только о морфемах).

Также следует отметить, что существует много способов анализа морфологических структур языка. Целью конвенций глоссирования является не помощь лингвистам в выборе между этими способами, конвенции просто предоставляют стандартные способы сокращения возможных описаний. Кроме того, глоссирование редко представляет из себя полное морфологическое описание, и следует

иметь в виду, что целью является не изложить анализ, а дать некоторую дальнейшую, возможно, уместную информацию о структуре текста или примера, сверх точного перевода.

Примечание насчет обращения с глоссами данных, цитированных из других источников: глоссы являются частью анализа, а не частью приводимых данных. Когда цитируется пример из опубликованного источника, глосса может быть изменена автором, если он предпочитает другую терминологию, другой стиль или другой анализ.

Правило 1. Пословное выравнивание

Подстрочные глоссы выравниваются с примером по левому краю вертикально, пословно. Например:

(1) Indonesian / Индонезийский язык [Sneddon 1996, с. 237]

Mereka di Jakarta sekarang.

they in Jakarta now

они в Джакарта сейчас

‘They are in Jakarta now’. ‘Они сейчас в Джакарте.’

Правило 2. Поморфемное соответствие

Делимые на сегменты морфемы разделяются дефисом, как в примере, так и в глоссе. Количество дефисов в примере и глоссе должно быть одинаковым. Например:

(2) Lezgian / Лезгинский язык [Haspelmath 1993, с. 207]

Gila abur-u-n ferma hamišaluğ güğüna amuq’-da-č.

now they-OBL-GEN farm forever behind stay-FUT-NEG

сейчас они-OBL-GEN ферма всегда позади оставаться-FUT-NEG

‘Now their farm will not stay behind forever.’ ‘Теперь их ферма не будет всегда отставать.’

Поскольку из-за дефисов и вертикального выравнивания текст начинает выглядеть необычно, авторы могут добавить еще одну строку в самом начале, которая содержит неизменный текст, или прибегнуть к варианту, описанному в правиле 4 (особенно 4С).

Границы клитик маркируются знаком равенства как в объектном языке, так и в глоссах.

(3) West Greenlandic / Западный гренландский язык [Fortescue, 1984, с. 127]

palasi=lu niuirtur=lu

priest=and shopkeeper=and

священник=и лавочник=и

‘both the priest and the shopkeeper’ ‘и священник, и владелец магазина’

Вставные сегменты, находящиеся на границе морфемы, должны быть приписаны к предыдущей, либо к последующей морфеме. Какую из этих морфем выбрать, определяется различными принципами, которые нелегко обобщить, поэтому мы не предлагаем никакого правила.

Правило 2А (факультативное).

Если морфологически связанные элементы образуют отдельные просодические или фонологические слова, то в самом языковом примере можно использовать дефис в купе с одним интервальным пропуском (но только не в самой глоссе).

(4) Hakha Lai / Чинский язык

a-nii -láay

3SG-laugh-FUT

‘s/he will laugh’ ‘он(а) будет смеяться’

Правило 3. Грамматические категориальные ярлыки (обозначения грамматических категорий)

Грамматические морфемы, как правило, передаются сокращенными грамматическими категориальными ярлыками, напечатанными заглавными буквами (обычно малыми заглавными). Список

стандартных сокращений (широко известных среди лингвистов) приведен в конце этого документа. Отклонения от этих стандартных сокращений могут быть необходимы в отдельных случаях, например, если категория настолько часто встречается в языке, что гораздо удобнее использовать еще более короткое сокращение, например, CPL (вместо COMPL) для «completive (комплетив)», PF (вместо PRF) для «perfect (перфект)», etc. Если категория очень редкая, то проще всего может быть совсем не сокращать ее обозначение.

Во многих случаях приемлемым будет либо категориальный ярлык, либо слово из метаязыка. Так, обе глоссы в (5) могут быть выбраны в зависимости от цели глоссы.

(5) Russian / Русский язык

My s	Marko	поеха-l-i	avtobus-om	v	Peredelkino.
1PL COM	Marko	go-PST-PL	bus-INS	ALL	Peredelkino
we with	Marko	go-PST-PL	bus-by	to	Peredelkino
1PL COM	Марко	ехать-PST-PL	автобус-INS	ALL	Переделкино
мы с	Марко	ехать-PST-PL	автобус-на	в	Переделкино

‘Marko and I went to Peredelkino by bus’. ‘Марко и я поехали в Переделкино на автобусе.’

Правило 4. Соответствия одного многим

Когда один элемент объектного языка передается несколькими элементами метаязыка (словами или сокращениями), то последние разделяются точками. Например:

(6) Turkish / Турецкий язык

çık-mak
come.out-INF ‘to come out / выходить’

(7) Latin / Латынь

insul-arum
island-GEN.PL
остров-GEN.PL ‘of the islands / островов’

(8) French / Французский язык

aux chevaux
to.ART.PL horse.PL
к.ART.PL лошадь.PL ‘to the horses / лошадям’

(9) German / Немецкий язык

unser-n Väter-n
our-DAT.PL father.PL-DAT.PL
наш-DAT.PL отец.PL-DAT.PL ‘to our fathers / нашим отцам’

(10) Hittite / Хеттский язык [Lehmann, 1982, с. 211]

n=an apedani mehuni essandu
CONN=him that.DAT.SG time.DAT.SG eat.they.shall
CONN=ero тот.DAT.SG время.DAT.SG кушать.они.будут
‘They shall celebrate him on that date.’ (CONN = connective)

‘Они будут отмечать его в тот день’. (CONN = соединительная клитика)

(11) Jaminjung / Тяминтjунг (Джаминджунг) [Schultze-Berndt, 2000, с. 92]

nanggayan guny-bi-yarluga?
who 2DU.A.3SG.P-FUT-poke
кто 2DU.A.3SG.P-FUT-протыкать
‘Who do you two want to spear?’ ‘Кого ты хочешь пронзить копьем?’

Порядок следования двух метаязыковых элементов может определяться различными принципами, которые нелегко обобщить, поэтому не будет предложено никакого правила для этого упорядочения.

Имеются разные причины того, почему существует соответствие один – многим между элементами объектного языка и элементами глосс. Они сливаются воедино путем равномерного использования точки. Если возникает необходимость различия между ними, можно последовать правилам 4А-Е.

Правило 4А (факультативное)

Если элемент объектного языка не является делимым на сегменты ни формально, ни семантически, а в метаязыке, оказывается, не хватает однословного эквивалента, то вместо точки может использоваться нижнее подчеркивание.

- (12) Turkish / Турецкий язык (ср. 6)
 çık-mak
 come_out-INF
 'to come out / выходить'

Правило 4В (факультативное)

Если элемент объектного языка формально неделим на сегменты, но обладает двумя или более четко различимыми значениями или грамматическими свойствами, то можно использовать точку с запятой. Например:

- (13) Latin / Латынь (ср. 7)
 insul-arum
 island-GEN;PL
 остров-GEN;PL
 'of the islands / островов'
 (14) French / Французский язык
 aux chevaux
 to;ART;PL horse;PL
 к;ART;PL лошадь;PL
 'to the horses / лошадям'

Правило 4С (факультативное)

Если элемент объектного языка можно разделить на сегменты формально и семантически, но автор не желает показывать формальное разделение (поскольку оно не имеет отношения к делу и/или чтобы сохранить целостность текста), может использоваться двоеточие. Например:

- (15) Hittite / Хеттский язык [Lehmann 1982, с. 211] (ср. 10)
 n=an apedani mehuni essandu
 CONN=him that:DAT;SG time:DAT;SG eat:they:shall
 CONN=ero tot:DAT;SG время:DAT;SG кушать:они:будут
 'They shall celebrate him on that date.'
 'Они будут отмечать его в тот день.'

Правило 4D (факультативное)

Если грамматическое свойство в объектном языке сигнализируется морфофонологическими изменениями (аблаут, мутация, чередование тона и т.д.), то используется обратный слэш, чтобы отделить категориальный ярлык от остальной глоссы.

- (16) German / Немецкий язык (ср. 9)
 unser-n Väter-n
 our-DAT.PL father\PL-DAT.PL
 наш-DAT.PL отец\PL-DAT.PL
 'to our fathers / нашим отцам' (ср. единственное *Vater*)

- (17) Irish / Ирландский язык
 bhris-is
 PST\break-2SG
 PST\ломать-2SG

‘you broke / ты сломал’	(ср. непрошедшее <i>bris-</i>)
(18) Kinyarwanda / Киньяруанда	
mú-kòrà	
SBJV\1PL-work	
SBJV\1PL-работать	
‘that we work’ / что мы работаем	(ср. изъявительное <i>mù-kòrà</i>)

Правило 4Е (факультативное)

Если в языке имеются аффиксы лица и числа, выражающие агенсоподобный и пациенсоподобный актант переходного глагола одновременно, то символ «>» может быть применен в глоссе для указания того, что первый является агенсоподобным актантом, а второй – пациенсоподобным актантом.

(19) Jaminjung / Тяминтjung (Джаминджунг) [Schultze-Berndt, 2000, с. 92] (ср. 11)

nanggayan	guny-bi-yarluga?
who	2DU>3SG-FUT-poke
кто	2DU>3SG-FUT-протыкать
‘Who do you two want to spear?’	‘Кого ты хочешь пронзить копьем?’

Правило 5. Показатели лица и числа

Лицо и число не разделяются точкой, если они следуют друг за другом в этом порядке.

(20) Italian / Итальянский язык
and-iamo
go-PRS.1PL (not: go-PRS.1.PL)
идти-PRS.1PL (не: идти-PRS.1.PL)
‘we go / мы идем’

Правило 5А (факультативное)

Число и род очень часто встречаются в некоторых языках, особенно в сочетании с лицом. Поэтому ряд авторов используют незаглавные укороченные сокращения без точки. В этом случае глосса будет выглядеть как во втором ряду в (21).

(21) Belhare / Бельхария		
ne-e	a-khim-chi	n-yuNNa
DEM-LOC	1SG.POSS-house-PL	3NSG-be.NPST
DEM-LOC	1sPOSS-house-PL	3ns-be.NPST
DEM-LOC	1SG.POSS-дом-PL	3NSG-быть.NPST
DEM-LOC	1sPOSS-дом-PL	3ns-быть.NPST
'Here are my houses.'		'Вот мои дома.'

Правило 6. Невидимые элементы

Если поморфемная глосса содержит элемент, который не соответствует видимому элементу в примере, то невидимый элемент может быть заключен в квадратные скобки. Очевидной альтернативой этому будет включение видимого «Ø» в тексте объектного языка, разделенного дефисом на манер видимого элемента.

(22) Latin / Латынь

puer	или:	puer-Ø
boy[NOM.SG]		boy-NOM.SG
мальчик[NOM.SG]		мальчик-NOM.SG
‘boy / мальчик’		‘boy / мальчик’

Правило 7. Врожденные категории

Врожденные, невидимые категории, такие, как род, могут быть указаны в глоссе, но следует использовать специальный символ, показывающий границу, – круглые скобки.

(23) Hunzib / Гунзибский язык [van den Berg 1995, с. 46]

oz#-di-g	хѳхе	m-uq'e-r
boy-OBL-AD	tree(G4)	G4-bend-PRET
мальчик-OBL-AD	дерево(G4)	G4-гнуть-PRET

‘Because of the boy the tree bent.’ (G4 = 4th gender, AD = adessive, PRET = preterite)

‘Из-за мальчика дерево погнулось.’ (G4 = 4-й род, AD = адессив, PRET = претерит)

Правило 8. Двураздельные элементы

Грамматические, или лексические элементы, состоящие из двух частей, которые трактуются как раздельные морфологические объекты (например, двураздельные основы, как в лакотском *na-xʔɕ* ‘слышать’), могут быть обработаны двумя разными способами:

(i) Глоссу можно просто повторить:

(24) Lakhota / Язык лакота

na-wíɕha-wa-xʔɕ
hear-3PL.UND-1SG.ACT-hear
слышать-3PL.UND-1SG.ACT-hear

‘I hear them’ (UND = undergoer, ACT = actor)

‘Я слышу их’

(UND = претерпевающий действие, ACT = совершающий действие)

(ii) Одна из двух частей может быть представлена при помощи особого ярлыка, такого, как STEM:

(25) Lakhota / Язык лакота

na-wíɕha-wa-xʔɕ
слышать-3PL.UND-1SG.ACT- STEM

‘I hear them / Я слышу их’

Циркумфиксы – это «двураздельные аффиксы», и к ним можно относиться таким же образом. Например:

(26) German / Немецкий язык

ge-she-en	или:	ge-she-en
PTCP-see-PTCP		PTCP-see-CIRC
‘seen / виденный’		‘seen / виденный’

Правило 9. Инфиксы

Инфиксы заключаются в угловые скобки, как в самом примере, так и в глоссе.

(27) Tagalog / Тагальский язык

<i>b<um>ili</i>	(основа: <i>bili</i>)
-----------------------	------------------------

<ACTFOC>buy

‘buy / покупать’

(28) Latin / Латынь

<i>reli<n>qu-ere</i>	(основа: <i>reliqu-</i>)
----------------------------	---------------------------

leave<PRS>-INF

‘to leave / оставлять’

Как правило, инфиксы легко распознаются как левопериферийные (как в 27) или правопериферийные (как в 28), и это определяет расположение глоссы, соответствующей инфиксу, относительно глоссы основы слова. Если периферийный статус инфикса не очевиден, то необходимо найти какое-нибудь другое основание для линеаризации глоссы.

Правило 10. Редупликация

Редупликация обрабатывается аналогично аффиксации, но копируемый элемент соединяется с основной при помощи тильды (вместо обычного дефиса).

(29) Hebrew / Иврит

yera~rak-im

green~ATT-M.PL

‘greenish ones / зеленоватые’ (ATT= attenuative / аттенуатив – показатель пониженной интенсивности при оценочной модальности)

(30) Tagalog / Тагальский язык

bi~bili

IPFV~buy

‘is buying / покупает’

(31) Tagalog / Тагальский язык

b<um>i~bili

<ACTFOC>IPFV~buy

‘is buying’ (ACTFOC = Actor focus / фокус на совершающем действии)

Приложение 2

Список стандартных сокращений

1	first person	Первое лицо
2	second person	Второе лицо
3	third person	Третье лицо
A	agent-like argument of canonical transitive verb	Агентоподобный аргумент канонического переходного глагола
ABL	Ablative	Аблатив
ABS	Absolutive	Абсолютив
ACC	Accusative	Аккузатив
ADJ	Adjective	Прилагательное
ADV	adverb(ial)	Наречие (адвербиальная фраза)
AGR	Agreement	Согласование
ALL	Allative	Аллатив
ANTIP	Antipassive	Антипассив
APPL	Applicative	Аппликатив
ART	Article	Артикль
AUX	Auxiliary	Вспомогательный глагол
BEN	Benefactive	Бенефактив
CAUS	Causative	Каузатив
CLF	Classifier	Классификатор
COM	Comitative	Комитатив
COMP	Complementizer	Комплементатор
COMPL	Completive	Комплетив
COND	Conditional	Условное наклонение
COP	Copula	Связка
CVB	Converb	Конверб
DAT	Dative	Датив / дательный падеж
DECL	Declarative	Повествовательный
DEF	Definite	Определенный
DEM	Demonstrative	Демонстратив / указательный
DET	Determiner	Определяющее слово
DIST	Distal	Дистальный
DISTR	Distributive	Дистрибутив
DU	Dual	Двойственное число
DUR	Durative	Дуратив

ERG	Ergative	Эргатив
EXCL	Exclusive	Эксклюзив
F	Feminine	Женский род
FOC	Focus	Фокус
FUT	Future	Будущее время
GEN	Genitive	Генитив / родительный падеж
IMP	Imperative	Императив
INCL	Inclusive	Инклюзив
IND	Indicative	Изъявительное наклонение
INDF	Indefinite	Неопределенный
INF	Infinitive	Инфинитив
INS	Instrumental	Творительный падеж
INTR	Intransitive	Непереходный глагол
IPFV	Imperfective	Имперфективный аспект / несовершенный вид
IRR	Irrealis	Ирреалис
LOC	Locative	Локатив / местный падеж
M	Masculine	Мужской род
N	Neuter	Средний род
N-	non- (e.g. NSG nonsingular, NPST nonpast)	не- (например, NSG не-единственное, NPST непрошедшее)
NEG	negation, negative	Отрицание, отрицательный
NMLZ	nominalizer/nominalization	Номинализатор / номинализация
NOM	Nominative	Номинатив / именительный падеж
OBJ	Object	Объект / дополнение
OBL	Oblique	Косвенный
P	patient-like argument of canonical transitive verb	Пациентоподобный актант канонического переходного глагола
PASS	Passive	Пассив / страдательный
PFV	Perfective	Перфективный аспект / совершенный вид
PL	Plural	Множественное число
POSS	Possessive	Посессив / притяжательный
PRED	Predicative	Предикативный
PRF	Perfect	Перфект
PRS	Present	Настоящее время
PROG	Progressive	Прогрессивный аспект / продолжительный вид
PROH	Prohibitive	Прохибитив / отрицательное повелительное наклонение
PROX	proximal/proximate	Проксимальный / ближайший
PST	Past	Прошедшее время
PTCP	Participle	Причастие
PURP	Purposive	Выражающий цель
Q	question particle/marker	Вопросительная частица / маркер
QUOT	Quotative	Квотатив / цитатив
RECP	Reciprocal	Реципрок
REFL	Reflexive	Рефлексив / возвратный
REL	Relative	Относительный
RES	Resultative	Результатив
S	single argument of canonical intransitive verb	Единственный актант канонического непереходного глагола
SBJ	Subject	Субъект
SBJV	Subjunctive	Сослагательное наклонение
SG	Singular	Единственное число
TOP	Topic	Топик
TR	Transitive	Переходный глагол
VOC	Vocative	Звательный падеж

Литература

- Fortescue, Michael. 1984. West Greenlandic. (Croom Helm descriptive grammars) London: Croom Helm.
- Haspelmath, Martin. 1993. A grammar of Lezgian. (Mouton Grammar Library, 9). Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
- Lehmann, Christian. 1982. “Directions for interlinear morphemic translations”. *Folia Linguistica* 16: 193–224.
- Schultze-Berndt, Eva. 2000. Simple and complex verbs in Jaminjung: A study of event categorization in an Australian language. Katholieke Universiteit Nijmegen Ph.D. Dissertation.
- Sneddon, James Neil. 1996. Indonesian: A comprehensive grammar. London: Routledge.
- van den Berg, Helma. 1995. A Grammar of Hunzib. (Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 1.) München: Lincom Europa.

N.I. Vinokurova

Glossing as a method of representing texts written in Yakut

This article talks about the necessity of using interlinear morphemic glossing as a method of presenting examples from the Yakut language in philological research works for readers not familiar with the language. The article considers morphemic glossing with regard to the specific nature of the language, in particular, it offers some ways of translating lexical meanings inherent to the Yakut language into elements of the metalanguage, namely, the descriptive lexicon. Special attention is paid to the problem of rendering abbreviated designations of grammatical categories – category labels. Also discussed are issues pertaining to the homonymy and polysemy of morphological markers. Included in the appendix is the author’s version of the translation of Leipzig glossing rules.

Keywords: glossing, morphemic division, morpheme, Leipzig glossing rules, category label, lexical meaning, grammatical meaning, Yakut language.

УДК 811.512.157’373.221

А.А. Кузьмина

Названия деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект)

В статье представлен анализ лексико-семантической группы названий деревьев и кустарников якутского языка в сравнительном аспекте. Материалом послужили словари якутского языка, сравнительные словари тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, этимологический словарь алтайских языков. Методическую основу статьи составили сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам. Констатируется, что в якутском языке произошел семантический сдвиг в лексеме *тыа* ‘лес, тайга’, которая в других тюркских языках употребляется в значении ‘гора’. Большинство названий деревьев и кустарников современного якутского языка – слова собственно тюркского происхождения, например, названия березы, лиственницы, ели, ивы. Лексемы, связанные с северной лесной природой: *болбукта*, *лабыкта*, *сиибиктэ* и т.д., заимствованы из тунгусо-маньчжурских языков. Монгольскими заимствованиями являются слова *ойуур* ‘лес’, *чараң* ‘березовая роща’. На основе приведенных данных выдвигается предположение о ранних ареальных контактах с монголоязычными народами и смене географических условий проживания якутов.

Ключевые слова: названия деревьев, этимология, корневая основа, лексика, ареальный контакт, морфема, реконструкция, алтаистика, фономорфология, аффиксация.

Названия растений относятся к базисной лексике, анализ их дает основание судить о возможных путях исторического развития языка и его

носителей. К настоящему времени опубликовано множество научных работ, выполненных в этом аспекте. Так, существуют исследования, в кото-

рых выдвигаются гипотезы о локализации прародины алтайских народов в свете семантической реконструкции названий деревьев [Хайду, 1985]. Обширная работа по исследованию этимологии фитонимов в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках проведена Л.В. Дмитриевой [Дмитриева, 1979]. На основе полученных общетюркских данных ею обоснован вывод о том, что, вероятно, ботаническая среда прародины древних тюрков состояла из деревьев – березы и яблони, а из злаковых и трав были известны дикий горох, лук, просо, пшеница, ячмень. Она также реконструировала общее монголо-тунгусское обозначение дерева а для названия осины ~ тополя – тюрко-монголо-тунгусскую общность [Там же, с. 188].

Сравнительное исследование названий деревьев в общетюркской лексической системе провел К.М. Мусаев. В результате он пришел к выводу о том, что «теоретически можно было предположить, что такие лексические группы, как названия деревьев и названия диких животных, в тюркских языках являются интегрирующими словами. Однако ... формирование указанных групп терминологии проходит сложный путь, что проявляется в географии этих слов» [Мусаев, 1984, с. 17].

В работе Ю.В. Норманской предложена верификация месторасположения прародины тюрков на основе интерпретации названий растений и деревьев. Подробно рассмотрены лингвистические и археологические данные, подтверждающие гипотезу о возможной прародине и миграциях носителей пратюркского языка. Ею реконструированы следующие названия деревьев: дуб, клен, виноград, ясень и слива / абрикос, которые не растут в Саяно-Алтайском регионе, но встречаются в китайской провинции Шаньси. В связи с этим возникло предположение, что продолжительное время тюрки жили на Ордосе, затем мигрировали на Саяно-Алтайское нагорье. Представляет большой интерес то, что в данной работе приведена карта, на которой обозначены места распространения однозначно и неоднозначно реконструируемых для пратюркского языка названий деревьев [Норманская, 2006]. Также ею установлены два типа семантических переходов в системе названий дикорастущих растений в тюркских языках: 1) семантические переходы в пределах одного ботанического семейства растений и 2) семантические

переходы названий растений из одного семейства в другое.

Проблеме алтаистики, восстановлению системы и приблизительного времени существования праалтайского языка, периоду распада и ранних контактов пратюрков посвящены исследования А.В. Дыбо [Дыбо, 2007]. Значение ее исследований, как отметила Ю.В. Норманская, заключается в том, что в них разработана методика анализа семантических изменений в диахронии.

Фундаментальным трудом последних десятилетий в области алтаистики можно назвать обширные исследования С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, в результате которых составлен EDAL (Этимологический словарь алтайских языков). Публикация данного словаря открыла новый путь в сравнительно-историческом исследовании корневых основ алтайских языков, реконструкции генетически общих элементов и установлении заимствований, возникших в результате ареальных контактов [EDAL, 2003]. Как подчеркнула А.В. Дыбо, «работа над Этимологическим словарем алтайских языков (EDAL) одним из следствий имела этимологизацию значительного количества слов алтайских языков, относящихся к лексике природного окружения, в частности, названий растений» [Дыбо, 2006, с. 42].

Мотивирующие принципы номинации растений рассматриваются в работах Н.Б. Бургановой [Бурганова, 1976], А.Г. Шайхулова [Шайхулов, 1988]. Флористическая лексика в тунгусо-маньчжурских языках описана Б.В. Болдыревым [1976, с. 52–57], Л.И. Сем и Ю.А. Сем [1988, с. 3–28]. Известны также исследования по фитонимам в монгольском языке Ц.Б. Будаева [1960], Э.Ч. Бардаева [1980].

Обширный материал для исследования лексики якутского языка, в том числе названий растений, представлен в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского [Пекарский, 1958–1959], «Большом толковом словаре якутского языка» [БТСЯ, 2006; 2009] и «Этимологическом словаре якутского языка» Г.В. Попова [Попов, 2003]. Интерпретация природных условий проживания якутов до появления их на Средней Лене, возможных первоначальных контактов с монголоязычными и тунгусоязычными племенами на основе анализа лексического материала изложена Н.К. Антоновым [Антонов, 1971].

Интерес к изучению этой тематической группы лексики возрастает в связи с появлением но-

вых работ и совершенствованием методов исследований. В тюркологических работах последних лет применяются новые методические приемы, которые дают возможность восстановить еще неизвестные до сегодняшнего дня древние языковые связи, проследить развитие семантики слова. Задача данной статьи состоит в исследовании названий деревьев и кустарниковых растений в сравнении с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Обратимся, прежде всего, к якутскому слову *тыа* 'лес', пратюркской формой которого является **dāg* 'гора', таҕ (орх., др.-уйг.), карах. таҕ, тур. daḡ, гаг. dā, аз. daḡ, туркм. daG, сал. daḡ, хал. toḡ, узб. toḡ, уйг. таҕ, караим. daḡ, тат. taw, башк. tau, кирг. tō, каз. taw, кбалк. tau, ккалп. taw, кум. taw. ног. taw, ж.-уйг. таҕ, хак. таҕ, шор. таҕ, ойр. tū, тув. daḡ, тоф. daḡ, таҕ, чув. tu, як. tia 'лес, тайга', долг. tia 'тундра' [EDAL, 2003, с. 1359]. В древнетюркских памятниках и во всех тюркских языках эта лексема употребляется в значении 'гора'. Относительно семантического перехода 'гора' → 'лес' Н. К. Антоновым выдвинуто следующее предположение: «Можно полагать, что якутское *тыа* свое значение 'лес' имело, как показывают параллели, с древних времен, обозначая лес, растущий, возможно, на гористых местах. В последующем *таб* дифференцировало свое значение в одних языках как 'гора', в других – 'лес'» [Антонов, 1971, с. 18]. Образование дифтонга в корневой основе *тыа* 'лес' произошло вследствие выпадения тюркского увулярного у.

Якутскую основу *mas* 'дерево' Н.К. Антонов возводил к монгольскому *mod(on)* 'дерево, лес; древесина, бревно', которое «в древности при словопроизводстве утрачивало конечное *дон*. Например, в "Сокровенном сказании" встречаем *мочи* – плотник, подобное якутскому *масчыт* – дроворуб, дровосек» [Там же, с. 24]. Эту же основу в составе 110 сходжений между алтайскими языками отметил С.А. Старостин: «12 "дерево": ср.-мо., п.-мо. *mo-dun* (< **mor-dun*) ~ ТМ **mō* (< **mōr*) < алт. **mōr/u*. Монг.: ср.-мо. *modun*, п.-мо. *modun*, калм. *modn*, мо. *mod*, дун. *mutun*, даг. *mood*, юй. *muudən*, монгр. *mōDi*. Монг. *mo-dun* регулярно восходит к **mor-dun* с утратой -г перед суффиксом -*dun*. ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., ороц., уд., ульч., орок., нан. *mō*, манья. *moo* [ТМС, 1, с. 540–541]» [Старостин, 1991, с. 53]. В тунгусо-маньчжурских языках лексема *mō* 'дерево' Джоном Клоусоном и К.А. Новиковой отмечена как

иноязычный элемент из китайского языка [Новикова, 1972]. Но С.А. Старостин считает, что «это абсолютно исключено» [Старостин, 1991, с. 53].

Е.А. Хелимский, исследуя самодийско-тюркские связи, в качестве самодийских заимствований в общетюркском обозначил названия следующих деревьев: сам. *kaētiā* 'ель' > тюрк. *kadi* 'сосна', сам. *titeḡ* 'сибирский кедр' > тюрк. *tīt* 'лиственница', *kāsa* 'кора' > *kās* 'кора' [Хелимский, 1982]. Данная гипотеза частично опровергнута А.В. Дыбо, поскольку приведенные основы убедительно получили алтайские этимологии: «При принятии гипотезы о самодийском заимствовании, оказывается, что тюрки почему-то, приобретая название ранее неизвестного им дерева ..., заимствовали для него совсем другое дерево. Что касается географии распространения обсуждаемых деревьев, то кедр засвидетельствован на южных склонах Монгольского Алтая ..., лиственница же распространена гораздо дальше на восток и юг, в частности, на Тянь-Шане и в Ордосе, т.е. гораздо ближе к предполагаемым местам обитания пратюрков и, скорее всего, была им хорошо известна, как и сосна, и ель; в таких обстоятельствах заимствование названия кедр для обозначения лиственницы или ели для обозначения сосны маловероятно» [Дыбо, 2007]. Название представлено в следующих языках, которые в основном составляют северо-восточную группу тюркских языков: ПТюрк. **Tīt* 'лиственница', др.-тюрк. *tīt* (др.-уйг.), карах., *tīt*, тат. диал. *tet aḡas*, кирг. *tīt* 'mulberry tree', хак. *tīt*, шор. *tīt*, ойр. *tīt*; тув. *dit*, тоф. *tīt*, *dit* / *tīt*, як. *tīt*, долг. *tīt* [EDAL, 2003, с. 390]. М. Ряснен предполагает, что тюркские *tīt* и тунгусо-маньчжурские **ʃaktikān* были заимствованы из финно-угорских языков: ср. манс. *ʃuyt*, хант. *texət* [Rasanen, 1920]. Интересно, что тунгусо-маньчжурским рефлексом является эквивалент **ʒagda* 'сосна'. Обе формы восходят к праалтайскому **čäkte* 'сосна, лиственница' [EDAL, 2003].

Анализируя, тюрк. **böl* 'кедр', як. *bes* 'сосна', тув. *pöʃ*, тоф. *möš*, галт. *möš* 'кедр' [EDAL, 2003, с. 373], В.И. Рассадин причислил данную лексему в тофаларском языке к словам неизвестного происхождения. Ю.В. Норманская рассматривает её как ареальную рефлексии праалтайского и восстанавливает значение: 'сосна кедровая сибирская'. Переход значения 'кедр' → 'сосна' объясняет отсутствием в Якутии кедр, так как на данной территории произрастают кедровый стланик и сосны [Норманская, 2006].

К.М. Мусаевым установлена дифференциация названий сосны в тюркских языках по трем зонам: 1) *gaḡaʔaj* в разных фонетических вариантах (алт., кирг., ккалп., каз., ног., башк. узб., уйг., хак.); 2) *parat* в западнокыпчакских языках, возможно, заимствовано из монгольских языков: ПМонг. **para-su* 'сосна', ср.-мо. *parasun*, п.-мо. *para-su(n)*, х.-мо. *pars*, бур. *parha(n)*, калм. *parsan*, орд. *parasu*, даг. *pars*, *parsu*; 3) *čam* распространено в Малой Азии и в Закавказье. Существующее в большинстве тюркских языков *gaḡaʔaj* рассматривается как ареальное кыпчакское название, противопоставленное огузскому [Мусаев, 1984, с. 24]. В отличие от других указанных языков якутское харыйа и киргизское *kaḡaʔaj* употребляются в значении 'ель', а в татарском языке – 'лиственница'. М. Ряснянен тюрк. *gaḡaʔaj* считал заимствованием из монгольских языков и приводил урало-алтайскую этимологию: фин. *kaḡa* 'твердый, сухой сук', *karahka* 'молодая пихта; срубленная ветвь', сам. *hāru*, *kāru* 'лиственница', эвенк. *gaḡa*, эвен. *gaḡ* 'сухая ветвь', а также коряк. *karak* 'корейский дуб' [Rasanen, 1920]. О данной верификации М. Ряснянен в ЭСТЯ отмечено следующее: «Это сопоставление представляется весьма конструктивным, поскольку здесь возможна более глубокая этимологическая связь... Дело в том, что наличие хак. диал. *kaʔi* позволяет предположить в этом слове в интервокальном положении гипотетический согласный **δ*, который дал в языках рефлекс в виде й, з-с, д-т, з, р. В таком случае праформа этой лексемы могла бы быть восстановлена в виде **gaḡi*, давшего в эти языки закономерные хайы, хазы, хады, хары-йа, хыр-а... Рефлексы праформы **gaḡi* находят параллели в самодийских языках, в которых зафиксированы разные формы: кари, кади, хады, каады, кат ... 'ель' ... и в которых праформа этой лексемы восстанавливается в виде *kaʔet* 'ель'. Возможно, что между тюркской праформой **gaḡi* и самодийской **kaʔet* существует глубинная этимологическая связь, поскольку известно, что самодийские племена ранее обитали в Южной Сибири, где они входили в контакт с древними тюркскими племенами» [ЭСТЯ, 1997, с. 292–293]. Таким образом, в данной лексеме восстанавливается корневая основа **kaʔ* 'кора'.

В местах расселения тюркских народов широко распространено название березы:

ПТюрк. **Kaḡiḡ* 'береза': карах. *qadiḡ*, *qajḡ*, тур. *kajin* 'beech tree', аз. *Gajin* 'maple tree', туркм.

Gajin, узб. *qejin*, уйг. *qejin*, башк. *qajin*, кирг. *qajin*, *qajin*, каз. *qajin*, ккалп. *qajin*, хак. *haxin*, шор. *qazin*, ойр. *qajin*, тув. *xadin*, тоф. *qadin*, чув. *hogin*, як. *haxin* [EDAL, 2003, с. 628]. Л.В. Дмитриева в качестве этимона данного наименования предложила «**gaḡ* // *gaz*, которое также служит для обозначения 'коры' с аффиксом множественности *-iz*, возможно отыменный аффикс с уменьшительным значением: *gaḡiz* // *gagiz*» [Дмитриева, 1979, с. 146]. Позже данное слово также было возведено «к основе 'кора, береста' + единый древний аффикс имен действия *-ḡ, -n*» [ЭСТЯ, 1997, с. 214].

Лексема *ḡöt* 'тальник болотный, ива' в якутском языке [БТСЯЯ, 2015, с. 512], др.-уйг., др.-тюрк. *sögüt*, 'дерево', гаг. *süt*, генетически связана с тур. диал. *söyme* 'новый росток обрезанного дерева', *sug-* 'вновь давать ростки (о корне срубленного дерева)', *suv-* 'подниматься из почвы' (об отростках), *süy-* 'давать побеги (о дереве)'; *söysek* 'ива', *süyün* 'растущий побег, побеги дерева' и является производной от глагольной основы **сөг-* > *сөй-* // *сүй-* 'давать побеги, ветвиться' [ЭСТЯ, 1980, с. 336].

Лексема *sihik* 'береза' возведена к иранскому источнику **zərəšk* гилан., перс. **zirk* 'барбарис'. Предполагается, что в якутский язык иранские лексемы могли проникнуть из древнеуйгурского и монгольского языков в разные периоды времени [СИГТЯ, 2001, с. 130]. Татарское и башкирское *jerek* 'ольха' Рона-Таш относит к разновременным болгарским заимствованиям [Rona-Tas, 1970, с. 416]. Однако авторы «Этимологического словаря алтайских языков» предлагают алтайскую этимологию: Палт. **jerük* 1 'ольха' 2 'кедр': тат. *jerek*, *jörek* 1, башк. *jerek* 1, кбалк. *žerk* 1, шор. *jürgek* 2, ойр. *jürük*, чув. *širək* 1, як. *sihik* [EDAL, 2003, с. 1542].

Эквивалент *ḡe* 'ива (кустарник или дерево)' [БТСЯЯ, 2006, с. 581] восходит к др.-тюрк. *egir* 'аир болотный'. Вероятную модель образования можно рассматривать в виде: *eg-* 'сгибать, наклоняться' + *-ir* (каузативная переходная форма) + *-e* (аффикс образования имени). Здесь налицо фонетическое развитие комплекса *гласный + согласный + гласный* в долгий гласный. В современных тюркских языках данная лексема для обозначения ивы не используется.

В якутской лексико-семантической группе названий деревьев и кустарников встречаются также основы монгольского происхождения: якут-

ское ойуур 'лес' < монг. ой 'лес'. Полностью соответствуют бурятскому и халха-монгольскому языкам: ПМонг. *hoj 'лес', ср.-мо. хоі, п.-мо. оі, мо. ој, орд. өі, даг. оі, монгр. fē, калм. ө, бур. ој 'лес', як. ој 'лесок в открытом поле' [EDAL, 2003, с. 1160].

Якутская лексема чараң 'березовая роща' восходит к бурятскому шэрэнги 'роща'. В монгольских языках представлена в следующем виде: ПМонг. *čirgaj 'густой, высокоствольный (о лесе)', п.-мо. čir'ai, мо. čargaј, бур. šerengi 'thin growth, pinery', калм. čir'a 'dense (branches); a k. of tree or bush' [Там же, с. 393].

Относительно происхождения эквивалента ойуур Л.В. Дмитриева высказала следующее предположение: «...судя, по туркм. ой (долгий начальный гласный), ср.-мо. hoі, hōі, очевидно, что исконная форма рассматриваемой лексемы была с начальным согласным *h-, который, учитывая монгр. fē, имел праформой *p-, т.е. oі < hōі < fōі < *pōі. Якутское ойуур 'дремучий лес', 'тайга' происходит, судя по семантике, от ој 'лес', но с помощью тюркского аффикса -ур, образующего не только отглагольные, но и, видимо, редкие отыменные имена. Г. Рамстедт отмечает, что тюркскому аффиксу -р соответствует монгольский -ра // -ура, тунгусо-маньчжурский -р // -ра» [Дмитриева, 1984, с. 149].

Некоторые заимствованные из монгольского языка лексемы через якутский язык проникли в эвенкийский: эвенк. лавā 'ветвь, отросток рогов; ветвистый (о рогах оленя)' [ТМС, I, с. 485]. < як. лабаа 'боковой отросток ствола или стебля растения, на котором вырастают листья или хвоя, ветвь, лоза' [БТСЯЯ, 2009, с. 66]. Восходит к ПАлт. *lēmō: ПМонг. *lamaʁa 'лист некоторых растений', ср.-мо. laba, п.-мо. патауа, pamči, мо. pamā, бур. pamā, калм. pamč, ойр. pamči, орд. pamā, мог. pōt, даг. lavā 'листа' [EDAL, 2003, с. 871]. В якутском языке в результате стяжения увулярного согласного в ауслауте омертвело аффикса образована долгая гласная. В инлауте переднеязычный *l сохранен.

Из тунгусо-маньчжурских языков в якутский проникли лексемы, связанные с северной лесной природой: болбукта, лабыкта, сиибиктэ и т.д. Эвенк. сивээктэ, эвен. hūvэʃ, нег. сивуктэ, ульч. сиуктэ, нан. сиуктэ, ма. сиб'а ~ сибе 'хвоиц' имеют алтайскую этимологию: ПТМ *sʲibe 'хвоиц', ПМонг. *sʲiber 'заболоченная чаща' являются рефлексамии праалтайской основы *sʲipe 'болоти-

стая почва, болотная растительность' [Старостин, 1991, с. 126].

Якутское болbukta образовано от эвенкийского болgig, болgigkta. В EDAL реконструировано следующим образом: ПТМ *bolgi 'кедровый стланик', эвен. болgit, негид. болgigkta, ороч. boggigkta, нан. болGokto 'кедровый стланик' [EDAL, 2003, с. 373].

Тунг.-маньч. лавуктэ возведено к ПАлт. *lāblé 'мох, лишайник': ПТунг. *lālbi-kta / *lelu-kte, эвенк. lālbikta, lelukte, nalbakta, нег. lēlixе, ульч. lelukte [Там же, с. 859] > як. labikta 'лишайник, олений мох, ягель' [БТСЯЯ, 2009, с. 70].

Среди заимствований из тунгусо-маньчжурского также существуют лексемы собирательно-го значения: ПТМ *žagda 'сосна', эвенк. žagda, эвен. žaʁdъ, нег. žagda, ма. žaqdan, ульч. žagda, нан. žāGda; сол. žagda [EDAL, 2003, с. 390] > як. čagda 'сосновый бор'.

Кроме вышеуказанных, большой интерес представляет наличие в якутском языке лексемы tetiŋ 'осина' < сам. titeŋ 'сибирский кедр', которая, возможно, является заимствованием из самодийского, в результате комбинаторного чередования гласных с переднего ряда на задний. Если учесть, что часть самодийских заимствований локализуется в южносибирских тюркских языках, то можно ли признать в этой лексеме следы раннего прасамодийско-тюркского ареального контакта, сохраненные в якутском языке? Такой вопрос возникает в связи с тем, что в других современных тюркских языках данная лексема отсутствует. Е.А. Хелимским [1982] обнаружены самодийские заимствования в якутском, не имеющие соответствия в других сибирских языках: хартаʁas 'красная смородина' – название, которое также существует в эвен. kaptaʁas [ТМС, I, с. 377], ПС *keptu 'смородина', як., tūt, тув. tut 'охотничьи лыжи (подбитые шкурой)', ПС tutə 'лыжи', отражено в эн. tudə, нган. tutə 'то же'. Также большая часть самодийских заимствований зафиксирована в южносибирских тюркских языках [Широбокова, 2005, с. 68]. А.В. Дыбо и В.Ю. Норманская отметили следующее: «Вырисовывается картина довольно интенсивных контактов с тунгусо-маньчурами, тюрками и палеоазиатами. Представляется, что дальнейшее сопоставление полученных результатов с данными археологии позволит уточнить наше представление о времени и месте существования как прасамодийского этноса, так и тунгусо-маньчжурско-

го, тюрков и палеоазиатов» [Дыбо, Норманская, 2010, с. 52].

Итак, большинство названий деревьев и кустарников в якутском языке имеют собственно тюркское происхождение. Общетюркским является: ПТюрк. *Kadıñ ‘береза’: карах. qadıñ, qajıñ, тур. kajın ‘beech tree’, аз. Gajın ‘maple tree’, туркм. Gajıñ, узб. qejin, уйг. qejin, qajın, башк. qajın, кирг. qajıñ, qajıñ, каз. qajıñ, ккалп. qajıñ, хак. xazıñ, шор. qazıñ, ойр. qajıñ, тув. xadıñ, тоф. qadıñ, чув. xoğın, як. xatıñ. Но, в отличие от других тюркских языков, в якутском языке произошел семантический сдвиг в лексеме tia ‘лес, тайга’. Ареальную общность с тюркскими языками Южной Сибири составляют названия хвойных деревьев, что доказывает генетическое родство данных групп тюркских языков: ПТюрк. *Tīt ‘лиственница’, др.-тюрк. tīt (др.-уйг.), карах., tīt, тат. диал. tet aṯ as, кирг. tīt ‘mulberry tree’, хак. tīt, шор. tīt, ойр. tīt; тув. dīt, тоф. tīt, dīt / tīt, як. tīt, долг. tīt; ПТюрк. *böl ‘кедр’, як. bes ‘сосна’, тув. rō’s, тоф. mōš, галт. mōš ‘кедр’.

Монгольские заимствования полностью соответствуют бурятскому и халха-монгольскому языкам, что свидетельствует о наиболее тесных связях с данными монголоязычными племенами: ПМонг. *hoj, ср.-мо. hoī, п.-мо. oi, мо. oj, орд. öi, даг. oi, монгр. fē, калм. ö, бур. oj ‘лес’, як. oj ‘лесок в открытом поле’; як. чараң ‘березовая роуца’ < бур. шэрэнги ‘роуца’: ПМонг. *čirgaj ‘густой, высокоствольный (о лесе)’, п.-мо. čir’ai, мо. čargaj, бур. šerenḡi ‘thin growth, pinery’, калм. čir’a ‘dense (branches); a k. of tree or bush’ [EDAL, 2003, с. 393]

Таким образом, тунгусо-маньчжурские заимствования связаны с названиями кустарниковых растений, распространенных на Севере Сибири. В якутских названиях деревьев обнаружено также наличие лексемы tetiñ ‘осина’ < сам. titeñ ‘сибирский кедр’, которая, возможно, является заимствованием из самодийского языка.

В якутском языке исходные пратюркские формы корневых основ частично сохранились в связи с тем, что носители праякутского языка рано обособились от основной массы тюркских языков. Вместе с тем удаленность и ареальные контакты с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками определили формирование специфических особенностей в названиях деревьев, что обусловлено сменой географических условий проживания якутов.

Литература

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1971. – 174 с.
- Бардаев Э.Ч. Фитонимы в монгольских языках // Вопросы грамматической системы монгольских языков – Элиста, 1980. – С. 98–108.
- Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных, обозначающих названия растений // Исследования по языкам Сибири. – Новосибирск, 1976.
- Бурганова Н.Б. О татарских названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарских языков. – Казань, 1976. – С. 125–142.
- Будаев Ц.Б. О флористической терминологии // Труды БКНИИ СО АН СССР. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960. – С. 80–88.
- Дмитриева Л.В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 135–192.
- Дмитриева Л.В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. – Л.: Наука, 1984. – С. 130–177.
- Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Восточная литература, 2007. – 221 с.
- Дыбо А.В. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев. К 100-летию со дня рождения. – Элиста, 2006. – С. 42–64.
- Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Прасамодийская лексика материальной культуры / Материалы III международной научной конференции по самодистике. – Новосибирск, 2010.
- Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 226 с.
- Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / под ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1972. – 360 с.
- Норманская Ю.В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка. – М., 2006. – С. 387–435.
- Норманская Ю.В. Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А.В. Дыбо; Ин-т языкознания РАН. – М.: Восточная литература, 2008. – 342 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 2-е изд.: в 3 т. – М.: Наука, 1958–1959.
- Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. – Ч. 1. (А – Дь).

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 252 с.

Сем Ю.А., Сем Л.И. Лексика, связанная с растительным миром, в нанайском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М., 1991.

Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М., 1982. – 164 с.

Шайхулов А.Г. Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. – Казань, 1988. – С. 107–114.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск, 2005. – 272 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / под ред. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 388 с.

Rasanen M. Die tscchuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki: 1920 (MSFO u XLVIII).

Rona-Tas Az aitari nyelvrokonsa'g vizsgalata'nak alapjai (A nyelvrokonsa'g elmeletes a csuvas-mongol nyelviskony) / Doktori erekozes tezisei. – Budapest, 1970.

Сокращения

БТСЯЯ, 2006 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. – Т. III (Буквы Г–И) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 842 с.

БТСЯЯ, 2009 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. – Т. VI (Буквы Л–Н) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 517 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. – Т. XII (Буквы У–Ү) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 596 с.

СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 821 с.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Т. I / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «К» / под ред. Г.Ф. Благовой. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 388 с.

ЭСТЯ, 1980 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л, М, Н, П, С» / под ред. Н.З. Гаджиевой – М.: Наука, 1980. – 395 с.

EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden, 2003. – 1556 с.

ПАлт. – праалтайское
монг. – монгольский
ПМонг. – прамонгольский
п.-мо. – письменно-монгольский
ср.-мо. – среднемонгольский
бур. – бурятский
даг. – дагурский
дун. – дунсянский
калм. – калмыцкий
мо. – халха-монгольский
монгр. – монгорский
орд. – язык монголов Ордоса
тюрк. – тюркский
ПТюрк. – пратюркский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-уйг. – древнеуйгурский
орх. – орхонский
карах. – караханидский,
аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
баш. – башкирский
гаг. – гагаузский
долг. – долганский
каз. – казахский
караим. – караимский
кбалк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
ккалп. – каракалпакский
кум. – кумыкский
ног. – ногойский
ойр. – ойратский
тат. – татарский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тур. диал. – турецкий диалект
тоф. – тофаларский
туркм. – туркменский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
сал. – саларский
хак. – хакаский
хал. – халаджский
чув. – чувашский
шор. – шорский
як. – якутский
т.-ма. – тунгусо-маньчжурский
ПТМ – пратунгусо-маньчжурский
ТМ – тунгусо-маньчжурское
коряк. – корякский
ма. – маньчжурский

нан. – нанайский
 нег. – негидальский
 орок. – орокский
 ороч. – орочский
 сол. – солонский
 тунг.-маньч. – тугусо-маньчжурское
 уд. – удэ́йский

ульч. – ульчский
 эвенк. – эвенкийский
 эвен. – эвенский
 фин. – финский
 сам. – самодийский
 эн. – энецкий
 нган. – нганасанский

A.A. Kuzmina

The names of the trees and shrubs in the Yakut language (comparative aspect)

The article presents an analysis of the lexical-semantic group of names of trees and shrubs of the Yakut language in comparative aspect. The material analysis became the Yakut language dictionaries, comparative dictionaries of Turkic and Tungus languages, etymological dictionary of the Altaic languages. Methodical basis of the article were comparative historical studies of Altaic languages. It is stated that in the Yakut language semantic shift occurred in token *tya* 'forest, taiga' which in other Turkic languages is meaning of 'mountain'. Most of the names of the trees and shrubs of the modern Yakut language are the words of a Turkic origin, for example, with Turkic names are birch, larch, spruce, willow. Lexemes associated with the northern forest nature: *bolbukta*, *labykta*, *siibikte* etc. borrowed from the Tungus languages. Mongolian borrowings are words *oyuur* 'forest', *charaṅ* 'birch grove'. On the basis of these data, the speculation about early areal contact with the Mongol people and changing geographic conditions Yakuts living.

Keywords: the names of trees, etymology, root base, vocabulary, areal contact, morpheme, reconstruction, Altaic, fonomorfology, affixation.

УДК 811.512.211

С.И. Шарина

Деепричастия в нижнеколымском говоре эвенского языка

В статье рассматривается статус деепричастных форм в не имеющем системного описания нижнеколымском говоре эвенского языка. Выясняется, что состав деепричастных форм в нижнеколымском говоре имеет схожие черты с западными диалектами эвенского языка, однако, в отличие от ламунхинского и саккырырского говоров, в нем отсутствуют формы одновременно-длительного действия и определенных форм разновременного действия. В описываемом говоре выделяются все традиционно классифицируемые в эвенском языке разряды деепричастий: три неизменяемые формы; две формы, изменяемые по числу; пять изменяемых по лицам и числам, то есть спрягаемых форм. Статус деепричастных форм в нижнеколымском говоре не имеет отличий от других диалектов и говоров.

В отличие от восточного наречия в нижнеколымском говоре фиксируется употребление формы множественного числа одновременного деепричастия с суффиксом *-сал /-сэл*, что присуще западным говорам.

Материалом для написания данной статьи послужили материалы автора, собранные во время полевых экспедиций в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2013–2015 гг.

Ключевые слова: эвенский язык, нижнеколымский говор, неизменяемые деепричастия, деепричастия, различающие формы числа, спрягаемые деепричастные формы.

Специальное изучение состава и статуса деепричастных форм эвенского языка еще не предпринималось, не освещен в научной литературе и вопрос об употребительности определенных деепричастий в диалектах эвенского языка. В данной связи представляется весьма актуальным рассмотрение их функционирования в говорах,

© С.И. Шарина, 2016

так как приобщение новых данных по еще недостаточно изученным говорам имеет определенную ценность для документации исчезающего эвенского языка.

Нижнеколымский говор относится к ещё не описанным говорам. В существующих классификациях говоров и диалектов эвенского языка он

как отдельная единица был выделен сравнительно недавно [Бурыкин, 2004, с. 79]. Основные особенности данного говора освещались только в нескольких статьях, затрагивавших довольно узкие вопросы [Шарина, 2014, с. 191–193; 2015, с. 209–214; 2016, с. 164–166].

Материалом для работы явились полевые материалы автора, собранные во время фольклорно-лингвистических экспедиций Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск) в пос. Черский, сс. Андрюшкино и Колымское Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) в 2013–2015 гг. В ходе экспедиций были зафиксированы образцы бытовой речи, повествовательных текстов, некоторые фольклорные материалы разных жанров (сказки, песни, предания), произведена запись лексических единиц и фразовых примеров к ним, уточнено значение отдельных словоформ. Информанты, с которыми работала экспедиция, в основном люди старшего поколения, самому молодому из них – около 40 лет, самому старшему – более 70. Молодое поколение эвенов родным языком владеет частично, в большинстве случаев понимает, но не говорит. Материалы, собранные участниками экспедиций, позволяют сделать вывод об основных признаках, характерных для нижнеколымского говора.

Деепричастия в эвенском языке традиционно классифицируются на три разряда: 1) неизменяемые; 2) изменяемые по числу; 3) изменяемые по лицам и числам, то есть спрягаемые. Последняя группа может быть разбита на два подкласса:

а) деепричастия, имеющие только личные формы (формы 1-, 2- и 3-го лица обоих чисел, например, условно-временное деепричастие);

б) деепричастия, имеющие личные и безличные формы (например, деепричастия цели и одновременности) [Новикова, 1980; Роббек, 2007; Цинциус, 1947].

В грамматических описаниях эвенского языка в состав неизменяемых деепричастий включают три формы:

1) условно-временное деепричастие с суффиксом *-ми*;

2) деепричастие предела с суффиксом *-кан / -кэн*;

3) последовательное деепричастие с суффиксом *-мин*.

В рассматриваемом говоре представлены все три формы неизменяемых причастий.

Условно-временное деепричастие образуется от основ глаголов посредством суффикса *-ми*. Деепричастие с суффиксом *-ми* имеет два основных значения – условия и времени. При условном значении деепричастия глагол-сказуемое главного предложения обозначает следствие действия, выраженного данным деепричастием; при временном значении – простое следование действия во времени за действием, выраженным деепричастной формой. Деепричастие на *-ми* употребляется преимущественно в условном значении, что частично объясняется наличием в системе эвенских деепричастий двух форм с чисто временными значениями – одновременного деепричастия с суффиксом *-никан/-никар* и разновременного деепричастия с суффиксом *-риди/-ридор*.

Примеры употребления деепричастия на *-ми* в условном значении в нижнеколымском говоре: *Тадур бэкэччэн тарав тэвкэми илан тыһынча бид'ин оран*. 'Если всех там посчитать, то будет три тысячи оленей'. *Ирулду эһтэн д'аваткараар ууну, тукланд'ин гөми эһтэн д'аваткараар*. 'Летом собак не держат, бесполезным считая, не держат'. *Бэгэһэлти боллар ирулду морали, окатли бивэткэрэр итнэми, моторач*. 'Начальники наши летом по морю, по реке на моторке проверять приезжают'.

Пример употребления деепричастия на *-ми* во временном значении: *Тар тавур ниамичар тугэ-дэттэн гөми һинмач нулгуми нада болла, иһовми нада, тигэми тар һэгэнникэһэл тар тачин нулгэд'энчэл*. 'Во время отела важенок надо быстро перекечевывать, чтоб доехать вовремя, поэтому в большой спешке перекечевывали'.

Деепричастие предела в эвенском языке обозначает действие, которое является результатом какого-то другого действия, миновавшего во времени фазу завершения. Данное деепричастие образуется посредством суффикса *-кан/-кэн*.

Примеры употребления деепричастия предела в нижнеколымском говоре: *Тундарала би балдарив, тавар ялдувун самай туттаһын оддыкын*. 'В тундре я родилась, когда стояли самые морозы'. *Тик боллар һунуэлдэкэн минтики ибго биврэн, һунуэлдэкэн эчин дэссиврэрэм, ибго-ке һунуы, олус ибго*. 'А сейчас, когда начинает пуржить, мне становится хорошо, вот так лежу, очень хорошо себя чувствую во время пурги'. *Як гэпэн'эдук бэкэттукуун дэримэттэкэн оралбу явчиврааран*. 'От всего, что темнело, шараясь, оленей ночью пасли'. *Туллэ боллар иманда уудэн*,

ниарукав ичулгэрэн, тар ниарукав **ичулдэкэн** нян туллэ мокакам илукаугарар эчин уһив яварап кууав эдэн карбакадда гуми. 'Когда на улице тает снег, начинают показываться лужи, на улице втыкали деревянную палочку и привязывали к ней веревкой за пояс ребенка, чтобы не мешались'. **Дукланалдакан** стада айы илэ-тала ветеринарал бивэрэр. 'Когда начинают хромать (олени), то сразу ветеринары проверяют везде по стадам'.

Последовательное деепричастие на -мнин обозначает либо смену действия, либо длящееся действие – фон другого действия, предельного по характеру и имеющего меньшую временную протяженность.

Примеры употребления в говоре: **Аһаткан һэрэмнин** таткачимһатки бун: 'Девочка, после того как нарисовала, сразу отдала учительнице'. **Упэ имнин** чайу уукэчэлбэн. 'Бабушка, как только зашла, начала разливать чай'.

Как видно из примеров, в нижнеколымском говоре отличий в употреблении условно-временного деепричастия, деепричастия предела и последовательного деепричастия от других диалектов и говоров не отмечается.

К группе эвенских деепричастий, различающих формы числа, относятся два деепричастия – одновременное деепричастие с суффиксом **-никан/-никар** и разновременное деепричастие с суффиксом **-риди/-ридюр**, которые принимают формы единственного и множественного чисел, согласуясь с существительным, обозначающим субъект действия при деепричастии.

Одновременное деепричастие в эвенском языке выражает действие, протекающее одновременно с действием, выраженным личной или финитной формой глагола. Данное деепричастие образуется при помощи суффикса **-никан/-никэн**.

Примеры употребления форм одновременно-го деепричастия: **Эчин н`урманикан** көйттэм, һуклэддэ. 'Вот так подкрavшись, смотрю, спят'. **Орондула гиркатникан**, нивни иманда элэкэһ унд`иддэкэн икэврэрэм. 'Идя к оленям, в пору, когда снег начинал таять, пела'. **Гуай һуйэникэн** мину гадин. **Абдут мину төкэйдэникэн** гадин. 'Муж на мне женился, приманив меня. Всякими вещами меня приманив, женился'. **Дэ анан талалан д`омкотникан** укчэнни бэй укчэнэмчэ. 'Хорошо было бы, специально вспоминая, рассказывать'. **Эньму тар көтлэн биддуку эниникэн** ниан көкэрин. 'Мать моя, когда я маленькой была, заболела, умерла'.

Образование форм множественного числа у этих деепричастий в восточных говорах осуществляется тем же способом, что и образование форм множественного числа у имен существительных с основой на **-н**: **гөникэн** 'говоря, говорящий (ед. ч.)' – **гөникэр** 'говоря, говорящие (мн. ч.)'. В описываемом говоре одновременные деепричастия формы множественного числа образуют с помощью суффикса **-сал/-сэл**.

Примеры образования форм множественного числа в литературном (ольском) и нижнеколымском говорах показаны в табл. 1.

Таблица 1

Образование форм множественного числа одновременного деепричастия в литературном и нижнеколымском говорах

Одновременное деепричастие (ед. ч.)	Форма мн. ч. в литературном	Форма мн.ч. в нижнеколымском	Перевод
<i>гиркатникан</i>	<i>гиркатникар</i>	<i>гирканникаһал</i>	'идя'
<i>гөникэн</i>	<i>гөникэр</i>	<i>гуникэхэл</i>	'говоря'
<i>тэгэсникэн</i>	<i>тэгэсникэр</i>	<i>тэгэтникэхэл</i>	'сидя'

Примеры: **Гирканикаһал**, укчэнэддэ. 'Идя, разговаривали (они)'. **Һэбд`эн`э-ке, анан өрэлдэрэн мэн мэнур көйтэтникэхэл**. 'Весело как, радуемся, друг на друга посматривая'. **Д`эбэдэникэхэл** эд`илдэ укчэндэ. 'Когда едят, не разговаривают'.

В материалах описываемого говора не отмечается выделенная в западном диалекте Л.Д. Ришес форма деепричастия одновременно-длительного действия на **-мокит/-мэки́т/-микит** [Ришес, 1955, с. 200].

Разновременное деепричастие в эвенском языке выражает действие, завершившееся до начала действия, выраженного глаголом-сказуемым. Это деепричастие образуется при помощи суффиксов **-риди/-ниди/-тиди**. Разновременное деепричастие различает формы единственного и множественного числа, при этом формы множественного числа оформляются суффиксом **-ридюр/-нидюр/-тидюр**: **маридюр**, 'добыв (о многих)', **гөнидюр** 'сказав (о многих)'.

Примеры употребления форм разновременного деепричастия в нижнеколымском говоре: **Таров боллар ялдувун эчин нанда бичэ, тар нандат-нюн эчин тала чакалдид`ур** тачин нян-да ноли-мала **тэгэхэнчэ** нян-да тачин **н`улгэхэнчэ**. 'Там

была такая шкура оленя, той шкурой накрыли, на нарту села и дальше поехала». «Тарак н'ари бичэ», – гунчэ **эмнид'и**. «Того парня, оказывается», – сказал, вернувшись. Ноуан тар туру **чоңкорид'и** н'өчэ бид'ин. Тадук таро **муннаврид'и** тар ялдундула тоһонча эчин яла. Она, наверное, расплавав землю, выбралась. Оттуда выйдя, быстро убежала и прыгнула в воду. Тадук стадала **ховнариэ тундарала иһурид'и**. Потом, когда выросла в тундре, начала работать в стаде. Амму оралдула-нюн тачин **н'улгэвэтитид'и**, адалчирин букатын энһиндулэй иһтала. Отец мой всю жизнь с оленями прокочевал, рыбачил до самой болезни. Амму тундарала оралтикий **гиркаһнид'и** бэриптин. Отец в тундру к оленям пошел и пропал. Тарав Албайла экспедиция бакча биһин илан ануаниэ **орид'и**. На Албае экспедиция его нашла три года спустя. Амму гуд'эйэ-ке **муннаврид'и** тар пэк-тэрэми **һэкэнид'и**, курамлии **нукрид'и** д'э улкуй-аттан. Отец мой бедный, с досады схватив ружье, снял шапку и начал размахивать.

В говоре отмечается отсутствие выделенных К.А. Новиковой форм разновременного деепричастия -риканд'и/-риканд'ур, -тиканд'и/-тиканд'ур, -никанд'и/-никанд'ур [Новикова, 1955, с. 251].

К спрягаемым деепричастным формам в эвенском языке относятся следующие формы:

- 1) условно-временное разносубъектное деепричастие с суффиксом -рак/-рэк-;
- 2) деепричастие цели с суффиксом -да/-дэ-;
- 3) одновременное деепричастие давнопрошедшего времени с суффиксом -уси-;
- 4) деепричастие предшествующего действия на -дла/длэ-;
- 5) деепричастие последующего действия на -чала/-чэлэ-.

Условно-временное разносубъектное деепричастие выражает значения условия и времени в разносубъектных конструкциях. Оно образуется при помощи суффикса -рак/-рэк- и личных суффиксов. Данное деепричастие имеет два грамматических значения – условия и времени, в последнем значении оно обозначает действие, предшествующее или протекающее одновременно с действием, выраженным финитной формой глагола.

Примеры употребления условно-временного разновременного деепричастия в исследуемом говоре: Энму алыс гор **икэрэкэн** би икэдникэн **һонод'алгарарам**. Когда мама слишком долго пела, я начинала плакать. Илкэд'ит мут мэн

төрэнд'ур **төрэрэкэт**, муттики н'учид'илтан. Когда мы обращаемся на своем языке по-эвенски, нам отвечают по-русски.

Деепричастие цели в эвенском языке образуется при помощи суффикса -да/-дэ- и лично-притяжательных или безлично-притяжательных суффиксов. Форма деепричастия цели, оформленная безлично-притяжательным суффиксом -й (чаще такие формы называют формами на -дай/-дэй), принята в качестве словарной формы глаголов. Обычно деепричастные формы цели, как и другие деепричастные формы, употребляются в зависимых оборотах при глаголе-сказуемом, выраженном личной формой глагола.

Примеры употребления форм деепричастия цели в нижнеколымском говоре: Тачин уэнэдникэн **һан экэндүлэв иһрит**, экэнти **балдукандай** нэкчэ. Так проехав, дошли до старшей сестры, оказывается, старшая сестра наша должна была родить. Пенсияла н'өрид'и ач **ховнола одом болла яв нэкчим**, д'э, **татасчивдам иһи һауандай** гөми. На пенсию вышла, и стало нечем заняться, стала учиться шить. Яв осчид'им, ибгов **одай** гөми **нэкэсчиврэрэм**, нар **бэкэчэн кэн'эли биврэн**. Что бы я ни делала, старалась сделать как лучше, но получалось всегда плохо. Амакки **мирэндэй** энни **уэнэмчу биһу**, ями **гуми**, куйки **гуми**. Замуж за моего отца выходить не хотела, потому что глухим был (он). Би туркурэм **һавон чукчал төрэдэйи**. Я не могу говорить по-чукотски. Бэкэчэн **коральтики һөрд'ир һовнадавур**. Все едут на кораль работать. Эвидэй **унимэттэм эрэк эвикэм**. Чтобы ты играл, купила эту игрушку (я). **Һунадаһ голу һунакичу умурэм**. Чтобы ты пилил, пилу принес (я).

Одновременное деепричастие давнопрошедшего времени, или деепричастие длящегося действия с суффиксом -уси-, обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, оформляется безлично-притяжательным и лично-притяжательным суффиксами. Пример изменения деепричастия давнопрошедшего времени по лицам и числам представлен в табл. 2.

Таблица 2

Спряжение деепричастия давнопрошедшего времени в нижнеколымском говоре от основы одай 'делать'

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	би оҥһив	мут оҥһит
2-е	һи оҥһиһ	һу оҥһиһ
3-е	ноһан оҥһин	оҥһитан

Если добавочное действие и главное действие совершаются одним и тем же лицом, то в этом случае деепричастие оформляется безлично-притяжательным суффиксом, например: *Утэл куна биһий нян Черскэйлэ орам илбэриб.* 'Давно, будучи ребенком, в Черский оленей пригоняла'. *Орандула бивэчиһий, пастуктад'иһий икэврэрэм.* 'Когда за оленями ходила, пастухом будучи, пела'. *Би мэнкэн икэв, аһаткан биһий икэдэһу.* 'Это моя песня, пела, будучи молодой девушкой'. *Нөһтэ биһий эрэгэр өмэттү бивэрэрэн, тарак подругав аччайаттан тик.* 'Будучи молодыми, всегда вместе ходили, той подруги моей теперь не стало'. *Аканти икэн бугили дэгэдиһикэн яв иттиһи, бугиндэлбу, урэкчэрбу, окатолбу, пастуктаһий.* 'Песня брата нашего про все, что он видел, пастухом будучи, про природу, горы, реки'.

Деепричастие предшествующего действия на *-дла/длэ* в эвенском языке образуется только от отрицательного глагола *эдэй* 'не делать чего-либо' и обозначает действие, которое может начаться после завершения главного действия, что подтверждается материалами нижеколымского говора, например: *Эгд'эн куһин эдлэн ор мутһирэл ибгэч тэгэтиттэн.* 'До того, как началась великая война, наши хорошо жили'. *Эдлэн ор* эди һундикир. 'Пока не сделал, не трогай'.

Деепричастие последующего действия на *-чала/-чэлэ* обозначает действие, после которого следует совершение главного действия, например: *чакчалав* 'после того, как я убиралась', *эмчэлэтэн* 'после того, как они пришли'.

Примеры употребления деепричастия на *-чала/-чэлэ* в говоре: *Би гунэм: «Мут мян д'өр одакан эһеп турэврэр».* *Би тачин гунчэлэв оддитан.* 'Я говорю: «Когда наступает двенадцать часов, мы не шумим». Когда я так сказала, перестали (они)'. *Бэ-кэчэн уалур тэгэһэн'чэлэтэн би-ккэн эчу тэкэһнэ.* 'Когда все руки свои подняли, только я один не поднял'. *Хуркэр гиркари ойлин нэмкэкэтиттэн, эдэн һундир гөми, тачин нэкчэлэтэн тадук эчэһил эмнэ, уэлэлчэ эручун.* 'Парни поверх волка выстрелили, чтобы не трогал, после того, как сделали так, не подходил, наверное, испугался'.

Итак, приведены примеры, которые позволяют выявить следующие особенности в образовании и употреблении деепричастий в нижеколымском говоре:

1. На основании морфологических критериев в нижеколымском говоре выделяются следующие

деепричастные формы: условно-временное деепричастие с суффиксом *-ми*; деепричастие предела с суффиксом *-кан/-кэн*; последовательное деепричастие с суффиксом *-мнин*; одновременное деепричастие с суффиксом *-никан/-никэн*; разновременное с суффиксом *-риди/-ридю*; условно-временное разнотелесное деепричастие с суффиксом *-рак/-рэк*-, деепричастие цели с суффиксом *-да/-дэ*-, одновременное деепричастие давнопрошедшего времени с суффиксом *-һи*-, деепричастие последующего действия на *-чала/-чэлэ*, деепричастие предшествующего действия на *-дла/длэ*.

2. В говоре одновременные деепричастия на *никан/-никэн* образуют формы множественного числа с помощью суффикса *-һал/-һэл*.

3. В разговорной речи нижеколымских эвенов отмечается наибольшая частотность употребления одновременного деепричастия с суффиксом *-никан/-никэн/-никаһал/-никэһэл* и разновременного – с суффиксом *-риди/-ридю*, наименьшая – форм на *-мнин* и *-дла/длэ*.

Литература

- Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. – СПб., 2004. – 373 с.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка (саккырыские говоры). 1955 г. // Рукописный фонд Национальной библиотеки РС(Я). Ф. 2. Оп. 8. Д. 8. 388 л. Машинопись.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. – Л.: Наука, 1980. – 243 с.
- Прокопьева А.Е. Деепричастия в юкагирском языке (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск: Наука, 2012. – 190 с.
- Ришес Л.Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Учен. зап. Ин-та языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. – Якутск, 1955. – С. 179–203.
- Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. – Новосибирск: Наука, 2007. – 725 с.
- Цинциус В.И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947. – 270 с.
- Шарина С.И. Некоторые особенности языка нижеколымских эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8, ч. II. – С. 191–193.
- Шарина С.И. Формы наклонения глагола в нижеколымском говоре эвенского языка // Там же. – 2015. – № 12, ч. 2. – С. 209–214.
- Шарина С.И. Залог в нижеколымском говоре эвенского языка // Там же. – 2016. – № 4, ч. 1. – С. 164–166.

Adverbial-participial in Nizhnekolymskiy dialect of the Even language

The article deals with the status of adverbial-participial forms in not having a systematic description Nizhnekolymskiy dialect of the Even language. It turns out that the composition of the adverbial-participial forms in Nizhnekolymskiy dialect has similarities with Western dialects of the Even language, however, unlike lamunhinskiy and sakkryrskiy dialects have not form at the same time and certain forms occurring at different steps. In the described dialect, selects all traditionally classified in the Even language level of the gerund: three immutable forms; two

forms that can be modified according to the number; five inflected for person and number, that is conjugated forms. Status adverbial-participial forms in Nizhnekolymskiy dialect has no differences from other dialects and sub-dialects.

In this dialect selects all traditionally classified in the Evenk language level of the gerund: three immutable forms; two forms, variable in number; five are modified for person and number, that is spraguei forms. The status of the participial forms in Nizhnekolymskiy dialect has differences from the other dialects and sub-dialects.

In contrast to the eastern dialects in Nizhnekolymskiy dialect fixed use plurals simultaneous verbal adverb with the suffix -sal/-sel that is inherent in Western dialects.

The material for the writing of this article the author used as field data collected during field expeditions in the Lower Kolyma region of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2013-2015.

Keywords: The Even language, the Nizhnekolymskiy dialect, immutable forms, adverbial-participial vary in numbers, conjugated adverbial-participial forms.

УДК 821.512.157 – 3

Т.П. Самсонова

Сюжетно-композиционные особенности произведений Исая Никифорова

Статья посвящена рассмотрению сюжетно-композиционных особенностей произведений известного якутского прозаика И.П. Никифорова. Основное внимание уделено специфике сюжетно-композиционного синтеза его прозы: взаимодействие эпичности, драматизма, лиризма, стремление к циклизации. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа сюжетно совпадающих ранних и поздних произведений писателя было выявлено, что в основу их написания легли выдержки из его фронтовых писем, а также ранее опубликованные краткие очерки и рассказы. Это свидетельствует о стремлении автора создавать произведения с более широким охватом времени, более сложным сюжетом и многообразием действующих лиц. Событийные модели в повестях писателя, нередко переходившие из более ранних рассказов и пьес, свидетельствуют о сложных межродовых и межжанровых взаимосвязях в его творчестве. Авторские отступления, как один из самых отличительных и действенных приемов композиции, использовались в художественном тексте для непосредственного высказывания мыслей и чувств повествователя, что объясняется желанием писателя придать особое значение и держать в поле зрения дополнительный информативный блок, как наиболее значимый для смысловой структуры текста. В статье также рассмотрены такие специфические, редко встречающиеся элементы внешней композиции, как *предисловие*, *пролог*, *эпilog*, *эпиграф*. Композиционные приемы представлены как неотъемлемый элемент своеобразия индивидуально-авторского стиля писателя.

Ключевые слова: очерк, автобиографическая повесть, военный рассказ, цикл, авторский оригинал, исторические события, память, повествовательная структура, ассоциативность, эпизод.

Известный якутский писатель, талантливый журналист, участник Великой Отечественной войны, боевой офицер И.П. Никифоров – автор 10 повестей, более 30 рассказов и очерков, пяти пьес и двух книг для детей. Что же своеобразно и

неповторимо в творчестве Исая Никифорова? По утверждению известного прозаика Н.А. Габышева, «во-первых, это люди на войне, во-вторых, быт приленских якутов» [Габышев, 1965, с. 212]. Национальное своеобразие многих произведе-

ний заключается не только в создании художественной картины мира Среднего Приленья, но и в воспроизведении человеческой судьбы через кульминационные исторические события страны. Так, теме коллективизации посвящена повесть «Степан» (1939, 1973), дореволюционной жизни якутов, установления советской власти и гражданской войны – повесть «Олох иһин охсуһуу» («Борьба за жизнь», 1959), теме Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства – повести «Саллааттар» («Солдаты», 1951), «Саллаат өрүү саллаат» («Солдат всегда солдат», 1967), «Сүрэх кэпсиир» («Рассказ от сердца», 1974), теме новых направлений производства – «Кырымахтаахтар» («Чернобурые», 1965), теме зарождающейся золотодобывающей отрасли – повести «Суор кыланар сиһигэр» («В глуши таежной», 1970), «Көмүс ухханыгар» («Золотая лихорадка», 1973) и др.

Литературное дарование писателя блестяще воплотилось в его автобиографической прозе. В 1974 г. вышел новый, расширенный вариант повести «Степан», объединивший две повести в одну: «Степан» (1939) и «Золотая лихорадка» (1973). Повесть, опубликованная в 1973 г. в журнале «Хотугу сулус» (№ 4 и 5), значительно дополнила первый вариант.

От книги к книге взгляд писателя на действительность становился все полнее, объемнее, все явственнее приходила выношенная на собственном опыте мудрость. На пороге писательской зрелости написана им мемуарно-биографическая повесть-эссе «Сүрэх кэпсиир» («Рассказ от сердца», 1974). Будучи свидетелем важнейших исторических событий: гражданской войны, коллективизации, ВОВ 1941–1945 гг., писатель не мог не затронуть героические и трагические моменты своей эпохи, что и нашло отражение в данной повести.

Взаимопроникновение эпичности, драматизма, лиризма формирует специфику сюжетно-композиционного синтеза прозы Исаия Никифорова. Развитие такого довольно специфического литературного вида, как «повесть в рассказах», объясняется, прежде всего, стремлением автора к эпической полноте повествования о художественно воссоздаваемом мире, позволяющей глубже проникнуть в нравственное, духовное начало человека (повести «Борьба за жизнь», «Солдат всегда солдат»). Тенденция к циклизации (*цикл военных рассказов*) проявляется в способах пространственно-временной организации, существо-

вании некоторых «сквозных» персонажей (Догуров, Елизаров, Лобков, Козин, Байкалов и др.), в приеме сюжетного обрамления, в которое вводится герой-рассказчик, являющийся своеобразным творческим центром, идейно-эстетическим ориентиром (чаще всего сам автор). Конструктивным фактором лирического изображения становится память с ее ассоциативностью, фрагментарностью и цикличностью, что и диктует принципы художественного расположения материала.

При создании сложной повествовательной структуры, организованной на ассоциативно-хронологической основе, чаще всего используется причинно-следственная связь: разнообразные жизненные впечатления, соотношенные с напряженным переживанием каких-то противоречий, взволнованностью и тревогой, эмоциональностью и задушевностью, выраженными в речи автора, рассказчика, персонажей. Повествование разворачивается на речевом уровне автора-повествователя (от 1-го лица – от «я» или «мы»), точка зрения которого в большей части текста сливается с точкой зрения главного героя (повести «Солдаты», «Рассказ от сердца», «Соперничество», рассказы «"Волишебник" Адам», «Бородач», «Ледоход», «Путь с севера»).

В своих повестях автор часто использует разнообразные композиционные приемы, такие, как ретардация, авторские отступления, ретроспекции, возвращения действия в прошлое, воспоминания персонажа, введение дополнительных действующих лиц. Но при этом их структурная целостность является тем организующим фактором, который способствует строгой последовательности разворачивания сюжета, полноте раскрытия характеров, укреплению внутренней связи отдельных частей произведения и происходящих в них событий и мотивировке совершаемых героями поступков.

Несомненным достоинством стиля И. Никифорова являлось его умение работать с авторскими отступлениями: определять их содержание, вводить в ту или иную часть текста. Данный внесюжетный фрагмент, как один из самых отличительных и действенных приемов композиции, использовался в художественном тексте для непосредственного высказывания мыслей и чувств автора-повествователя, что можно разъяснить как своеобразное обращение к читателю: желание придать особое значение и держать в поле зрения то обстоятельство, тот дополнительный

информативный блок, который наиболее значим для смысловой структуры текста. Например: *«Дьэ, доботтоор, арааһа дыктиргээтэххит буолуо: бу киниттэн-сүөһүттэн тэйэн, хара тыаҕа бүгэ сытар булчут хайдах итинник дыкти сэптэнэн хаалла диэн. Чэ, итини мин манна таарыйа кэпсээн аһарыым / 'Друзья, вы, наверное, удивились: как у отделившегося от людей охотника в глубокой тайге появилось столь удивительное ружье. Тогда я вам расскажу, как все это было на самом деле'»* (повесть «Чернобурые»); *«Ол курдук бүгүн Ырба эмиэ баһаарга баран иһэрин көрөн, "бу сырыыга тугу гынар эбит" диһи санаан кинини батыһа хаамтым / 'Сегодня я снова увидел Ырба, направляющегося в сторону базара, и решил последовать за ним, чтобы узнать, "чем же он на сей раз там будет заниматься"'»* (рассказ «Па-Па») и т.д.

В творчестве Исаия Никифорова своеобразным представляется разделение произведений на отдельные небольшие главы, названия которых объединены общим его содержанием (рассказ «Путь с севера», повести «Солдат всегда солдат», «Чернобурые»). Хотя подобный стиль работы носил вспомогательный характер, служивший для удобства чтения, он также позволял автору «держат» элементы целого, делать целое из отдельных частей и придерживаться правила, что «без обдуманной и осмысленной композиции невозможно создать полноценное художественное произведение» [Есин, 2000, с.127–128].

Совсем иначе выстраиваются такие специфические, редко встречающиеся элементы внешней композиции, как *предисловие, пролог, эпилог, эпиграф* и т.п.

К примеру, особый смысл эпиграфа из повести «Быстроногий мальчик» *«Эргэ олобу билбэт буоллаххына, саараама, сана олобу билиэн суоҕа / 'Коль не знаешь прошлую жизнь, не пытайся разузнать настоящую'»* помогает раскрыть главную мысль произведения, которую необходимо разгадать читателю в процессе чтения.

Предисловие к повести «Рассказ от сердца» начинается со слов: *«Билигин хаһыаттартан, сурунааллартан ааҕан билбитим: гражданскай сэрии кэмигэр Советскай Союз урдүнэн түөрт мөлүйүүн оҕо тулаайахсыйан, көрүүтэ-истиитэ суох хаалбыт, "беспризорник" аатырбыт эбит. Олортон биһрдэстэрэ, бука, мин буолуом / 'Сейчас я только узнал из газет и журналов: во время гражданской войны по всему Советскому Союзу*

остались сиротами, без присмотра четыре миллиона детей-беспризорников. Одним из них был я'» и обозначает одну из основных проблем произведения, затрагиваемых писателем.

Эпилогом к повести «Чернобурые» является уход из жизни старика Григория, внезапную смерть которого можно воспринимать по-разному: неминуемой, вполне ожидаемой, как сторонника старых устоев, или неожиданной для читателя, унесшей с собой что-то глубоко духовное, традиционное. Возникает чувство еще одной перевернутой страницы трагической истории народа. Неоднозначное толкование содержания повести (так же, как и многих других произведений писателя в целом) требует ее нового прочтения и переосмысления некоторых моментов.

В организации системы персонажей автором выдержан принцип не количественного их разделения на главных, второстепенных и эпизодических, а качественного: по степени участия в сюжете и степени важности отдельного персонажа для раскрытия художественного содержания. В основном система персонажей строится вокруг главного героя: как в сопоставлении, так и в противопоставлении. В повести «Степан» («Золотая лихорадка») обилие персонажей необходимо писателю для того, чтобы показать «более широкое и значительное – образ населения, народа, нации» [Есин, 2000, с. 137] в таком важном для страны деле, как зарождение золотодобывающей промышленности. Никифоров отразил этнический состав среды и основной массы людей, собравшихся в поисках «счастья» на золотоносных рудниках Алдана: образы погонщиков скота, корейцев, черкесов, русских, эвенков, якутов, где любое эпизодическое лицо может нести в себе большую содержательную функцию, давая в нужный момент толчок сюжетному действию. Именно исходя из этого складывается цельность и законченность композиции многих произведений.

Следует отметить, что И.П. Никифоров очень аккуратно и бережно относился к собственным текстам, тщательно хранил их и возвращал в читательскую аудиторию по прошествии определенного промежутка времени. Событийные модели в Никифоровских повестях нередко переходили из более ранних рассказов, а из пьес – в более поздние повести, что свидетельствует о сложных межродовых и межжанровых связях в творчестве писателя. С другой стороны, то, как Никифоров «собирал» свои произведения, наглядно

демонстрировало возможности очерковой структуры текста, предполагавшей свободную композицию, позволявшей писателю произвольно «нализывать» составляющие части на основании их идейно-тематической близости.

Например, повесть «Олох иһин охсуһуу» («Борьба за жизнь», 1959) также известна читателям под другим названием – «Аргыстар» («Спутники») [Никифоров, 1955, с. 3–85; 1956, №1, с. 124–162; №3, с. 126–176]. В первых откликах на повесть наряду с положительными отзывами был высказан ряд замечаний [Окоороков, 1956; Аргунов, 1956; Протодеяконов, 1958]. Поэтому автору пришлось «дорабатывать» свое произведение. В окончательном варианте она появилась под названием «Борьба за жизнь» (1959), где революционные события раскрываются преимущественно через образы Романа Сергучева и Митьки. Возможно, изначально автором повесть была задумана как роман, названный по имени одного из главных героев, с характерным для этого жанра достаточно широким охватом времени, сложным сюжетом и многообразием действующих лиц. Об этом свидетельствуют и некоторые статьи о творчестве И.П. Никифорова: «Сэдэх источниктар көрдөрөллөрүнэн, “Роман Сергучев” диэн романы суруйа сырыттаҕына сэрии буолан, тохтотуллубут курдук / “Как известно из редких источников, когда он работал над романом “Роман Сергучев” началась война» [Калитин, 2006, с. 3].

Помимо перечисленных произведений, как утверждают письма с фронта, не раз упоминается о том, что до войны Исай Никифоров работал над созданием некоего произведения «Сахалар» («Якуты») [Никифоров, 2005, с. 39–40, 49, 54].

В ходе исследования при сравнительно-сопоставительном анализе опубликованных произведений и авторского оригинала выяснено, что впоследствии многие из них были писателем переработаны и видоизменены. Их содержание, композиционный строй также претерпели существенные изменения. Было отмечено следующее:

- некоторые рассказы, подготовленные автором для сборника, позже были включены в повести в виде глав, разделов, эпизодов, например, рассказы «Охтон биэрбэт оноһуулаах остуолба» («Несломленный столб») [Никифоров, 1958] и «Доҕордуулар» («Фронтовое братство») [НА РС (Я). Ф. 1359. Оп. 3. Д. 251. Л. 108–124] вошли в повесть «Саллааттар» («Солдаты») [Никифоров, 1965, с. 81–88, 123–129]; рассказ «Үлтү астыбыт»

(«Сдвинули») [Никифоров, 1954, с. 109–117] – в повесть «Саллаат өрүү саллаат» («Солдат всегда солдат») [Никифоров, 1970, с. 196–205];

- некоторые эпизоды из *рассказов* и *повестей* перекликаются со сценами из *пьес*, например, рассказ «Күн киһитэ» [НА РС (Я). Ф.1359. Оп. 3. Д. 251. Л. 93–97] и первое действие пьесы «Күн тахсыта» [Никифоров, 1961, с. 99–106]; повесть «Олох иһин охсуһуу» («Борьба за жизнь») [Никифоров, 1959, с. 207–208] и пятое действие пьесы «Күн тахсыта» («Восход солнца») [Никифоров, 1961, с.123–125]; повесть «Кырымахтаахтар» («Чернобурые») [Никифоров, 1965, с.133–140] и пьеса «Күүкэй ыала» («Семья из Кюкя») [Никифоров, 1959, с. 92–100];

- одно и то же произведение было опубликовано под разными названиями, например, рассказ «Булумһуу» («Находка») [Никифоров, 1968] и рассказ «Командировкаҕа» («В командировке») [Никифоров, 1971, с. 58–63]. Повесть «Саллаат өрүү саллаат» («Солдат всегда солдат») [Никифоров, 1970, с. 86–205] известна также под названиями: «Үлэ дьоно» («Люди труда») [Никифоров, 1951, №1, с. 3–25; №3, с. 36–43] и «Сир барахсан» («Милая сердцу земля») [Никифоров, 1970, с. 2]; повесть «Суор кыланар сиһигэр» («В глуши таежной») [Там же, с. 3–85] имела название – «Обуос суола» («Обозный путь») [НА РС(Я). Ф.1348. Оп. 1. Д. 289. Л.1–238]; повесть «Илин былдьаһыы» («Соперничество») [Никифоров, 1972] ранее называлась «Ат сүүрдээчи» («Наездник»), о чем свидетельствует отрывок из повести «Манньыаттаах оҕо» («Младенец с монетами») [Никифоров, 1970], опубликованный на страницах периодической печати; первоначальное название повести «Кырымахтаахтар» («Чернобурые») [Никифоров, 1965, с. 133–255] – «Саҥа ыалдьыттар» («Новые гости») [Никифоров, 1957] и т.д.

Тексты произведений Исаия Никифорова выходили вначале в разбивке в нескольких выпусках журнала «Хотугу сулус», на страницах республиканской и районной газет и лишь затем выпускались в виде отдельной книги. На первый взгляд, кажется странным, что он публикует в периодической печати в виде рассказов отрывки из начатых повестей. Подобное «дробление», членение на небольшие главы способствовало последовательной организации «внутренней компоновки». Подобный композиционный принцип побуждал писателя отказаться от традиционного в пользу повествовательного «полиперспективизма». При-

чины, побудившие писателя к подобной работе над созданием произведений, возможно, следующие: во-первых, высокая требовательность к самому себе, как к автору, желание доработать их с учетом высказанных замечаний и только потом включить в повести; во-вторых, стремление к творческому росту; в-третьих, возможность варьировать мотивы перечисленных произведений и компоновать их. Именно так складываются мастерство композиции и индивидуально-авторский стиль И.П. Никифорова.

В архивном фонде хранятся рукописи произведений писателя, в том числе переведенная Н.А. Габышевым на русский язык повесть «Аргыстар» («Спутники») [НА РС (Я). Ф. 1348. Оп. 1. Д. 290. Л. 1–226]. Помимо них обнаружены некоторые эпизоды, не включенные в текст: приезд англичанки на золотодобывающий прииск; чемодан с листовками, найденный в лесу («Степан») [НА РС (Я). Ф. 1348. Оп. 3. Д. 33. Л. 73, 82, 98]; Степанида, ожидающая ребенка от Митьки («Борьба за жизнь») [НА РС (Я). Ф. 1348. Оп. 1. Д. 61. Л. 130, 181]; выходки Большого Ножа [Там же. Л. 93–97] в церкви и с улусным писарем.

В журнале «Хотугу сулус» за 1944 г. обнаружен небольшой рассказ «Суору суохтаабыттар» («Потерявшие ворона»), опубликованный под литературным псевдонимом Нэкэ Никифоров [Никифоров, 1944, с. 56–58]. В том же номере напечатан и очерк писателя «Эр санаа» («Мужество»). Исходя из имеющихся материалов можно предположить, что данное произведение принадлежит к раннему творчеству писателя. Следует отметить, что близкий по содержанию отрывок автором был включен в повесть «Солдат всегда солдат».

Таким образом, в творчестве писателя осознание временной последовательности событий формирует память-повествование, обращенное не только в прошлое, но и в будущее, что делает книги И.П. Никифорова актуальными в современном многонациональном культурном пространстве.

Литература

- Аргунов И. Аргыстар // Кыым: газета. – 1956. – 14 сент.
- Габышев Н. Писатель и воин (К 50-летию со дня рождения И.П. Никифорова) // Полярная звезда. – 1965. – № 3. – С. 82.
- Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2000.

Калитин Н.Р. Уус-уран суруйуу үрдүкү кэрдийигэр // Илин былдьаһыы. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – С. 3–4.

Никифоров Нэкэ. Суору суохтаабыттар // Хотугу сулус: журнал. – 1944. – № 3. – С. 56–58.

Никифоров Исai. Үлэ дьоно: сэхэн // Там же. – 1951. – № 1. – С. 3–25; № 3. – С. 36–43.

Никифоров Исai. Үлтү астыбыт: кэпсээн // Там же. – 1954. – № 6. – С. 109–117.

Никифоров И.П. Аргыстар: кэпсээн // Там же. – 1955. – № 6. – С. 3–85; 1956. – № 1. – С. 124–162; № 3. – С. 126–176.

Никифоров Исai. Сана ыалдьыттар // Кыым. – 1957. – Атырдьах ыйын 10 к.

Никифоров И. Охтон биэрбэт оноһуулаах остуолба // Там же. – 1958. – Балаһан ыйын 28 к.

Никифоров Исai. Күүкэй ыала: пьеса // Хотугу сулус. – 1959. – № 1. – С. 92–100.

Никифоров Исai. Олох иһин охсуһуу: сэхэн. – Якутская, 1959. – 211 с.

Никифоров И.П. Күн тахсыта: пьеса // Хотугу сулус. – 1961. – № 5. – С. 99–126.

Никифоров Исai. Кырымахтаахтар: сэхэн // Икки сэхэн. – Якутская, 1965. – С. 133–255.

Никифоров Исai. Саллааттар: сэхэн // Там же. – Якутская, 1965. – С. 5–129.

Никифоров Исai. Булумньу: кэпсээн // Кыым. – 1968. – Сэтинньи 24 к.

Никифоров Исai. Манньыаттаах оҕо: [«Ат сүүрдээччи» сэхэнтэн быһа тардыы] // Лена маяктара: газета. – 1970. – Ахсынньы 6 к.

Никифоров Исai. Суор кыланар сиһигэр. – Якутская, 1970. – 208 с.

Никифоров И.П. Саллаат өрүү саллаат: сэхэн // Суор кыланар сиһигэр. – Якутская, 1970. – С. 86–205.

Никифоров Исai. Командировкаҕа: кэпсээн // Хотугу сулус. – 1971. – № 2. – С. 58–63.

Никифоров Исai. Илин былдьаһыы: сэхэн. – Якутская: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1972. – 152 с.

Никифоров Исai. Дотордуулар: кэпсээн // НА РС(Я). Ф.1359. Оп. 3. Д. 251. Л. 108–124.

Никифоров Исai. Күн киһитэ: кэпсээн // Там же. Л. 93–97.

Никифоров Исai. Обуос суола: сэхэн // Там же. Ф. 1348. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–238.

Никифоров И.П. Кэргэнигэр суруктара // Өлүөнэттэн саллаат: Исai Прокопьевич Никифоров. – Дьокуускай, 2005. – С. 39–40; 49; 54.

НА РС (Я). Ф. 1348. Оп. 1. Д. 290. Л. 1–226; Оп. 3. Д. 33. Л. 73; 82; 98; Оп. 1. Д. 61. Л. 130; 181; Л. 93–97;

Окороков Г. Повесть о борцах за правду // Социалистическая Якутия: газета. – 1956. – 31 окт.

Протодьяконов В. Биһиги айар үлэбит сорох түмүктэрэ // Хотугу сулус. – 1958. – № 4. – С. 182–183.

T.P. Samsonova

Plot and compositional features of the works of Isai Nikiforov

The article is devoted to plot and compositional features of the works of famous Yakut writer I.P. Nikiforov. The focus is on the specifics of plot and compositional synthesis Isai Nikiforov's prose: the interaction of epic, drama, lyricism, the desire for cyclization. During the comparative analysis plot matching the early and late works of the writer was revealed that the basis of their writing lay excerpts from his wartime letters, as well as previously published short essays and stories. This shows the desire of the author to create a work of broader scope, more complex plot and diverse characters. The event model in the novels of the writer, often passing from earlier stories and plays, indicates about complex inter-generic and inter-genre relationships in his work. Author's retreat, as one of the most distinctive and effective methods of composition used in the art text for directly expressing their views and feelings of the narrator, that can be explained as a kind of appeal to the reader: the desire to emphasize and keep an eye on the fact that an additional informative block which is the most significant for the semantic structure of the text. The article also describes such a specific, rare elements of the external composition as a preface, prologue, epilogue, epigraph. Compositional techniques are included as an integral element of originality of the author's individual style of the writer.

Keywords: essay, autobiographical story, a war story, the cycle, the author's original, historical events, memory, narrative structure, associativity, episode.

УДК 821.01: 512.157

Н.В. Покатилова

Малые жанры в повествовательной системе фольклора*

Исследование малых жанров якутского фольклора на данном этапе связано с достаточно широкой постановкой проблемы их жанровой специфики и определением в связи с этим их места в повествовательной системе фольклора. Сама постановка проблемы обусловлена традиционным противопоставлением «малых» и «больших» форм. Малые жанры, помимо автономного существования, оказываются включенными в больший по объему жанр (эпос олонхо, исторические предания, песенные жанры и др.). На примере жанра чабыргах уточняется представление о специфике малых жанров как о свернутом типе повествования. При этом делается предположение о мифологических истоках такого типа повествовательности.

Рассматриваемая специфика малых жанров позволяет сформулировать основные направления их изучения. На метатекстовом уровне речь идет об особом типе построения малых жанров, обусловленных, с одной стороны, их четкой ритмико-синтаксической структурой, с другой – мифоритуальным прошлым семантического плана. В диахронической эволюции жанров определяющее значение приобретает консервация малыми жанрами наиболее архаического состояния традиции в целом. В этой связи немаловажное значение приобретает актуализация этой стороны малых жанров в ранней якутской литературе.

Ключевые слова: устная традиция, малые жанры фольклора, формульный язык, поэтический язык, диахронические изменения, историческая поэтика.

В библиографии научных работ Н.В. Емельянова есть издание, в котором представлены малые жанры якутского фольклора, – «Сборник якутских пословиц и поговорок» [1965]. Ценность этого издания не только в принципах отбора и размещения текстового материала «эргисовской» научной школы, но и в том, что малые жанры якутского фольклора впервые рассматриваются на принципиально новой основе, позволяю-

щей как значительно расширить сам круг так называемых «малых» форм, так и применить к ним новые ракурсы рассмотрения материала. Уже во вступительной статье к сборнику известный круг малых жанров Н.В. Емельянов дополняет рядом жанровых образований типа «алгысных слов» (*алгыс тыллар*), приговорок, побасенок-прибауток, различного рода присловий и даже примет (*билгэлэр*), традиционно распознаваемых в каче-

*Статья представляет собой доклад, сделанный на круглом столе, посвященном памяти якутского фольклориста, д.ф.н. Н.В. Емельянова, в рамках «Полевой сессии 2016 года» ИГиИПМНС СО РАН.

стве определенных форм культовых речений [Романова, 1998; Хелимский, 2000, с. 349–350]. Идея и концептуальная основа этого сборника, по признанию самого Н.В. Емельянова, принадлежала Г.У. Эргису. Знаменательно и то, что в итоговой книге Г.У. Эргиса [1974] главы IX–XI, посвященные малым жанрам якутского фольклора, были завершены его учеником – Н.В. Емельяновым [Там же, с. 324–360]. Исходной позицией исследователей в этом случае было предпочтение конкретного материала, возможность исходить из того, что дает исследовательский, в данном случае фольклористический, срез этого материала. Впервые малые жанры рассматриваются в их функциональном бытовании от архаических форм к современным, что подводит не только к диахроническим аспектам их эволюции, но и вплотную затрагивает особенности их функционирования, возможностей сохранения традиции на протяжении столь длительного времени, причем – для малых жанров – в почти неизменном виде. Иными словами, опыт функционального изучения фольклорных жанров в аспекте основных форм их бытования, характерный для школы Г.У. Эргиса, в полном объеме был реализован в работах его учеников. Малые жанры фольклора и примыкающие к ним «малые» формы впервые были рассмотрены Н.В. Емельяновым с позиций фольклориста, и такие малые жанры, как, например, и даже *өс хоһоон*, впервые в якутской исследовательской традиции выводились за пределы языковых единиц, за границы традиционного поля изучения лингвистики. Из девяти глав в книге Г.У. Эргиса, где предпринята характеристика жанрового состава якутской традиции, три главы специально посвящены так называемым малым жанрам. Впервые в особый разряд выделяются якутские скороговорки чабыргах и его разновидности, что приобретало принципиальный характер для последующей разработки этой жанровой группы.

Отдавая дань уважения Николаю Васильевичу Емельянову, хотелось бы остановиться на некоторых перспективах изучения малых жанров якутского фольклора, сформулированных не без ориентации в плане преемственности на указанные работы якутского исследователя.

В статье будет предпринята попытка развернуть малые жанры фольклора в контекст повествовательной системы фольклора. Речь идет о возможности определения места и роли малых жанров в общем русле устной повествовательной

традиции. Обозначим разные ракурсы рассмотрения малых жанров якутского фольклора, сформулировав их в виде нескольких позиций, определяющих перспективы изучения данной жанровой категории.

Позиция 1. К вопросу о специфике малых жанров: несколько предварительных замечаний к постановке проблемы их «повествовательности»

Традиционно малые жанры рассматриваются как «малые» по своему объему тексты, которым не присущ какой-либо принцип повествовательного развертывания. Кроме того, малые жанры изначально воспринимаются как тексты, порождаемые ситуативной речевой ситуацией, и для них в коммуникативном пространстве традиции более характерна связь с актуальным речевым членением. Однако в ряде работ современных исследователей особое внимание уделяется именно малым жанрам, как наиболее тесно связанным с метрико-языковой основой [Хелимский, 2000], как выразителям наиболее архаичного типа представлений [Мелетинский, 1995], как объектам семиотического анализа [Иванов, 1994; 2009].

Материал малых жанров в свою очередь дает основания для предположения о том, что специфическая структурированность малых жанров как «коротких текстов» имеет двойственное значение: актуальность речевого выражения и одновременно глубинный семантический смысл. Последнее связано с развертыванием мифологической модели в качестве глубинной семантики особого, протосюжетного плана. Не случайно якутский исследователь Г.У. Эргис отмечал стадиальную архаичность многих малых жанров, в частности загадок и чабыргах. Первый из них сохраняет свою связь с «тайной», иносказательной речью [Эргис, 1974, с. 351], последний часто является отголоском ритуальных состязаний в словесном мастерстве. Исследователь подчеркивает важность использования этого жанра в устной традиции в качестве обучающего «материала», в том числе при оттачивании мастерства сказителя [Там же, с. 325, 329]. Современными исследователями высказывается вполне обоснованное предположение о том, что именно этот жанр с его кажущейся на первый взгляд «бессмыслицей» на самом деле восходит к ритуальному иноговорению [Романова, 1998].

Исходным в исследовании малых жанров фольклора может стать представление о них как о жан-

ровой целостности определенного, *свернутого*, типа в силу их специфики и обусловленности особым способом функционирования в традиции в целом. Именно этим объясняется способность малых жанров к постоянному воспроизведению структуры и возможностью инкорпорирования в другие жанровые образования. Эти два момента могут стать определяющими в методологии исследования малых жанров якутской традиции.

Традиционно понятие повествовательности не связывается с малыми жанрами, воспринимающимися обычно как результат актуального членения и сакрально-магической и / или ситуативной приуроченности текста. Между тем в системе целого традиции малым жанрам отводится вполне определенная и одновременно однозначная роль, обусловленная их магической и ритуальной функцией. При этом, однако, при всей сюжетной свернутости малых жанров есть смысл вести речь об определенной степени их повествовательности. Особый тип повествовательности характеризует, в частности, жанр чабыргах. Речь в этом случае может идти о скрытых мифологических составляющих текста, связанных с мотивом мифоритуального расчленения тела, вертикального развертывания модели мира сверху / вниз, специфичным принципом текстуализации мира и жанра. Изучение «скрытой» повествовательности этого жанра открывает перспективы последующего осмысления его места как в жанровой системе якутской традиции, так и в ряду так называемых «малых», не повествовательных, жанров. Определяющим в типологическом изучении этого жанра становится композиционная целостность структуры, специфическая автономность функционирования, предопределяющая его живучесть, неизменность структуры, возможность соотнесенности не только с фольклорными жанрами, но и с жанрами литературы, в первую очередь с так называемыми «речевыми жанрами» в бахтинском понимании.

Позиция 2. Ритмико-синтаксическая структура, или к вопросу об инвариантной модели функционирования малых жанров фольклора

Исконно «говорная» природа малых жанров (загадка, поговорка, пословица, чабыргах и его разновидности) позволяет сосредоточиться на собственно «речевых», не только интонационных, но и *метрических*, показателях (так называемая «сухая» метрика стиха). Одновременно именно метрика малых жанров фольклора позволяет вый-

ти на уровень *формульного языка*, что в особенности показательно для жанра якутского чабыргаха и его разновидностей. Именно для этой жанровой модели характерна такая степень формульной развернутости, какой нет, например, в паремиях.

Формульный язык жанра чабыргах в якутской традиции может быть рассмотрен как определенная совокупность не только лексического плана, но и в большей степени как структурообразующего и текстопорождающего начала. Исследование в этой связи формульных сочетаний в пределах этого жанра выводит одновременно на две плоскости: а) уровень устойчивых стереотипных повторений, постоянного варьирования лексики и ее взаимозамены; б) уровень глубинной семантики, как стержневого начала жанра, позволяющей традиции постоянно поддерживать композиционную последовательность по принципу «свернутой» повествовательности, разворачивания мифологической модели мира / человеческого тела.

Характерная особенность формульных выражений в жанре чабыргах связана с выделенностью одной строки, представляющей так называемый «короткий стих» (далее – КС), о котором уже писал в свое время А.Е. Кулаковский [1925]. Именно КС и принципы его регулирования во время произнесения, по всей видимости, определяют структуру этого жанра. В этом плане есть необходимость исследования в перспективе сохранившихся записей вариантов отдельных внутрижанровых разновидностей чабыргаха, что позволит вплотную подойти к инвариантной (базисной) целостности его метрической модели. Внутрижанровые разновидности жанра чабыргах дают возможность рассмотрения эволюционных изменений жанра, подвижности жанровых форм и в то же время достаточно жесткой структурированности на метрическом, формульном, семантическом уровне, за счет которых поддерживается их функциональная сохранность.

Позиция 3. Малые жанры в диахронической перспективе устной традиции. Проблемы реконструкции архаического состояния жанровой традиции

Малые жанры фольклора, как тесно связанные с языком и закономерностями его развития, подводят исследователей разных традиций к предположению о том, что именно в них консервируется наиболее архаичное состояние традиции в целом (Е.М. Мелетинский [1995], В.Н. Топоров [1994], Е.А. Хелимский [2000], О.А. Смирницкая [1993] и др.).

Понятие «малого» объема, по сравнению с разного типа развернутостью повествовательных жанров, позволяет малым жанрам сохранять не только структурную автономность, но и подводит к возможности постулирования сходства или, по крайней мере, однотипности механизмов текстообразования в этих жанрах, соотносимых с языковыми уровнями глубинной структуры. Сохранность в традиции малых жанров определяется не столько их объемом и структурной компактностью, сколько самим механизмом их речевого функционирования. Именно в этой позиции малые жанры фольклора функционально близки к языку как системе, если обратиться к идеям П.Г. Богатырева – Р.О. Якобсона [Богатырев, Якобсон, 1971].

Например, жанр чабыргах в якутской традиции представляется уникальным не только в силу его специфичности и отличия / отсутствия аналогов в других традициях, но и в силу его типологической значимости как выражения консервации и сохранения наиболее архаичного состояния жанровой традиции в целом. В пользу такого предположения говорит не только способность жанра к разного рода модификациям, о чем свидетельствует разнообразие внутрижанровых подвидов, но и возможность чабыргах включаться в жанровые образования «большого» (в повествовательном плане) объема (эпос, песня), а также видоизменения самого жанра в пределах самой традиции (соотношение «виллюйской» и «северной» традиций функционирования чабыргах, согласно текстовым данным Виллюйской и Северной экспедиций А.А. Саввина [Саввин, 1938; 1939–1940]. В качестве предварительного обзора этого материала следует выдвинуть предположение о том, что именно малые жанры фольклора являются отголосками наиболее архаического состояния устной традиции в целом, определяя наиболее раннее ее состояние, возможно даже ее «доэпическое» прошлое.

Позиция 4. Малые жанры фольклора и литература: другая точка отсчета или новый ракурс переосмысления традиции

Одной из плоскостей актуализации малых жанров фольклора становится в якутской литературе ее ранний этап становления. Одним из первых глубинный смысл в специфике малых жанров заметил основоположник якутской литературы – А.Е. Кулаковский. Первый поэт не только создает одну из первых имитаций жанра чабыргах в литературе («Чабыргах», 1912), но и сопро-

вождает свой текст подробными комментариями, в которых представлена, по существу, программа литературного переосмысления фольклорного текста [Кулаковский, 1978, с. 289–299], что делается, прежде всего, на материале именно «малого» жанра, наиболее значимого для общей концепции литературного развития первого поэта.

Характерно, что малые формы (формульные выражения, фрагменты культовой речи, паремии) включаются в разные в жанровом отношении тексты А.Е. Кулаковского по принципу цитации «чужой» речи. Освоение традиционных малых жанров идет вначале на уровне «речи героев» («Песня столетней старухи», 1906; «Скупой богач», 1907; «Проклятый до рождения», 1908), затем намечается в плоскости авторского слова, насколько это возможно в речи повествователя в жанре поэмы (поэмы «Клятва Абаасы», 1908; «Сон шамана», 1910; «Наступление лета», 1925). Общая тенденция использования малых жанров может быть определена как движение от иронического обыгрывания паремий (поговорок) до их кардинального переосмысления в плоскости высокой культовой и / или формульной речи, характерного почти для всех указанных поэм первого поэта. При этом почти полностью исчезает во включенных в текст малых формах их коммуникативная направленность, актуализация речевого плана настоящего, сиюминутности происходящего. При такой модификации начинает изменяться, например, временной план паремий: от настоящего, актуального речевого членения к обобщенному, «надтекстовому» смыслу. Тем самым в рамках литературного текста зачастую начинает срабатывать скрытый мифологический смысл малых жанров, появляется некий над-временной план. Принадлежность к «высокой» (культовой) речи сохраняют не только формульные выражения, но и различного рода паремии, в том числе, например, поговорка, изначально связанная с временным планом настоящего. Если в паремиях большей частью литературой используется речевое членение, ситуативная актуальность, малый объем, то в загадке и чабыргах на первый план выдвигается скрытое мифологическое начало. Тем самым А.Е. Кулаковским был найден принцип освоения этих жанров, связанный с их спецификой [Покатилова, 2016, с. 49].

По всей видимости, внутренний потенциал малых жанров был обусловлен у Кулаковского

представлением об их двойственной природе, с одной стороны, связанностью с актуальным речевым (языковым) членением текста, сиюминутностью возникновения в любой речевой ситуации, с другой – наличием глубинной семантики мифоритуального происхождения. Тем самым именно литературой впервые была обозначена двойственность механизма актуализации и постоянного порождения малых жанровых форм, что и используется ранней литературой.

Тем самым литература как другая система, в отличие от фольклора, дает возможность обратного отсчета от литературы к фольклору, когда возникает необходимость взглянуть на устную традицию не изнутри, а извне этой системы, осуществить взгляд «со стороны», что и было сделано А.Е. Кулаковским, а впоследствии – частично и А.И. Софроновым. Ранняя якутская литература (в лице А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова) предстает как определенная точка отсчета модификаций этих жанров в письменной культуре.

Таким образом, исследование малых жанров якутского фольклора на данном этапе связано с достаточно широкой постановкой проблемы их жанровой специфики и определением их места и роли в системе целого якутской традиции. Сама постановка проблемы обусловлена традиционным противопоставлением «малых» и «больших» жанров, а также тем, что зачастую малые жанры оказываются включенными в систему целого другого, большего по объему, жанра. Во втором случае речь идет о включенности паремий, чабыргах, загадки в жанровую форму эпоса олонхо, исторических преданий, песенных жанров. Существенным при последующей разработке этой проблемы оказывается, если не решение, то, по крайней мере, первое приближение к вопросу о том, каковы внутренние механизмы функционирования малых жанровых форм, априори тесно связанных с языком, каким образом так называемый «малый» жанр сохраняет свою автономность в пределах другого жанрового образования и непрерывность своего развития в традиции целого, какие элементы и показатели выступают в этом случае в качестве «знаков» этого жанра. Иными словами, рассмотрение этого и указанного круга вопросов предполагает диахроническую соотнесенность малого жанра в пространстве жанрового целого традиции. Исходным при этом становится предположение о том, что именно малые жанры, функционирующие преимущественно по законам язы-

ка, но не только, консервируют наиболее архаичное состояние традиции в целом. Указанный аспект выводит на уровень осмысления малых жанров в перспективе уже исторической поэтики.

Литература

Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – С. 369–383.

Иванов В.В. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов // Иванов В.В. Избр. труды по семиотике и истории культуры. – Т. V: Мифология и фольклор. – М.: Знак, 2009. – 372 с.

Иванов В.В. Структура индоевропейских загадок-кеннингов и их роль в мифопоэтической традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. – М.: Индрик, 1994. – С. 118–142.

Кулаковский А.Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – Вып. 1 (авг.). – Якутск, 1925. – С. 76–79.

Кулаковский А.Е. Ырыа-Хоһоон. – Якутск, Якут. кн. изд-во, 1978. – 295 с.

Мелетинский Е.М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: сборник памяти Г.Л. Пермякова. – М.: Вост. литература, 1995. – С. 325–337.

Покатилова Н.В. Трансформация малых жанров фольклора в литературе // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55), ч. 1. – С. 48–50.

Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиционной культуре: автореф. дис. ...д-ра истор. наук. – М., 1998.

Саввин А.А. Вилуйские чабыргах. 1938 // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 87, 100. – На якут. яз.

Саввин А.А. Северные скороговорки А.А. Саввина. 1939–1940 // Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 481.

Сборник якутских пословиц и поговорок / составитель Н.В. Емельянов. – Якутск, 1965. – 246 с.

Смирницкая О.А. Речи Гриммира на эддической сцене // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 1993. – С. 257–274.

Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. – М.: Индрик, 1994. – С. 10–117.

Хелимский Е.А. Номинативная мини-загадка: на стыке загадки, метафоры и лексического субститута // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 639 с.

Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

Small genres in a narrative system of folklore

The study of small genres of the Yakut folklore at this stage is associated with a fairly broad formulation of the problem of genre specificity and the definition in this context, their place in the narrative system of folklore. The problem is due to the traditional opposition between "small" and "large" forms. Small genres, in addition to autonomous existence, are included in the larger genre (epos Olonkho, historical traditions, song genres, etc.). In the genre of chabygah refined understanding of the specificity of small genres as a minimized type of narrative. Thus, the assumption about the mythological origins of this type of narrative.

The considered specifics of small genres allows us to formulate the main directions of their study. On metatextual level we are talking about a special type of construction of small genres, due, on the one hand, their clear rhythmical-syntactical structure, with another – last metrically semantic plan. In the diachronic evolution of genres, determining importance is the preservation of the small genres of the most archaic state of the tradition as a whole. In this context, the great importance is the actualization of this part of small genres in the early Yakut literature.

Keywords: oral tradition, small genres of folklore, formula language, poetic language, diachronic change, historical poetics.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 39 (571.52)

В.В. Ушницкий

Этнографические этюды (один день из полевой экспедиции в Синьцзян)

В статье описывается полевой опыт автора в составе этнографической экспедиции Тувинского государственного университета в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР в 2011 г. В рамках повествования о бытовых условиях полевой экспедиции развернуто рассказывается о «модели культуры» тувинского народа. Удивительное гостеприимство жителей тувинских сел Хом и Канас, знакомство с национальной кухней позволяют окунуться в местную атмосферу, проникнуться их бытом. Тувинцы, проживающие в Китайском Алтае, вокруг озера Канас, сохранили свою старинную культуру. Отмечается влияние русской культуры на китайских тувинцев в результате совместного проживания в долине с русскими староверами в первой половине XX в.

Основным занятием тувинского населения, проживающего в районе озера Канас, является этнический туризм. Китайское правительство всячески поддерживает и субсидирует данное направление, в то же время запрещает традиционное занятие: охоту и скотоводство. В тувинских селах дружно проживают представители коренных национальностей Синьцзяна: казахи, кыргызы, уйгуры, дунгане и монголы (ойраты). Тувинцы Китая известны под названиями кок-мончаки и урянхайцы. Тувинцы сохранили многое из традиционных обычаев тюркских народов Центральной Азии, утраченное народами Южной и Восточной Сибири в первые десятилетия советской власти в ходе коллективизации.

Ключевые слова: тувинцы, полевая экспедиция, Синьцзян, озеро Канас.

Умение подать собранный полевой материал, издать его в виде научной работы требует определенной методики. Научную статью можно сформулировать в виде сухого отчета, привести в ней статистические данные или просто выложить собранный материал, записи рассказов информаторов. Раньше мы в своих статьях использовали сохранившиеся записи полевых материалов. А если их не сохранилось, то как восстановить собранную информацию, извлечь её из глубин памяти? Примером публикации для нас послужило изложение А.В. Головневом полевого материала, собранного им на Чукотке. У него можно найти

красочное литературное описание полевого быта, чукотской яранги и семейного быта чукчей [Головнев, 2015, с. 6–16].

Итак, летом уже далекого 2011 г. мы в составе экспедиции Тувинского государственного университета (ТГУ) отправились в КНР, в провинцию Синьцзян. Это Восточный Туркестан, или страна уйгуров. Я добирался сложным маршрутом Якутск – Новосибирск – Урумчи. В Новосибирске встретился с руководителем экспедиции доцентом ТГУ и докторантом МГУ Е.В. Айыжы. У нее огромный полевой опыт. Она каждый год путешествует по родной Тыве, Западной Монго-

лии, собирая этнографический материал по разным группам тувинского населения и проводя этнографическую практику студентов. Маршруты экспедиции в последние годы уже охватили Тоджу, Хакасию, Тофаларию. Но зачем беспрерывно ездить каждое лето и проводить осенний период в поле, если собранные материалы еще не обработаны и не введены в научный оборот? Все эти бесконечные переезды и перелеты, мотания по вокзалам и закоулкам в поисках «съестного», пешие и конные маршруты, поездки по отдаленным селам автостопом, переговоры с пьяной молодежью и просьбы навсегда остаться в селе изрядно надоедают, и в памяти остается только одно: дикая усталость. Однажды надо просто остановиться и посидеть; заглянув в рабочие тетради, восстановить собранный архивный, музейный материал и выложить его в виде научной монографии, как это делали великие советские этнографы прошлого: Л.П. Потапов, С.И. Вайнштейн и И.С. Гурвич. Из современных исследователей выделим В.Я. Бутанаева и А.В. Бауло. В противном случае может создаться впечатление, что согласно бухгалтерской отчетности все наши поездки состоят только из попытки побольше «съесть и попить» за «счет бюджетных средств».

Так вот это экспедиция под руководством Е.В. Айыжы дала нам очень много впечатлений и материалов. Фактически это был наш первый этнографический опыт. Годом ранее самостоятельно ездили в Горный Алтай и во время туристических походов пытались собирать и генетические материалы. Кроме нее в составе экспедиции была Лариса Шимит – доцент кафедры зоологии из того же университета, очень известная в своей республике, так как ветеринар с вузовским дипломом в скотоводческих козунах – ценный специалист.

С китайской визой произошла нестыковка, поэтому пришлось ехать в Пекин. Без китайского языка в таком огромном городе искать гостиницу было проблематично, поэтому по приезду начались приключения. Переводчица, которая помогла с поиском гостиницы, оформлением визы и которая сопровождала нас на экскурсию на площадь Тэнъяньмэнь, недоумевала «по поводу приезда в столицу Китая без визы и юаней, без знания языка». Путь из Пекина в Урумчи – центр Синцзян-Уйгурского автономного района шел через весь запад Китая по железной дороге. В вагоне мы разместились на третьей полке вместе с

китайскими семьями. От двухдневной поездки запомнились китайцы, постоянно жующие свои малокалорийные соевые продукты; бедная уборщица, вынужденная без перерыва подметать вагон, и так в течение всего пути; попытки учить китайский язык.

В Урумчи «подобрали» бывшего аспиранта кафедры этнографии МГУ Михаила Резяпкина, уже неделю поджидавшего нас. Он еще в 1990-х гг. ушел в бизнес и сейчас проживает в Латвии. Но в Фейсбуке полно его этнографических фотографий из путешествий в страны Латинской Америки, в Амазонию и из быта североамериканских индейцев. В МГУ он специализировался по чукчам.

На следующий день знакомимся с переводчиком и водителем. Торгуты по национальности, они владеют не только родным калмыцким наречием, но и уйгурским и китайским, знают и русский, так как в Урумчи закупают свои товары челноки из России. На обратном пути мы заехали в г. Коуксар, где побывали на ойратской свадьбе, где наш водитель был шафером. На свадьбе можно было увидеть антропологические типы ойратов, а также богатырские фигуры потомков легендарных батыров Джунгарского ханства. Незнакомый с этнонимами западных монголов может запросто запутаться в разных названиях представителей одного и того же народа. Торгуты – это по сути наши калмыки, перекочевавшие в XVII в. из Джунгарии (Восточного Туркестана) через казахские и алтайские степи, громя по пути сибирские крепости и уральских казаков, на Кавказ, где разогнали ногайцев и черкесов, боролись с чеченцами и терскими казаками. Торгуты, как и дербеты, одно из четырех племен ойратов, создавших Джунгарское ханство. На родину предков – Джунгарию – торгуты вернулись в конце XVIII в., идя через бесплодные казахские степи, теряя сотни тысяч населения и скота. Это огромная трагедия для калмыцкого народа, не менее трагичная, чем сталинская попытка переселения. Когда они, остатки народа, дошли до родных степей, оказалось, что Джунгарского ханства уже нет, все его население вырезано маньчжурской армией. После их отбытия российские власти уничтожили союзное Калмыцкое ханство, оставшееся малочисленное население ассимилировали.

В окрестностях г. Хоуксар сохранились руины бывшей столицы Джунгарского ханства с одноименным названием. Стены вокруг неё, выложенные из сырцовых кирпичей, были возведены

для отражения набегов кочевых племен, тех же ойратов и казахов. Между четырьмя ойратскими племенами, как повествуется в эпосе «Джангар», имели место бесконечные войны и вражда.

По великолепному китайскому шоссе лежит путь из Урумчи в труднодоступный горный район – Китайский Алтай. Несемся со скоростью 120 км в час, путь далекий – 900 км по платному шоссе. Часто сбавляем скорость при виде знака 90 км в час, по дороге расположены видеокамеры, фиксирующие нарушение дорожных правил. Вечером доезжаем до г. Борчин, где ночуем в местной гостинице. На входе-выходе в город расположены блокпосты, оснащенные пулеметами. Синьцзян – это китайская Чечня. Перед нашим прибытием в ответ на вылазки террористов, зарезавших десять китайцев в кафе, китайские военные расстреляли толпу уйгуров, убив сотни человек.

Бескрайние степи, наконец, заканчиваются подъемом в гору. Перед нами бесконечный серпантин горных дорог, по которому едут десятки огромных китайских автобусов, перевозящих туристов. По высоким горам на высоте 4 тыс. км над уровнем моря китайские власти с целью развития туризма недавно проложили прекрасную шоссейную дорогу. В нашем Горном Алтае приходится идти по горным тропам и, конечно, там нет деревень, только иногда встречаются стоянки чабанов и охотников. Наконец-то останавливаемся в туристическом пункте. Пьем чай и фотографируемся, держа в руках орлов. Они указывают дорогу вниз в долину, где есть тувинское село. Но село там не находим, только казахские юрты. Казахи летом кочуют в поисках корма для овец. В Китае их почти два миллиона человек. Во время гражданской войны в Китае казахские кочевники отличились своей доблестью. Только с помощью авиации и танков с огромным трудом китайская армия сумела подавить восстание Оспан-батыра. Остатки повстанцев отступили через горы в Афганистан, часть ушла в Монголию. Кочевники передвигаются огромными массами, не признавая никаких границ, в руках у них можно увидеть автоматы.

После традиционного угощения кумысом и бешбармаком, казахской лепешкой идем назад через горы, чтобы спуститься в другую долину, где расположена тувинская деревня Хом. При въезде в место спуска в долину останавливаемся у обоо. Обоо состоит из выложенных камней, здесь развешены цветные тканевые ленты – чала-

ма. Привязываем свою ленту к веревке, стараясь подвесить её как можно повыше. Кормим мать-землю, брызгая священный напиток вокруг обоо. И сами поднимаем тост в честь прибытия в место проживания китайских тувинцев. Мы заметили два обоо, одно большое – вдоль дороги, там были беспорядочно развешаны разного цвета и длины ленты. Другое – чуть подальше с аккуратными лентами. По информации тувинцев, одно обоо – ложное, для многочисленных туристов, чтобы они развешивали там свои ленты. Обоо для местных сделано в чисто буддийских традициях [ПИМА, 2011].

Почему нас заинтересовали именно китайские тувинцы? Марина Монгуш еще в 1990-е гг. ездила к ним, результатом стала публикация научных трудов о тувинцах Канаса. Кроме нее к ним ездили, собирали фольклорные и языковые материалы наши хорошие знакомые Жанна Юша и Чойгу-Оол, так что мы не открывали Америку. Тувинцы в горную местность вокруг озера Канас пришли еще во времена Джунгарского ханства. С тех пор их быт и язык мало изменились. Тувинские исследователи все время подчеркивают архаичность их языка. Мы посетили тувинские деревни: Хом, Канас. Иногда тувинцев Китайского Алтая называют кок-мончаками и урянхайцами. Хотя монголы, живущие вместе с ними, тоже урянхайцы. Урянхайцев принято считать омонголенными тувинцами, хотя у них имеется своя точка зрения на свое происхождение.

Чем интересны нам тувинцы? Е.В. Айбыжы каждый год ездит в тувинский мир: в Западную Монголию к алтайским урянхайцам, в Сойотию, в Тофаларию, в Тоджу, к цаатанам Монголии, где собирает материал по тувинской этнографии. Тувинцы – единственный тюркоязычный народ Сибири, все еще сохраняющий древние, в т.ч. шаманские традиции. Культура и традиции якутов, хакасов, даже горных алтайцев испытала очень сильное русское влияние в советский период и многое уже утрачено. Сейчас имеют место попытки возродить старинные традиции, что в основном опирается на исследования советских и российских этнографов. Время накопления и сбора этнографических материалов среди этих народов закончилось еще в 30-х гг. XX в. В отношении тувинцев, наоборот, наступил период сбора материалов. Возможно, только следующее поколение этнографов сумеет обработать и осмыслить накопленный в полевых условиях материал.

Работа в полевых условиях без знания языка имеет свою специфику. Сбор материала очень мизерный, вся информация поступает через переводчика. Во время конференций нам бывает довольно любопытно наблюдать и слушать выступления зарубежных и российских коллег из других регионов на якутскую тематику. Иногда они, рассуждая о якутах, в качестве источника информации ссылаются на Исторический форум сайта ukt.ru, рассказывая о потомственных шаманах Л.А. Афанасьеве и В. Кондакове. Наверное, и наши поверхностные наблюдения над алтайской и тувинской культурой с точки зрения её носителей выглядят столь же натянуто. Но желание узнать о чужой культуре, донести о ней своим соотечественникам, заставляет изучать научную литературу и доводит этнографа до дальних сел. В результате только взгляд со стороны способен зафиксировать уникальность чужой этнической культуры, дать подробное её описание. Для носителя собственной культуры, например, для якута, сенокос или подледная рыбалка-мунха, заготовка льда или охота на прилетных птиц – явление обыденное, не достойное пристального внимания и изучения.

Утро в Канасе начинается с шороха на улице. Это подметают асфальт девушки, очищают его от конского навоза. Село туристическое, живет за счет туризма. Многие подрабатывают подвозом на лошадях в туристические места, толпы китайских туристов садятся на коней и выезжают в гору.

Прежде всего, вспоминается гостеприимство населения Синьцзяна. Об умении вытянуть из информатора необходимую информацию, вести непринужденную беседу с этой целью за «рюмкой» местного напитка, о принятии местного обычая гостеприимства писал в свое время Л.П. Потапов. В тюрко-монгольской культуре отказ от угощения означает оскорбление хозяина дома. Именно в культуре питания и в праздничной культуре заложен код этнической культуры, раскрытие его лежит через беседы за столом.

В Канасе мы снимали процесс резания барана в местной скотобойне и удаления опухоли у лошади прямо на улице, для чего ноги опутывали веревками и держали её с четырех сторон. В каждом тувинском доме можно увидеть портрет Чингисхана, который в качестве доброго божества является хранителем дома. В тувинских селах есть своя интеллигенция, которая в основном принимает гостей и делится необходимой инфор-

мацией. Это учителя и бывшие военные в отставке. Учителя вообще не знали о местонахождении Якутии, нам показалось, что им далеко до уровня вузовского образования в России. Среди тувинцев Канаса много офицеров пограничной службы. Пограничная служба дает пропуск в тувинские села без визы, если об этом попросят представители местной тувинской общины. Как и в российской глубинке, здесь нет медицинских пунктов и работников, китайские медики приезжают и бесплатно проводят медицинское обследование населения. У них можно проверить пульс и пройти другие процедуры. Мы тоже прошли медицинскую проверку [ПМА, 2011].

Раньше тувинские женщины рожали в юртах. Поскольку специальных акушеров, врачей не было, то помогала роженице женщина пожилого возраста, которая и перерезала пуповину новорожденного. Чаще такую почетную миссию доверяли женщинам, которые имели много детей. Называли эту женщину хин-авай и по статусу считали второй матерью. Во время экспедиционных работ информанты рассказывали, что «хин-авай в роду признавалась очень почетной, авторитетной, при решении важных вопросов считались с ее мнением» [Айыжы, 2014, с. 81].

К русским (в данном случае к М. Резяпкину) местное население Синьцзяна относится с большой симпатией. Дело в том, что во время гражданской войны в Синьцзяне в 30-х гг. XX в. тувинцы и русские выступили в качестве союзников против мусульманских отрядов дунган и уйгуров, которых поддерживали казахские кочевники. Мусульмане тогда хотели создать свое государство в Синьцзяне, а казахи с их помощью – завладеть пастбищами тувинцев. Дунгане и казахи хотели истребить тувинцев в долине, с этой целью согнали все тувинское население и только русские сумели спасти их от истребления. Были ли это отряды белых казаков Дутова или Анненкова, или советские отряды, уже трудно установить. Долгое время, начиная с 1915 г. вплоть до 1950-х гг., когда китайские власти насильно заставляли потомков русских староверов и белогвардейцев уезжать в Австралию, тувинцы и русские жили в долине в соседстве. От русских тувинцы переняли срубные дома, инструменты для сенокоса и конную упряжь вместе с санями. Тувинцы рассказывали, как русские с плачем расставались с уже родной землей, прятали ружья и сабли в тайных схронах [ПМА 2011].

В Канасе хозяин юрты, в которой мы ночевали, исполнил концерт, играя на шооре. Шоор является самым популярным инструментом и предметом национальной гордости. Шоор – продольная флейта длиной до 60 см, с тремя игровыми отверстиями. Изготавливается только осенью из материала растительного происхождения – травы мандалааш. Когда цветы растения опадают, срезаются его стебель [Юша, 2014].

Тувинцы любят разговаривать об охоте. Хотя китайские власти запрещают им владеть огнестрельным оружием, даже охотничьим, тувинцы ездят по родовым угодьям, добывая зверя. С давних времен тувинцы изготавливали петли на зверей и птиц. Петли «тузак» свивали из волос из конского хвоста, различной крепости и величины – на куропатку, зайца, колонка. На куропатку ставили петлю «тырткар тузак» в кустарнике без приманки. На зайца и колонка петлю укрепляли на косо врытой палке и навешивали на петлю грузик. Промыслом петлями занимались дети, подростки, женщины и старики [Прокофьева, 2011, с. 193].

Обычно китайские туристы заходят в юрту, тувинцы наливают им чай и кормят, иногда поют и танцуют. Довольные туристы платят хозяину и идут в следующие юрты. На заборе дома висит игрушечный лук, на нем можно упражняться в стрельбе. Полное название ручного лука – «чаа согын», что означает «лук-стрела». Также называлась и стрела. В этом случае слово «чаа-согын» переводится как «стрела ручного лука». Эти названия указывают на то, что лук и стрела осознавались как единый комплекс оружия, как нечто цельное. Лук делали из одного куска дерева, в основном ивы. Тело лука, выточив, обклеивали полоской бересты или конской кожи. Клей при этом употребляли собственного изготовления. Варили клей из копыт, рогов, а также из кожи крупного рогатого скота [Там же, с. 185].

Тувинцы – очень гостеприимный народ. Они потчуют гостей национальными продуктами и напитками. Еще более гостеприимны казахи, кочующие с юртами. После изготовления «араки» в

большом котле остается кислый вареный творог – «пожа». Его выкладывают в мешки из редкой ткани и подвешивают в юрте или вне ее. Жидкость стекает и остается твердый творог. Его раскладывают на чистой бересте или на чистой мездре, мельчат и сушат на солнце. Получается сухой кислый творог – «кадырган ааржи». Он хранится очень долго. Если он не очень кислый, то его употребляют с чаем или молоком. Из коровьего, оленьего молока делают пресный сыр – «пыштак». Для этого в кипяченое молоко добавляют немного «хойтпак» и кипятят вместе с ним [Там же, с. 341].

Тувинцы – уникальный в этнографическом отношении народ. Они сохранили многое из традиционных обычаев тюркских народов Центральной Азии, утраченных в ходе коллективизации в первые десятилетия советской власти. К тому же в высокогорных районах Монголии, Бурятии и Китая сохранились тувинские этнографические группы, практикующие оленеводство и другие формы хозяйствования. Это цаатаны, кокмончаки, алтайские урянхайцы. Поэтому изучение этнокультурных контактов ураанхай-саха с остальными урянхайскими народами очень важно для якутской этнографии.

Литература и источники

Айыжы Е.В. Обрядовая практика тувинцев: рождение ребенка и колыбель // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2014. – № 4 (84). – С. 79–85.

Головнев А.В. Чукотский дневник: размышление о движении // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 6–16.

Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. – СПб.: Наука, 2011. – 583 с. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. IV).

ПМА, 2011 – Полевые материалы автора, 2011. Экспедиция в Китайский Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Юша Жанна. Шоор в традиционной культуре тувинцев Китая // Новые исследования Тувы. Март 2014. Электр. адрес Tuva.asia/journal/issue_21/6941-yusha.html.

V.V. Ushnitsky

Ethnographic etudes (one day from a field expedition in Xinjiang)

This article is described the field experiment of the author as a part of an ethnographic expedition of the Tuva State University in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, national region of the People's Republic of China in 2011. Within the narration "the culture model" of the Tuva people is in detail told about living conditions of a field expedition.

The amazing hospitality of Tuvan villages Hom and Kanas, acquaintance with national cuisine let you plunge into the local atmosphere, imbued with their way of life. Tuvinians living in Chinese Altai, around the Lake Kanas, preserved their ancient culture. There the influence of Russian culture on Chinese Tuvan, is noted as a result of living together in the valley with the Russian Old Believers in the first half of XX century.

The main occupation of the Tuvan population in the area of the Lake Kanas is ethnic tourism. The Chinese government strongly supports and subsidizes this direction, at the same time prohibits a traditional activity: hunting and animal husbandry. In the Tuvan villages together inhabited by indigenous nationalities of Xinjiang Kazakhs, Kyrgyz, Uighurs, Dungans and the Mongols (Oirats). Tuvans of China known as Kok-Monchaki and Uriyangkhai. Tuva retained many of the traditional customs of the Turkic peoples of Central Asia, which was lost by the peoples of South and East Siberia in the first decades of the Soviet authorities during collectivization.

Keywords: Tuvinians, field expedition, China, Xinjian, Lake Kanas, ethnography.

РЕЦЕНЗИЯ

А.А. Петров

Рецензия на книгу О.Г. Сидорова «Платон Ойунский»

В жизни народов Республики Саха (Якутия) и российской общественности произошло знаменательное событие – вышла в свет новая книга о П.А. Ойунском. Его имя свято и почитаемо каждым жителем нашей республики, известно в России и далеко за ее пределами. В истории есть имена, которые не подвержены забвению, они выходят из толщи народной жизни и возвращаются в народ. Никакие силы не могут стереть их из памяти народной, их дела живут вечно, продолжаясь из поколения в поколение.

Книга известного журналиста и писателя, заведующего кафедрой журналистики СВФУ им. М.К. Аммосова, академика Академии духовности Республики Саха (Якутия) Олега Гаврильевича Сидорова посвящена жизни и деятельности крупного якутского государственного деятеля, писателя, ученого Платона Алексеевича Слепцова (Ойунского).

Как отмечает во вступительной статье «Слово об Ойунском» глава Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисов, данная книга является достойным подарком всего многонационального народа республики к 125-летию со дня рождения великого земляка, которое будет отмечаться в 2018 г.

Книга состоит из предисловия, девяти глав, хронологии основных дат жизни и деятельности П.А. Ойунского, краткой библиографии.

В корпусе монографии последовательно освещаются основные вехи жизни и творчества якутского лидера, основателя государственности Якутии, писателя и ученого. В первой главе «Корни» автор повествует о родословной Ойунского, его родителях, детстве и отрочестве; первом учителе маленького Платона, начале его дружбы с Максимом Кировичем Аммосовым в период их совместной учебы в Якутске. Вторая глава озаглавлена «В огне революции». Здесь описаны Февральская революция, Октябрьский переворот и гражданская война в Якутии, а также деятельность Ойунского в Томске и его возвращение в Якутск. В главе третьей «Новая культура» рассматриваются манифест Ойунского, его пьеса «Красный шаман», влияние Максима Горького на становление и развитие молодой якутской литературы и борьба за национальную культуру. Четвертая глава – «Борьба за автономию» – рассказывает о работе Ойунского в качестве первого руководителя Якутской республики, о роли Максима Аммосова в становлении молодой автономной республики. Пятая глава посвящена работе Ойунского как публициста и журналиста. Здесь рассказано о газете «Манчары», Семене Андреевиче Новгородове и его алфавите. Данный период автор рассматривает как «этнический ренессанс». В шестой главе «Во главе Союза писате-

© А.А. Петров, 2016

лей» описан период жизни Ойунского после кончины Алексея Кулаковского (Ексекулях). Тут автор повествует о работе Ойунского в должности наркома просвещения и председателя Союза писателей Якутии, анализирует его триаду – произведения «Александр Македонский» – «Соломон Мудрый» – «Кэрэкэн». В этой же главе впервые упоминается о работе писателя и ученого над героическим эпосом народа саха «Нюргун Боотур Стремительный». Автор информирует читателя о защите Ойунским в Москве диссертации на соискание ученой степени кандидата лингвистических наук на тему «Якутский язык и пути его развития». Седьмая глава «Организатор науки» освещает работу Ойунского как основателя и директора Института языка и культуры и трагические годы жизни его семьи. Глава восьмая – «Арест и гибель» – повествует о последних годах жизни Ойунского. Здесь описаны события кровавого 1937 г., участие Ойунского как депутата в работе I сессии Верховного Совета СССР, арест в Иркутске, затем якутская тюрьма и его смерть в изоляторе. Глава девятая названа автором книги «Возвращение в бессмертие». Здесь речь идет о реабилитации Ойунского и возвращении его имени народу.

Таким образом, структура книги подчинена единому творческому замыслу автора рассказать о жизни и деятельности П.А. Ойунского в ее хронологической последовательности. Вместе с тем читатель в процессе чтения неоднократно отступает от исторической линии произведения, вновь и вновь вместе с автором погружается в отступление, экскурсы в настоящее время, проводит сравнения и аналогии. Олег Сидоров как публицист и прозаик тем самым создает единую ткань оригинального текста, филигранно представленного в синхронном и диахроническом аспектах. Автор погружает читателя в ту историческую эпоху, которая предопределила судьбы многих поколений людей в СССР и России. Появление настоящей книги особенно актуально еще и потому, что в 2017 г. мы будем отмечать 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции, после которой произошли глобальные изменения в геополитической ситуации в России, повлекшие кардинальные преобразования в развитии общества не только в нашей стране, но и в мире. Именно Октябрьская революция дала многим обездоленным национальным меньшинствам в России возможность создания своих автономий

(республик, округов, областей), письменности на родных языках, ликвидации безграмотности, осуществления культурных преобразований и мн.др. В этом ряду достойное место занимают и Якутская АССР – ныне Республика Саха (Якутия), и проживающие и на ее территории автохтонные и другие народы нашей страны. За годы советской власти (и это неоспоримый факт), к примеру, коренные народы Якутии – саха, эвены, долганы, юкагиры и чукчи – прошли трудный, но достойный путь к вершинам современной культуры, науки и искусства. Это была мечта таких подвижников и лидеров Якутии, как П.А. Ойунский, М.К. Аммосов, И.Н. Барахов, С.А. Новгородов и др.

Книга читается легко и с большим интересом. Она содержит огромный фактологический и исторический материал, в ней отражен солидный отрезок времени (с древнейших времен и до наших лет), в котором автор уделил особое внимание развитию вопросов культуры, образования, науки и искусства. Самостоятельную ценность представляют собой предъявленные автором исторические справки об А.Я. Уваровском, О.Н. Бетлингке, В.П. Васильевском, Н.М. Ядринцеве, С.П. Ойунской и других, а также об Институте языка и культуры – ныне Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Каждой главе книги предпослан эпиграф из произведений или писем Ойунского, четко документированный автором.

Отрадно то, что автор позаботился о русскоязычном читателе и дал пояснения якутским словам и терминам, таким, как *торуом* (с. 7), *нуча* (с. 8), *алас* (с. 12), *наслег* (с. 16), *балаган* (с. 27), *сэргэ* (с. 111) и др.

О.Г. Сидоров при написании своей книги опирался на ранее опубликованные труды отечественных и зарубежных ученых-исследователей. Это работы В.М. Куннук-Урастырова, С.П. Данилова, Г.Г. Окорокова, Н.Е. Мординова, А.Е. Мординова, О.Д. Якимова, В.Н. Иванова, Е.Е. Алексеева, А.Г. Новикова, А.А. Калашникова, В.И. Пестерева, Г.Г. Макарова, Д.В. Кустурова, Е.П. Антонова, В. Яковлева-Далана, В. Харысхала, С.А. Попова-Тумата, М.С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ, а также С. Каплонского и др. Он собрал, проштудировал и обобщил огромный объем ранее опубликованного архивного материала. Ввел много данных в научный оборот. В этом за-

ключается научная новизна рецензируемого исследования.

В книге много примеров из произведений П.А. Ойунского, почти в каждой главе они представлены очень уместно и весьма органично дополняют единую канву повествования. Автор книги отмечает, что произведения Ойунского переводили в разные годы Олег Шестинский, Владимир Державин, якутские авторы Альбина Борисова, Егор Сидоров, Владислав Доллонов и др. В корпусе книги приводятся примеры из творчества писателя, а также отрывки из воспоминаний его родных в переводах А. Кафарова, А. Шапошниковой, В. Корчагина и др. Некоторые произведения Ойунского автор, как носитель и знаток родного якутского языка, приводит в собственном переводе.

Особо необходимо отметить, как несомненное достоинство труда О.Г. Сидорова то, что он использовал в своей работе как архивные материалы, так и современные электронные ресурсы. Это сведения, найденные им в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) (Ф. 3. Оп. 20. Д. 3; Ф. 4. Оп. 9. Д. 113. Л. 1–7, черновик автора; Ф. 5. Оп. 2. Д. 94. Л. 17) и др.

Особенно отрадно то, что О.Г. Сидоров взялся за исследование очень трудной и сложной проблематики – через призму биографии одного человека изучить особенности целой эпохи, которая явилась переломной для многих людей нашей страны. Он не побоялся и того, что жизни и творчеству П.А. Ойунского были ранее посвящены такие солидные труды, как «П.А. Ойунский. Статьи и воспоминания» (Якутск, 1969); «П.А. Ойунский. Взгляд через годы» (Новосибирск, 1998); работы С.П. Ойунской «Светлой памяти отца: Поэмы, эссе, статьи, воспоминания» (Якутск, 1999); П.П. Петрова «П.А. Ойунский: забытые мгновения (1937 год)» (Якутск, 2003); сборник архивных документов «Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность» (Якутск, 2015) и др. Это свидетельствует о высокой гражданской ответственности автора и его зрелости как мастера художественного слова.

Отдельно следует сказать о том, что О.Г. Сидоров написал автобиографическую повесть, соответствующую канонам известной серии «Жизнь замечательных людей». Вслед за Н.М. Коняевым, опубликовавшим в этой серии биографию Алексея Кулаковского (М., 2011), Олег Сидоров стал первым якутским автором,

осветившим якутскую тематику в этой знаменитой на весь мир серии, основанной в 1890 г. Ф. Павленковым и продолженной в 1933 г., по инициативе М. Горького. По настоящее время серия «ЖЗЛ» пользуется огромной популярностью среди читателей всех возрастных категорий. Заслуга О.Г. Сидорова заключается в том, что он открыл широкому кругу российских и зарубежных читателей доступ к истокам истории Якутии, ее выдающихся деятелей науки, образования, культуры, в данном случае в лице известного государственного деятеля, писателя и ученого Платона Алексеевича Ойунского.

Весьма интересными представляются малоизвестные факты биографии Ойунского, описанные автором новой книги. Это, например, то что в «2003 году, в год 110-летия П. Ойунского, комиссия Международного астрономического союза по номенклатуре малых тел утвердила присвоение его имени малой планете диаметром пять километров, зарегистрированной в каталоге под номером 16407 и являющейся частью главного пояса астероидов. Планета была открыта в Крымской астрофизической обсерватории в 1985 г. крымскими астрономами, доктором физико-математических наук Николаем Черных и его супругой Людмилой» (с. 22). Или например, такой факт: «В августе 2015 г. экспедиция клуба “Исторические автомобили Якутии” нашла автомобиль Ойунского в далекой от Якутска местности, в ста метрах от заброшенного тракта “Алдан–Якутск”». Новость о том, что найден легендарный ГАЗ-АА, на котором в свое время передвигался Платон Ойунский, стала сенсацией. Участник экспедиции Андрей Сивцев сказал в своем интервью: «Это автомобиль ГАЗ-АА 1933 года. Очень интересна его роль в истории Якутии. В те времена здесь было всего два таких автомобиля. Есть фотография, на которой Платон Ойунский читает текст, стоя на такой машине. Автомобиль принадлежал не ему, а, скорее всего, Наркомпросу, но он на нем ездил. Тогда основным транспортом были гужевые повозки, а автомобиль был редкостью и роскошью... В России сейчас есть всего лишь шесть таких восстановленных автомобилей. Если нам удастся его восстановить, он станет седьмым в России. Опыт восстановления у нас есть, это реально» (с. 280). И таких примеров и фактов в книге немало.

Книга богато иллюстрирована фотографиями. Здесь представлены как редкие архивные фото-

графии, так и современные снимки. Это значительно украшает работу и делает ее весьма информативной и наглядной для читателя.

Что касается замечаний, возникших в ходе ознакомления с книгой, то это то, что приложенная библиография уж поистине очень краткая. На наш взгляд, ее можно было существенно расширить, даже без включения в нее трудов на якутском языке. Это позволило бы читателям обратиться к более широкому кругу изданий, а через них к еще большему кругу вопросов, связанных с историей Якутии, ее наукой, образованием, культурой и искусством в исторической динамике и в реалиях современной действительности. Но это уже было правом автора.

В целом книга О.Г. Сидорова «Платон Ойунский» написана доступным, грамотным литературным русским языком, является законченной и логически выдержанной автобиографической повестью, заслуживающей внимания широкого круга

читателей. Хочется привести в заключение строки из стихотворения-завещания П.А. Ойунского:

«Мне ль быть на жизнь свою в обиде?
Мне ль пред своей судьбой робеть?
Мы все, родившись, солнце видим,
Мы все, родившись, встретим смерть.
И я умру – мой прах исчезнет,
Травой мой холмик порастет,
Но мной оставленные песни
В столетях сохранит народ».

Считаем, что книга О.Г. Сидорова, посвященная жизни и деятельности П.А. Ойунского, является примечательным событием в культурной жизни Республики Саха (Якутия) и России. Она внесет значительный вклад в развитие отечественного литературоведения и журналистики. Надеемся, что она найдет благодарного читателя не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Михаил Петрович Алексеев-Дапсы

(к 80-летию со дня рождения)

В ноябре 2016 г. исполнилось 80 лет кандидату филологических наук, заслуженному работнику культуры Республики Саха (Якутия), почетному гражданину Верхневилуйского улуса, заслуженному ветерану Сибирского отделения АН СССР, кавалеру знака отличия «Гражданская

доблесть» Михаилу Петровичу Алексееву-Дапсы.

Он родился 6 ноября 1936 г. в Оногосчутском наслеге Верхневилуйского района Якутской АССР. В суровые годы военного лихолетья испытал на себе нужду и бедность, некоторое время жил в Вилуйском детском доме. Учился в Верхневилуйской средней школе. По ее окончании поступил на якутское отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета. После успешного окончания Якутского госуниверситета, с 1962 г., началась его трудовая деятельность. В 1962–1965 гг. – учитель якутского языка и литературы в школе Верхневилуйского района, заведующий школьным отделом РК ВЛКСМ Вилуйского производственного управления и др.

В 1965–1972 гг. – сначала лаборант, затем младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР.

В соавторстве с кандидатами филологических наук П.С. Афанасьевым и М.С. Воронкиным работал над составлением «Диалектологического словаря якутского языка» (М., 1971). Будучи наделенным обостренным языковым чувством, одним из первых поднял вопрос о сохранности и чистоте якутского и других национальных языков.

В 1974–1989 гг. – он литсотрудник, ответственный секретарь газет «Эдэр коммунист», «Дьокуускай», «Кыым». В этот период он проявил себя как талантливый журналист, литературный критик, одаренный редактор, переводчик. На страницах республиканских газет появлялись его многочисленные публистические статьи под псевдонимом «Дапсы».

В 1989 г. он вернулся в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и проработал в нем до 2012 г. В соавторстве с М.С. Воронкиным, Ю.И. Васильевым закончил составление дополнительного тома «Диалектологического словаря якутского языка» (Новосибирск, 1995), работал над новой темой «Культура речи саха: отклонения от традиционного узуса», по которой в 2000 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 2005 г. опубликовал словарь

по культуре речи («Саха тылын үйэлээх үгэһин тылдьыта»), где даны образцы узуального употребления малопонятных для современного читателя слов и словосочетаний.

Как литературный критик и журналист, он выпустил книги «Сүр тостубатын» (1992), «Уус кыһатынан», суруйааччы тылынан (1994), «Биһирэм тыл 500 биэриитэ» (2004), «Саха тылын култууратын тирээн турар боппуруостара» (2003) и др. В эти же годы вышли в свет его поэтические произведения (стихи и поэмы) в двух книгах: «Бу ытык өбүгэ олоһор» (2011), «Олох амтана» (2012), где автор воспел свою любовь к родному народу и его языку.

Михаил Петрович – тонкий знаток и неутомимый пропагандист родного языка. Его еженедельные (с 1992 г.) передачи по радио «Биһирэм тыл» пользуются у слушателей большим успехом. Общественность республики в знак признательности, по инициативе общества «Ийэ тыл», организовала в 2004 г. торжественный вечер, посвященный 500-й передаче «Биһирэм тыл». В настоящее время количество передач перешагнуло далеко за 1000.

Около 20 лет он читал на кафедре якутского языка Якутского государственного университета курс лекций по культуре речи саха, руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Заслуга его в том, что он возобновил прерванный курс лекций по культуре якутской речи для студентов высшего учебного заведения.

На основе своей диссертации в 2013 г. он опубликовал монографию «Иньэ тыл үйэлээх үгэһэ

уонна онтон туорааһын: сахалыы һаҥа култуурата (Дьокуускай, 2013, 496 с.). На основании учений С.П. Обнорского, А.А. Потебни, Г.О. Винокура, Л.П. Ступина, С.А. Новгородова и других убедительно показал, что основополагающими в языковой норме являются веками сложившиеся узуальные традиции, объективно существующие на уровне устной речи. Автор на необычайно богатом фактическом материале подтвердил, что безудержно распространяемые фонетические, морфологические, лексические, синтаксические и стилистические отклонения от языкового узуса привели к оскудению некогда богатого и красивого языка саха, языка олонхо.

В последние годы плодотворно работал в группе терминологов ИГиИПМНС СО РАН, в 2012 г. по собственному желанию ушел на заслуженный отдых. Однако покой, как говорится, ему только снится: он много времени уделяет обогащению и обновлению материала «Биһирэм тыл», активно участвует в мероприятиях, проводимых по линии общества «Ийэ тыл», продолжает писать статьи, очерки и творить стихи, поэмы...

Пожелаем дорогому коллеге Михаилу Петровичу надолго оставаться таким же деятельным, энергичным, бодрым на благо родного народа, а его замечательной семье – благополучия, радостей и осуществления всех надежд!

Е.И. Оконешников,
д.ф.н., с.н.с. сектора лексикологии
ИГиИПМНС СО РАН

Наталья Ивановна Бурнашева

(к 60-летию со дня рождения)

30 ноября 2016 г. исполняется 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника сектора истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Бурнашевой Натальи Ивановны.

Н.И. Бурнашева родилась 30 ноября 1956 г. в г. Якутске. В 1974 г. закончила среднюю школу № 8 г. Якутска. В 1974–1979 гг. она училась на историко-филологическом факультете Якутского государственного университета по специальности «История». В период с 1979 по 1983 г. работала научным сотрудником в Центральном государственном архиве Якутской АССР. В 1983 г. поступила на работу в Якутский госуниверситет на должность ассистента кафедры общественных наук. В 1989 г. поступила в очную аспирантуру Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО РАН и в 1993 г. успешно защитила диссертацию в диссертационном совете института по теме «Промысловая кооперация Якутии (1919 г. – июнь 1941 г.)» под научным руководством С.И. Ковлекова.

С 1994 г. работала в должности старшего преподавателя, позже доцента кафедры политологии исторического факультета Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. В ноябре 2001 г. решением Министерства образования РФ присвоили учёное звание доцента. В 2009–2011 гг. проходила стажировку на кафедре истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова. По окончании стажировки под руководством Л.И. Семенниковой успешно защитила диссертацию по теме «Роль кооперации в социально-экономическом развитии Якутии (70-е гг. XIX в. – 80-е гг. XX в.)» на соискание ученой степени доктора

исторических наук в диссертационном совете при факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

Н.И. Бурнашева является автором 101 научной и учебно-методической публикации, в том числе трёх монографий: «Кооперация кустарных промыслов Якутии» (Якутск, 1999); «В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.)» (М., 2009); «Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.)» (М., 2011); двух учебных пособий для студентов (в соавторстве): «Политология» и «История Якутии»; научно-популярного издания: «Союзу потребителей “Холбос” Республики Саха (Якутия) – 90 лет, 1918–2008 гг.» (Якутск, 2009) и 19 научных статей в журналах, рекомендованных ВАКом.

В 2007 г. выиграла грант международного конкурса стран Азиатско-Тихоокеанского региона и приняла участие в международной образовательной программе «E-Learning» (Южная Корея). С 2010 г. участвовала в международном проекте «Towards a global history of the consumer co-operation» в сотрудничестве с University College of London (UK) и Labour Movement Archives and Library (Sweden). В рамках этого проекта 2–4 мая 2012 г. выступила с докладом на международной конференции «Towards a global history of the consumer co-operative movement» (Стокгольм, Швеция). В мае – июле 2012 г. проходила стажировку на кафедре истории Университета Саймона Фрейзера (Ванкувер, Канада).

Для студентов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова ею разработаны и апробированы курс лекций по «Истории Якутии», «Истории России», «Политологии», спецкурсы «Государственная политика и управление», «Мировая политика и международные отношения». За годы работы на историческом факультете университета она занимала должности заместителя декана факультета по воспитательной работе, заместителя декана по учебной работе, председателя учебно-методической комиссии факультета, являлась куратором учебных групп.

За отличные показатели в работе и добросовестный труд отмечена грамотами и благодарностями Министерства образования РС (Я), Департамента по высшей школе и науке при Правительстве РС (Я), Академии наук РС (Я), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. В 1999 г. по итогам Всероссийского открытого конкурса студенческих работ была награждена дипломом Министерства общего и профессионального образования РФ за научное руководство работой, отмеченной медалью Министерства как лучшей научной работы студентов по гуманитарным наукам в вузах РФ. В 2009 г. удостоена отраслевой награды Министерства образования и науки РФ – нагрудного знака «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Будучи экспертом Министерства образования РС (Я) с 2002 г. ежегодно принимала участие в проверке работ ЕГЭ по истории и обществознанию. С 2007 г. и поныне является организатором проведения муниципального и республиканского этапов Всероссийской олимпиады школьников по истории и обществознанию.

С 2013 г. работает в секторе истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН. Руководит блоком в НИР по теме «Политическая, социально-экономическая и социокультурная модернизация Якутии (сер. XIX в. – 1930-е гг.)». Участвует в качестве редактора главы и автора в проекте «История Якутии» (т. 3). Осуществляет научное руководство четырьмя аспирантами (два – из ИГИиПМНС СО РАН и два – из СВФУ им. М.К. Аммосова). По совместительству работает в должности профессора на кафедре социологии СВФУ им. М.К. Аммосова.

Желаем Наталии Ивановне Бурнашевой крепкого здоровья, успехов в научно-исследовательской и преподавательской работе, счастья в семье и всего самого доброго!

Е.П. Антонов,
к.и.н., доцент, завсектором истории Якутии
ИГИиПМНС СО РАН

Сведения об авторах

Акерев Табылды Абдраманович – к.и.н., директор Института этнологии Международного университета Кыргызстана, akttar@mail.ru

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, завсектором истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru

Васильев Валерий Егорович – к.и.н., с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, valera_305@mail.ru

Винокурова Надежда Ивановна – к.ф.н., н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nadyavinokurova@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – д.ф.н., г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Иванова Ирина Борисовна – к.ф.н., н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, imenaotglagola@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – к.ф.н., с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, haar-haar@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна – к.и.н., завсектором этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, v_ignat@mail.ru

Кузьмина Ангелина Афанасьевна – аспирантка Института языка и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, angeli_kiim@mail.ru

Никитина Саргылана Егоровна – к.и.н., н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, sarg_nik.ykt@mail.ru

Оконешников Егор Иннокентьевич – д.ф.н., с.н.с. сектора лексикологии ИГИиПМНС СО РАН, Egorinnokentevich@mail.ru

Петров Александр Александрович – д.ф.н., профессор кафедры алтайских языков, фольклора и литературы института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, petrovalexspb@mail.ru

Покатилова Надежда Володаровна – д.ф.н., в.н.с., руководитель рукописного отдела ИГИиПМНС СО РАН, профессор СВФУ им. М.К. Аммосова, pnv_yusu@mail.ru

Романова Екатерина Назаровна – д.и.н., завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, e_romanova@mail.ru

Романова Лидия Николаевна – к.ф.н., завсектором литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Самсонова Тамара Петровна – к.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Санникова Яна Михайловна – к.и.н., н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, san-nikowa@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – к.и.н., с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПМНС СО РАН, voma@mail.ru

Шарина Сардана Ивановна – к.ф.н., завсектором эвенской филологии ИГИиПМНС СО РАН, sarshar@mail.ru

Ыбырайым Азимхан Оразбаевич – к.ф.н., доцент Таразского государственного университета имени М.Х. Дулати Кыргызстана, azimchan23@mail.ru

Information about authors

Akerov Tabyldy Abdramanovich – PhD in History, Director, Institute of Ethnology, International University of Kyrgyzstan akttar@mail.ru

Antonov Egor Petrovich – PhD in History, Associate Professor, Head of the History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, antegor@yandex.ru

Vasiliev Valery Egorovich – PhD in History, Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera_305@mail.ru

Vinokurova Nadezhda Ivanovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nadyavinokurova@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, nik.efrem50@mail.ru

Ivanova Irina Borisovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, imenaotglagola@mail.ru

Ivanova Nina Innokentevna – PhD in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, haar-haar@mail.ru

Ignateva Vanda Borisovna – PhD in History, Head of Ethno-sociology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, v_ignat@mail.ru

Kuzmina Angelina Afanasevna – Postgraduate Student, Institute of Language and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Editor of Children's Newspaper "Balam buol+", angeli_kiim@mail.ru

Nikitina Sargylana Egorovna – PhD, Research Fellow, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarg_nik.ykt@mail.ru

Okoneshnikov Egor Innokentevich – PhD, Professor in Philology, Senior Researcher, Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Egorinnokentevich@mail.ru

Petrov Aleksandr Aleksandrovich – PhD, Professor in Philology, Department of Altaic Languages, Folklore and Literature Institute of the Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia, petrovaalexspb@mail.ru

Pokatilova Nadezhda Volodarovna – PhD, Professor in Philology, Leading Researcher, Head of Manuscript Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Professor, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, pnv_ysu@mail.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna – PhD, Professor in History, Head of Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, e_romanova@mail.ru

Romanova Lidia Nikolaevna – PhD in Philology, Head of the Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Samsonova Tamara Petrovna – PhD in Philology, Senior Researcher, Study Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Sannikova Yana Mikhailovna – PhD in History, Research Fellow, Ethno-Social Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sannikowa@mail.ru

Tomaska Alyona Georgievna – Research Fellow, Ethno-Social Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, algepo@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasilyevich – PhD in History, Research Fellow, Ethnography of the People of the North East of Russia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, boma@mail.ru

Sharina Sardana Ivanovna – PhD in Philology, Head of Even Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarshar@mail.ru

Ybyrayem Azimkhan Orazbaevich – PhD in Philology, Associate Professor, Taraz State University named after M.Kh. Dulaty, Kyrgystan, azimchan23@mail.ru

**Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»**

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Объем научной статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), информационные статьи – 3–6, хроникальные заметки – 1–3 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Абзац – 1,25 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписуточные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Перед названием статьи обязательно указать УДК.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются. Рукописи в печатном и электронном виде (формат Word 95, 98, 2000) направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 301, 303. Тел. 35–15–16; 36–42–35.

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-65055 от 10 марта 2016 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 06.12.2016. Дата выхода в свет 26.12.2016

Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л. 17,5. Уч.-изд. л. 15,7. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69